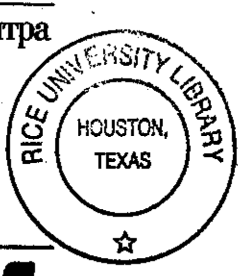
«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
Публикации Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 6

КАЗАХСТАН И РОССИЯ:

ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редактор - составитель Д.Е.Фурман

Москва
«Издательство ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
2004

ББК 8.1
К 14

Ответственный редактор-составитель –
доктор исторических наук профессор *Д.Е. Фурман*

Книга написана и опубликована по заказу и на средства
Фонда Андрея Сахарова (США)
и его президента г-на Эдварда Кляйна

К 14 **Казахстан** и Россия: общество и государство. – М.: «Права человека», 2004. – 522 с.

Данная книга – сборник статей авторов из России, Казахстана и других стран. В ней рассматриваются вопросы постсоветского развития Казахстана, анализируются причины сходства и различий его эволюции с эволюцией постсоветской России. Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ББК 8.1

Ответственные за выпуск *И. Зайцев*
Корректор *М.Крючкова*

ИД № 02184 от 30.06.2000. Подписано в печать 15.12.2004.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура ньютон.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 1541

Издательство «Права человека»,
119992, Москва, Зубовский бульвар, 17
веб-сайт: www.hrpublishers.org

Фабрика офсетной печати, г. Обнинск, ул. Королева, 6

ISBN 5-7712-0316-5

Дмитрий Фурман

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КАЗАХСТАНА

1

Цель настоящей статьи – показать логику развития и функционирования политического режима постсоветского Казахстана. При этом я буду стараться сравнивать казахстанский режим с российским.

Стартовые условия постсоветского развития во всех республиках бывшего СССР были очень схожи, а формальная институциональная структура и идеология были просто едиными на всем пространстве СССР. Схожи или просто тождественны были и формально заявленные лидерами образовавшихся в результате распада СССР новых независимых государств цели – построение демократических обществ с рыночной экономикой. Соответственно схожи были и проблемы, стоявшие перед новыми государствами. Тем не менее различия путей их политического развития и возникших в них политических систем – очень велики.

Тождество или почти тождество формальных стартовых условий и различие результатов облегчают и предполагают сравнение политической эволюции наших стран. Такое сравнение позволяет выявить общие закономерности постсоветского развития, «нащупать» факторы, модифицирующие эти закономерности (начиная от наиболее глубоких и прочных, связанных с глубокими культурными различиями, которые стали проявляться при исчезновении принудительной советской унификации, и с географическим положением, и кончая чисто случайными обстоятельствами), и те переломные моменты, в которые под влиянием этих факторов развитие разных стран пошло по разному пути. При этом в ряде стран, несмотря на изначальное формальное тождество институтов, дивергенция началась так рано и зашла так далеко, что их политическое развитие и современные политические системы почти несопоставимы. Например, сравнение политической эволюции и сложившихся политических систем Эстонии и Туркмении, можно сказать, «не интересно», ибо уж слишком много между ними различий. Сравнивать их – почти то же самое, что сравнивать политические системы США и Саудовской Аравии. Значительно интереснее сравнение таких стран, как Казахстан и Россия, чьи политические эволюции и сложившиеся системы схожи.

Мы можем классифицировать все постсоветские государства по важнейшему политическому признаку, основному признаку демократичес-

кой системы – возможна ли в них ротация власти, может ли в них оппозиция мирно и законно, в рамках конституции победить на выборах и возглавить правительство. Исходя из этого критерия, мы можем выделить три группы постсоветских стран.

Во-первых, это группа стран, которые с самого начала пошли по пути демократии, в которых установленные конституциями «правила игры» неизменны, а победители и побежденные в этой «игре», напротив, могут быть разными. В этих странах на протяжении постсоветского периода власть уже несколько раз переходила из рук в руки путем выборов. Это три балтийские страны – Эстония, Латвия и Литва и Молдова.

Во-вторых, это ряд стран, которые можно отнести к переходной группе. В некоторых из них смена власти происходила, но не демократическим путем, а путем вооруженных переворотов, и лишь затем результаты этих переворотов легитимировались выборами. Это – Азербайджан, Грузия, Таджикистан. В значительной мере к этой же группе можно отнести и Армению, где переход власти от Л. Тер-Петросяна к Р. Кочаряну произошел фактически в результате военного переворота. В других странах, принадлежащих к этой группе, смена власти произошла демократическим путем, но только один раз (Украина и Белоруссия). Во всех этих странах правители пытаются выстроить систему, исключающую дальнейшую ротацию власти. Но успех этих попыток – очень разный. Так в Белоруссии Лукашенко смог создать жесткую систему, эффективно блокирующую дальнейшие ротации. Украина и Грузия, напротив, в обозримом будущем могут перейти в группу стран, где ротация власти – норма.

Наконец, третья группа стран – страны, которые с самого начала пошли по пути строительства политических систем с «безальтернативными президентами». Это – страны, в которых на протяжении всего постсоветского периода ротации власти вообще не было и у власти и сейчас – тот же человек, который руководил страной в момент провозглашения независимости (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркмения) или назначенный им преемник (Россия). При этом конституции в этих странах менялись, и в Казахстане, например, президент Назарбаев остается главой государства при трех разных конституциях. В этих странах меняются не победители и побежденные при неизменных правилах игры, но правила игры при неизменном победителе (что на деле означает, что эти правила – лишь формальны, что фактически игра идет по другим правилам). Отличия России, в которой правит назначенный Ельциным наследник, от других стран этой группы, где смены власти вообще не было, нельзя рассматривать как принципиальные, системные, ибо они обусловлены скорее случайными факторами, связанными со здоровьем и возрастом первого российского президента.

Возможность или невозможность демократической ротации власти – важнейший, но не единственный критерий классификации, и принадлежащие к одной группе постсоветские государства могут отличаться

друг от друга по другим важным признакам. В группу государств, не прошедших через ротацию, входят страны, в которых есть легальная оппозиция (Россия, Казахстан, Кыргызстан), хотя система организована так, что ее мирный приход к власти путем выборов невозможен, Узбекистан, в котором – псевдомногопартийность, близкая к псевдомногопартийности «стран народной демократии», и Туркменистан, режим которого представляет собой ту крайнюю степень авторитаризма, которую уже можно назвать тоталитаризмом.

По оценкам степени политических и гражданских свобод, «выставленным» организацией «Freedom House» бывшим советским республикам за 2003 г. (1 – максимальная и 7 – минимальная степень свободы) все три республики Балтии получили оценку 1,5, Молдова – 3,5, Армения, Грузия и Украина – 4, Россия – 5, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – 5,5, Белоруссия – 6, Узбекистан – 6,5 и Туркменистан –7.

Таким образом, Казахстан по своему политическому устройству не только принадлежит к одной группе стран с Россией, но и внутри нее очень близок к России.

2

Коммунистические режимы, а особенно режим СССР, создали систему тотального (и формального) контроля над обществом, которая позволила им достаточно долго просуществовать уже после того, как идеология, на которой они основывались, утратила свою силу и способность вызывать преданность. Это обусловило и специфическую форму падения коммунистической системы. В СССР (как и практически во всем «соцлагере», кроме Польши) ко времени падения коммунизма не было сколько-нибудь серьезного антикоммунистического революционного движения – любые зародыши таких движений моментально уничтожались, но к концу советской истории режим настолько «прогнил», что достаточно было появления в общем-то очень слабых и аморфных движений, вызванных к жизни горбачевской либерализацией, чтобы режим рухнул. Силы, вступившие в борьбу с режимом, были очень слабы. Но сил, им противостоящих, практически просто не было.

Коммунистическая элита, те, кто вроде бы должен был возглавить сопротивление революционным силам, стать аналогами организаторов белого движения в первом революционном цикле, в массовом порядке отказалась от коммунистической идеологии. Даже тогда, когда сопротивление все-таки оказывалось, его мотивацией было скорее стремление сохранить государство, «империю», чем коммунистическая идеология. Если Сахаров или Ельцин – очень слабые аналоги революционеров первого цикла, то Язов или Варенников – еще более слабые аналоги Корнилова и Деникина.

Эта предельная слабость сопротивления имела два основных следствия. Во-первых, она спасла СССР от гражданской войны[1]. Во-вторых,

она дала отказавшейся от коммунистической идеологии коммунистической элите возможность сохранить свои позиции и стать элитой новых, возникших в результате падения коммунизма и распада СССР обществ.

Во всем постсоветском (и в меньшей степени – во всем посткоммунистическом) пространстве колоссальные социально-экономические и идеологические перемены, связанные с падением коммунистического строя, сочетались с совершенно несоизмеримой с этими переменами степенью преемственности правящей элиты. В истории трудно найти примеры, когда люди, стоявшие у власти при одном социальном и политическом строе и господстве одной идеологии, продолжали бы находиться у власти при переходе к совсем иным строю и идеологии. Между тем для постсоветского пространства эта ситуация – типичная.

Слабость антикоммунистических движений и еще большая слабость сопротивления им со стороны коммунистической элиты характерны и для Казахстана, и для России. В обеих странах переход к новой, несоветской государственности и капиталистической экономике осуществлялся под руководством представителей верхних эшелонов коммунистической номенклатуры, в рекордно короткий срок ставших из ортодоксальных «марксистов-ленинцев» «демократами», «рыночниками», сторонниками уничтожения СССР и даже «верующими»[2]. Но все же в генезисе новой государственности, как и в личностях создателей новых России и Казахстана, есть большие различия.

В России с определенными оговорками мы можем говорить о революционном движении и победе революции, возглавлявшейся Б. Ельциным. Ельцин – хотя и представитель номенклатурных верхов, но «мятежный», вступивший в какой-то идеологически «невнятный» конфликт с горбачевским руководством, изгнанный из власти и после этого начавший стремительное возвращение во власть в новом облике лидера набирающего силу антикоммунистического, демократического движения, массовую базу которого составляла низовая интеллигенция больших городов, прежде всего Москвы и Ленинграда. Это движение смогло сначала провести его в председатели Верховного Совета России, а затем обеспечить ему победу на общенародных выборах российского президента. Оно поддержало его во время «августовского путча» ГКЧП, и он мог рассчитывать на его поддержку во время беловежских соглашений и позже, при перевороте октября 1993 г.

Хотя в Казахстане произошло первое в горбачевскую эпоху выступление против политики Центра (события декабря 1986 г. в Алма-Ате), антикоммунистическое движение здесь было значительно слабее российского[3], и степень преемственности руководства при переходе к новому строю значительно больше. Здесь первым и пока единственным президентом нового независимого государства стал просто-напросто последний первый секретарь ЦК КП Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев[4].

Профессиональный партийный работник, выдвиженец бессменного (с 1960 по 1986 г. с перерывом в 1992–1994 гг.) и пользовавшегося колоссальным влиянием в Москве и популярностью в Казахстане первого секретаря ЦК КП Казахстана Д. Кунаева (1912–1993), Н. Назарбаев в 1984 г. становится Председателем Совета министров и рассматривается Д. Кунаевым как возможный преемник. Но в 1986 г. на 16-м съезде КП Казахстана, уловив ветер перемен, дующий из Москвы, он неожиданно выступает с резкой «перестроечной» критикой своего покровителя и старшего друга (формально критика была направлена против брата Д. Кунаева, президента Академии наук А. Кунаева).

При внешнем сходстве (в обоих случаях – неожиданное критическое выступление против начальства) поступок Назарбаева в 1986 г. очень отличался от ельцинского выступления с критикой Горбачева на пленуме ЦК в 1987 г. Ельцинское выступление было импульсивным, непродуманным и очень рискованным. Вряд ли Ельцин мог в то время предполагать, что оно явится отправной точкой в его восхождении к верховной власти. Выступление Назарбаева было, может быть, относительно смелым, но довольно обычным карьерным ходом. Несомненно, он понимал, что время Кунаева кончается. В этой ситуации роль человека, выпестованного Кунаевым и предназначенного им в преемники, могла помешать Назарбаеву действительно стать таким преемником. Наоборот, выступление с критикой Кунаева должно было привлечь к Назарбаеву симпатии Горбачева, ищущего молодых, энергичных и смелых руководителей «нового типа», и ускорить его возвышение[5]. Но получилось не совсем так, как он предполагал. Горбачев решает поставить во главе Казахстана «варяга», человека, не связанного с местными кланами[6], и отправляет в Казахстан никогда не работавшего в нем Г. Колбина, что провоцирует «декабрьские события»[7]. Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Назарбаеву удалось стать только в июне 1989 г., когда Колбин был переведен в Москву на должность Председателя Комитета государственного контроля СССР.

Недолгое правление Колбина сопровождалось репрессиями против участников декабрьского выступления и вообще «казахских националистов». В Казахстане говорили даже о «1937 годе в миниатюре». Приход к власти Назарбаева был воспринят с облегчением, и это дало новому руководителю определенный «стартовый капитал» народных (прежде всего казахских) симпатий. Тем не менее положение Назарбаева было очень трудным. Кризис советской системы в 1989 г. стал очевиден. Назарбаев, так сказать, сел в кресло, которое уже начало разваливаться. Фактически с самого момента достижения высшего поста в Казахстане он столкнулся с ситуацией, когда для того, чтобы сохранить, укрепить и расширить свою власть, ему нужно было искать для нее новые идеологические основания и новую легитимизацию, срочно готовить «новое кресло».

Как и Ельцин, на протяжении рекордно короткого срока, но, в отличие от Ельцина, ни на минуту не прерывая карьеры и не упуская власти, Назарбаев совершает идеологическую эволюцию (может быть, здесь уместнее слово «революция») – из ортодоксального коммуниста становится сторонником капиталистического и демократического строя [8]. Но если смена мировоззрения в соответствии с новой ситуацией особой трудности не представляла, то удержание и укрепление собственной власти и создание для нее новой институциональной формы и новой легитимизации было делом достаточно трудным и требовавшим значительной ловкости.

3

Для всех республиканских властей перспектива распада СССР и ликвидации КПСС, все более отчетливо обозначавшаяся под влиянием горбачевской реформы и давления революционных антисоюзных массовых движений, была перспективой рискованной, но сулящей большие выгоды. Рискованной – потому что процесс всегда мог выйти из-под контроля и привести к утрате властных позиций. Сулящей большие выгоды – потому что если при этом власть не теряется, она многократно усиливается. Республиканские власти освобождались от контроля со стороны Москвы и партийных структур, их статус резко поднимался. Они становились руководителями независимых государств, «не хуже» каких-нибудь европейских президентов и премьеров. Но в зависимости от генезиса власти лидеров, положения республики в СССР и положения в республике это общее стремление диктовало разную тактику.

Положение Ельцина и Назарбаева в отношении союзного Центра было объективно очень разным.

Во-первых, Ельцин пришел к власти в России (власти, ограниченной союзным Центром) на революционной волне, как лидер антикоммунистического движения. Поэтому для него задача удержания и расширения своей власти была неотделима от задачи дальнейшего «развития революции» и свержения «старого режима». Назарбаев, напротив, пришел к власти нормальным советским путем, в рамках «старого режима», и дальнейшее развитие революции для него было опасным, чреватым выдвижением новых, харизматически-революционных лидеров, казахских Гамсахурдиа и Эльчибеев (или даже Ельциных).

Во-вторых, в силу положения России как «ядра» СССР конфликт российской, ельцинской, и союзной властей, именно потому, что в нем не присутствовал национальный аспект, был, как это ни парадоксально, особенно острым. По сути дела здесь речь шла о двух российских, русских властях, двух формах существования русского государства, о разных способах контроля над тем же пространством. Российская и союзная власти объективно исключали друг друга, их сосуществование было невозможным. Наоборот, компромисс союзной власти с Казахстаном, как

и с другими республиками, был возможен. Все республики, кроме России, теоретически могли какое-то время существовать (и даже фактически уже существовали) как «вассальные» или автономные государственные образования. Для существования союзной власти были необходимы полный ее контроль над Россией, но лишь частичный контроль над другими республиками.

В-третьих, Россия без республик была полностью жизнеспособным государством. Она была естественным преемником СССР, и вся союзная государственная машина почти автоматически при ликвидации СССР превращалась в российскую. Проблемы «выживания» России без СССР не было. Более того, российская ельцинская власть в самом конце советского периода, когда она уже перестала видеть в союзном Центре угрозу, стремилась «перехватить» у Горбачева союзную власть, в иной форме вернуть России положение «ядра» империи и обеспечить себе контроль над всем пространством СССР. Наоборот, для Казахстана речь шла буквально о «выживании», и, взвешивая все риски и выгоды от немедленного распада СССР, казахстанские власти вполне могли считать, что рисков больше, чем выгод, что с полной независимостью можно подождать, что для создания жизнеспособного независимого казахского государства нужно время, которое может дать сохранение ослабленной союзной власти.

Дело в том, что распад СССР выталкивал к независимости казахстанское государство, национальный состав которого делал его существование почти невозможным. Титульная нация не была большинством населения (39,6%, по данным переписи 1989 г.) и лишь немного превосходила по численности более развитое и урбанизированное русское «меньшинство» (37,8%). Если же учитывать представителей других народов СССР, русифицированных и отождествляющих себя скорее с русскими, то русские и «русскоязычные» составляли просто большинство, а в столице и ряде областей, примыкающих к России, – подавляющее большинство. Такой этнической и геополитической ситуации не было ни в одной советской республике, и ей очень трудно найти аналогии в какой-либо стране мира.

Общедемократическое движение, вызванное к жизни горбачевской перестройкой, в Казахстане, как и в других республиках, приобретает национальную, антисоюзную и в какой-то мере антирусскую окраску[9]. Казахский национализм в целом не имел агрессивно антирусского характера, но все равно любые требования, связанные с подъемом титульной нации, ее языка и культуры, автоматически предполагали некоторое снижение статуса русских и русской культуры. Поэтому они не могли не вызвать реакции русских, особенно казацкого населения Казахстана, исторически бывшего авангардом русской колонизации и защитником рубежей империи. В северных областях с русским большинством населения это ведет к появлению автономизма и сепаратизма – ирредентизма[10].

Естественно, это движение получало поддержку в России. Наиболее громко прозвучал призыв А. Солженицына в его «Как нам обустроить Россию» к пересмотру границ с Казахстаном и включению в состав России его северных, заселенных в основном русскими областей. Аналогичные призывы периодически раздавались и со стороны политиков «коммуно-патриотического» лагеря, и из среды российского «демократического» движения, в аморфной и эклектичной идеологии которого присутствовали и националистически-имперские компоненты[11].

Особенно обострилась ситуация в период между августовским путчем и беловежскими соглашениями, когда российские власти, предполагавшие в это время «подменить» горбачевский Центр, стали угрожать республикам пересмотром границ в случае их выхода из Союза. Эскалация «имперских» претензий российской власти совпадала с эскалацией русского, прежде всего казачьего движения в Казахстане. В сентябре 1991 г. в Уральске дело почти доходит до открытых столкновений сепаратистски настроенных казаков с прибывшими сюда с разных концов Казахстана организованными партией «Азат» казахскими националистами, в октябре–ноябре таких же столкновений едва удалось избежать в Целинограде (теперешней Астане)[12].

Постфактум всегда начинает казаться, что происшедшее – естественно и закономерно, что то, что произошло, и должно было произойти, а нереализовавшаяся возможность – вроде бы и не была возможностью. Но реализоваться может и не самый вероятный вариант развития событий, и наоборот, нечто вполне вероятное может так и не случиться. Нереализовавшаяся возможность кровавой национальной борьбы и русского сепаратизма в Казахстане была, во всяком случае, ничуть не меньше, чем реализовавшаяся возможность этого в Молдове. И последствия такой вспышки сепаратизма были бы значительно страшнее, чем в не граничащей с Россией Молдове.

И Ельцин, и Назарбаев стремились к власти в ситуации глубокого социального кризиса. Но ситуации, в которых они боролись за власть, были очень разными. И эти различия приводили к большим различиям в их политике и идеологической риторике.

4

То, что Казахстан смог избегнуть судьбы Молдовы и закавказских республик, – в громадной мере заслуга Назарбаева. И поскольку кровавая борьба в Казахстане практически неминуемо означала бы разворачивание «югославского сценария» с Россией в роли Сербии – это его заслуга не только перед Казахстаном. Личные интересы Назарбаева, его стремление к сохранению и укреплению своей власти полностью совпадали с задачей избежания этого сценария, но справиться с ней ему помогли проявленные им незаурядные политические дарования. Идеоло-

гическая и политическая игра, которую он ведет в это время, может быть по праву названа блестящей.

Назарбаев смог найти труднодостижимый баланс между противоположными идеологическими позициями. Он противопоставляет свои динамизм, открытость новому, «реформаторство» – закоснелости и реакционности большинства казахстанской партийной элиты[13]. Относительно слабые казахстанские демократы видят в нем не врага, а скорее союзника и даже – покровителя. И уж во всяком случае – «меньшее зло». В то же время он – плоть от плоти партийной номенклатуры и все время подчеркивает свои эволюционизм и стремление к стабильности, порядку. Для номенклатуры он – свой, человек, который никогда не даст ее на растерзание толпе, то же «меньшее зло»[14].

Еще труднее было найти баланс между националистической казахской риторикой и курсом на «суверенизацию», которые позволяли бы казахским националистам видеть в нем политика, может быть, чрезмерно осторожного, но в конечном счете тоже стремящегося к независимому казахскому государству, с одной стороны, и разоружающими русских «интернационализмом» и ролью приверженца и защитника реформирующегося Союза – с другой. Здесь Назарбаев демонстрирует поразительное мастерство, никогда не переступая ту тонкую грань, за которой он мог бы полностью потерять поддержку той или другой стороны. Он смог пройти буквально «по волоску над пропастью».

В 1990–1991 г. он – самый популярный политик в масштабах всего СССР[15], олицетворяющий «золотую середину» между разрушающими Союз демократами и сепаратистами и «твердолобыми» реакционерами, относительно приемлемый для тех и других, удивительно ловко балансирующий между Горбачевым, его «реакционными» критиками и Ельциным. В нем видят надежду на сохранение одновременно и союзного государства, и курса на либеральные реформы, и самостоятельности республик. Но он проявляет достаточно предусмотрительности, чтобы не пытаться занять какие-то очень почетные, но в условиях постепенного развала СССР неустойчивые и представляющие все меньше реальной власти должности общесоюзного масштаба, потеряв при этом, может быть, менее престижную, но реальную власть в Казахстане[16]. Синицу в руках он не меняет на журавля в небе.

Фактически Назарбаеву удалось пожинать плоды развала СССР и в какой-то мере, возможно, даже осторожно способствовать его развалу[17], сохраняя при этом позицию его защитника и представляя все свои действия, направленные на независимость Казахстана, как вынужденные. Потенциально смертельно опасное для Казахстана русское движение против казахстанской независимости или за отделение русских областей в ситуации, когда Союз разрушает сама Россия, а защищает его руководитель Казахстана, оказывается растерянным и обезоруженным. А казахский национализм перед лицом русской угрозы не может выступать

против «своего» руководителя, осторожно, но все-таки ведущего страну к независимости.

Эту позицию «интегратора» постсоветского пространства, выступающего с различными инициативами объединения, но наталкивающегося на стену непонимания и нежелания со стороны России, Назарбаев сохранял и весь последующий период[18]. Внутри Казахстана ей соответствовала позиция защитника национальных меньшинств и равноправия наций. Реальное укрепление независимости Казахстана, жесткое подавление всех русских сепаратистских поползновений, усиление национально-казахского характера государства и изменение национального состава его населения за счет эмиграции русских и «русскоязычных» и репатриации казахов из других стран – все это осуществлялось под «дымовую завесу» призывов к дружбе народов и реинтеграции постсоветского пространства во главе с Россией[19]. И совершенно невозможно сказать, насколько эта завеса создавалась им сознательно и насколько здесь действовал бессознательный, но безошибочный политический инстинкт[20].

5

Процесс «пересадки в новое кресло» начинается в марте 1990 г., когда Назарбаев, естественно, сохраняя за собой пост первого секретаря ЦК, становится председателем только что избранного на альтернативной основе Верховного Совета. 24 апреля, следуя за общей волной «суверенизации» и демократизации, Верховный Совет Казахской ССР, при некотором сопротивлении русских депутатов, которые «инстинктивно считали... что институт президентства... отдалит... республику от Москвы»[21], одновременно с ликвидацией конституционных положений о «руководящей и направляющей» роли КПСС и принятием принципа многопартийности, вводит должность президента. По новому закону президентом мог быть только человек, владеющий и русским, и казахским (т.е. фактически казах), он избирается на 5 лет, и один человек мог быть избран только на два срока. Президент должен избираться всенародно, но «в порядке исключения» первый раз выборы осуществляются Верховным Советом, который, естественно, тут же избирает Назарбаева. (Была выдвинута и альтернативная кандидатура – поэта и общественного деятеля О. Сулейменова, но тот свою кандидатуру снял.) 25 октября 1990 г. Верховный Совет Казахстана принимает Декларацию о суверенитете.

Августовский путч ГКЧП ускоряет развал Союза. Практически несомненно, что в тревожные августовские дни Назарбаев выжидал, кто победит. Занятая им в предшествующий период «центристская» позиция и выжидательная позиция в дни путча позволяли ему, в зависимости от исхода ситуации, предстать затем или твердым защитником Союза и единомышленником «гэкачепистов», предупреждавшим Горбачева, что его либерализм до добра не доведет, или чуть ли не сподвижником Ельцина. Во время путча с осуждением ГКЧП, как это сделал А. Акаев в Киргизии,

он не выступил[22]. Победили Ельцин и российские «демократы», и в докладе на заседании Верховного Совета Казахстана 26 августа 1991 г. Назарбаев говорит, что это именно он предотвратил штурм Белого дома, несколько раз позвонив Янаеву и Язову и сказав им, что этот штурм был бы преступлением. «Видимо, подействовало»[23].

Провал путча резко усилил власть Назарбаева, как и всех руководителей республик. Назарбаеву теперь уже можно было практически не считаться с сохраняющим лишь номинальную и призрачную власть союзным руководством. Он мог избавиться от мешавших ему «партийных фундаменталистов»[24] и одновременно выступить в роли их же спасителя от «жаждущих крови» демократов[25].

Было ясно, что Союз обречен и процесс пересаживания в «новое кресло» (и конструирования этого «нового кресла») надо ускорить. При этом «сжигаются» остатки «старого кресла». В сентябре 1991 г. происходит 18-й внеочередной съезд КП Казахстана, на котором принимается решение о самоликвидации компартии и создании новой партии, «парламентского типа» – Социалистической партии Казахстана. Назарбаев, однако, в новую партию не вступает. Ему, как и Ельцину в России, не желавшему создать и возглавить партию на основе «Демократической России» и заявившему о себе как о «президенте всех россиян», не хочется связывать себя с партией, которая могла бы как-то ограничить свободу рук, и тоже более импонирует роль «президента всех казахстанцев»[26]. Время создания президентами партий, но уже полностью «своих», «карманных», создаваемых на основе «властных вертикалей», и в Казахстане, и в России придет позже.

Процесс пересадки почти завершен. Но новое кресло нужно срочно укрепить всенародным избранием: избрание Верховным Советом в новых условиях уже недостаточно, и Назарбаев не мог допустить, чтобы его власть была менее легитимной, чем власть избранного всенародным голосованием Ельцина.

Первые всенародные выборы президента Казахстана состоялись 1 декабря 1991 г. И в ходе подготовки к выборам уже выявились основные черты нового режима, создающегося, как и ельцинский режим в России, как режим личной власти, в котором правовые институты и нормы являются отчасти инструментами, отчасти прикрытием, и специфического назарбаевского «стиля», очень отличного от стиля импульсивного Ельцина. Назарбаев – значительно хитрее и осторожнее Ельцина и всегда предпочитает действовать «чужими руками», оставаясь как бы в стороне.

Решивший выдвинуть свою кандидатуру – не столько в надежде на победу, сколько для придания выборам альтернативного характера (и приобретения известности) – казахский диссидент и лидер партии «Желтоксан» Х. Кожахметов (впоследствии – Кожа-Ахмет) не был допущен к выборам Центральной избирательной комиссии. Он не смог собрать положенных 100 000 подписей в поддержку своей кандидатуры (громадная

цифра необходимых для выдвижения подписей была установлена, несомненно, чтобы помешать выдвижению альтернативных Назарбаеву кандидатов). При этом ЦИК обнаружила в его кампании по сбору подписей нарушения и угрожала ему судебным преследованием, а во время милицейского рейда из его штаб-квартиры были похищены листы с 40 000 подписей. Назарбаев через пресс-службу сделал специальное заявление о том, что он к действиям милиции не имеет никакого отношения[27].

В выборах 1 декабря 1991 г. участвует 88,23% избирателей, за Назарбаева голосует 98,78%, против – 1,22%[28]. И хотя на этих выборах отсутствовала даже формальная альтернатива, в целом эти вполне «советские» цифры, очевидно, все же отражали реальность. Назарбаев в это время, несомненно, олицетворял «равнодействующую» самых противоположных по своим стремлениям сил казахстанского общества, для всех он был если не «добром», то «наименьшим злом».

Выборы президента Казахстана произошли за неделю до соглашений о ликвидации СССР, заключенных в Беловежской пуще (Вискулях). Действуя в своем стиле, Назарбаев в Вискули к ожидавшим его Ельцину, Кравчуку и Шушкевичу не поехал. Как вспоминал С.Шушкевич, «он изъявил желание сразу же приехать. Но потом сослался на долгую заправку самолета, потом, что поздно...».[29] Это позволило ему избежать роли «могильщика СССР» и впоследствии объяснять экономические беды Казахстана «разделом когда-то единого государства», в котором он невиновен. («Это свершилось помимо Казахстана, и нашей вины здесь нет»[30]). Зато затем Назарбаев сыграл решающую роль в превращении СНГ из организации трех славянских в организацию одиннадцати республик бывшего СССР, что произошло на совещании в Алма-Ате 21 декабря 1991 г.

16 декабря 1991 г., последней из всех советских республик, Казахстан объявляет о своей независимости. В новогоднем послании к народу ставший президентом нового независимого государства Назарбаев говорит: «Вы знаете, сколько усилий мне пришлось приложить, на какие компромиссы идти, чтобы не допустить развала страны»[31].

С декабря 1991 г. мы можем говорить как о появлении независимой Республики Казахстан (новое название было принято 10 декабря), так и о возникновении в Казахстане нового режима, режима личной власти президента, не скованного ни подчинением Москве, ни принадлежностью к какой-либо официальной идеологии и партии, ни (фактически) конституцией и законами, которые устанавливаются и меняются по мере надобности им самим[32].

6

Ельцин и Назарбаев пришли к власти разными путями и в очень разных обществах. Тем не менее режимы, созданные ими, – однотипны.

И эта однотипность связана, несомненно, с определенным сходством и обществ Казахстана и России, и их самих.

И Ельцин, и Назарбаев – порождения позднесоветской номенклатуры, уже давно не относившейся серьезно к окостеневшим догмам марксистско-ленинской идеологии, в глубине души стремившейся освободиться от сковывающей ее партийной дисциплины, завидовавшей западной элите и обладавшей громадной идеологической приспособляемостью. Эта готовность советской элиты сменить идеологические «одежды» облегчила распад советского строя и СССР и сделала революцию 1991 г. относительно бескровной. Формальное принятие советской элитой демократической и «рыночной» идеологии произошло с удивительной легкостью. Но именно в этой легкости таилась «ловушка».

Та демократическая идеология, которую приняла советская элита, в том числе Ельцин и Назарбаев, была не реальной демократической идеологией, а «карикатурой». Представления их о функционировании западного типа обществ были в значительной мере сформированы советской пропагандой, разоблачавшей «буржуазную» и «лицемерную» сущность западных демократий. Назарбаев, например, мог сказать: «Теми же «чисто» демократическими странами Запада, смею вас заверить, управляют олигархии... Я недавно прочел, что в США до 1928 г. фермеры не имели права голоса»[33]. В выступлении на учредительной конференции Союза промышленников и предпринимателей он говорит: «В будущем ...власть должна перейти к собственникам»[34]. При таком понимании демократической идеологии ее принятие большой проблемы не представляло – с самого начала она понималась как принятая в современном мире, в «высшем обществе» западных правителей форма, которая позволяет прийти к власти или сохранить власть, придав ей необходимую легитимность и респектабельность. А идея рынка и частной собственности, вызывающая образы «красивой жизни» западных миллионеров, вызывает у них даже самый искренний энтузиазм.

Легкости идеологической трансформации из коммунистов в демократы соответствовала та «легкость», с которой и Ельцин, и Назарбаев относились к правовым демократическим ценностям и институтам. Люди, без особых душевных мук радикально сменившие идеологию (и даже государство), не могли с особым пиететом относиться к конституциям и законам, которые, в конце концов, они же сами и создавали, и которые, как они были убеждены, и на Западе являются лишь формой. И Ельцин, и Назарбаев пришли к власти не для того, чтобы ради соблюдения каких-либо «абстрактных» принципов и норм эту власть отдавать. И оба они встают на путь превращения своей власти в «безальтернативную» и авторитарную, используя демократическую форму как «камуфляж». Путь, который, по мере того как накапливаются неизбежные на нем разного рода преступления, становится для них единственно возможным, аль-

тернатива которому – уже не просто потеря власти, а вполне вероятные судебные преследования, разорение и просто гибель[35].

И оба они имеют дело с обществами, которые предоставляли им возможность создать такие «безальтернативные» системы.

При всех очевидных и глубоких различиях, в ряде аспектов российское и казахстанское общества были очень схожи. Эрозия коммунистической идеологии не означала, что ей на смену пришла какая-то иная система базовых правовых и демократических ценностей, способная объединить общества. Такой консенсус вокруг базовых демократических принципов в СССР существовал только среди титульных наций стран Балтии. То, что при распаде коммунистической системы в наших обществах были провозглашены демократические и рыночные принципы, было связано с господством этих принципов в мире, отсутствием им какой-либо серьезной идейной альтернативы и с тем, что они служили камуфляжем стремлениям правящих кругов к собственности и свободе от ограничений, накладываемых коммунистическими идеологией и системой, а не с действительным принятием их (или хотя бы пониманием того, в чем они заключаются) большинством россиян и казахстанцев.

Даже в либеральном элитарном меньшинстве, действительно стремившемся к воспроизведению западных ценностей и форм жизни, существовали самые причудливые представления об их природе и путях, к ним ведущим. Так, колоссальную роль и среди российских, и среди казахстанских демократов играла идея, что рынок и частная собственность являются «базисом» общества, а демократия и право – «надстройкой», из чего вытекает, что вполне можно авторитарными методами (как Пиночет и Столыпин) внедрить рынок, создавая «базис», к которому потом сама собой приложится демократическая надстройка (перевернутая с ног на голову марксистская схема)[36].

Про большинство же и русского, и казахского народов вообще нельзя сказать, чтобы оно стремилось к демократии, рынку и ликвидации СССР. Все наиболее важные решения, определившие судьбу наших народов и имевшие крайне болезненные для них следствия, были приняты без участия этих народов и даже прямо против их воли, «свалились им на головы».

Ни Россия, ни Казахстан не имели практически никакого опыта демократического самоуправления (если Россия и имела такой опыт с февраля по октябрь 1917 г., то это – травматический опыт, возможность повторения которого в начале 90-х гг. была кошмаром, преследовавшим российское общество)[37]. А Казахстан еще и не имел никакого опыта жизни в качестве независимого государства современного типа. Если народы стран Центральной Европы, к которым коммунизм пришел в годы Второй мировой войны вместе с Советской Армией, могли воспринимать его падение как возвращение к «норме», к искусственно прерванному развитию, то народы Казахстана и России оказались в ситуации но-

вой и беспрецедентной. Такая ситуация не могла бы не пугать людей, даже если бы она сложилась в результате их сознательного решения. Тем более она была пугающей для людей, которые оказались в ней не по своей воле, а даже непонятно по чьей.

То, что распад СССР и провозглашение независимости не были ни в России, ни в Казахстане результатом общенационального консенсуса, видно уже из референдума о судьбе СССР 1991 г. Но никакого консенсуса не сложилось и позже. То, что для российского сознания распад СССР стал национальной травмой, не нуждается в доказательствах. Но и в Казахстане не было никакой всеобщей радости по поводу независимости. В 1994 г. только 14,4% казахов считали, что распад СССР был полезен (казахстанских русских – 5, 2%), 21,3% считали, что он был скорее полезен, чем вреден (русских – 8,9%) , 27% (русских –24,4%) – что скорее вреден и 18,8% – что вреден (русских – 50,6%)[38] . Таким образом, даже для большинства казахов, не говоря уже о казахстанских русских, само существование независимого Казахстана отнюдь не было непреложной и самоочевидной ценностью. В 1998 г. позитивно оценивали независимость только 58% казахов и 21% русских, негативно – 22% и 52%. 23% всех опрошенных были за объединение с Россией, 29% – за объединение в рамках СНГ, 16% – за возвращение СССР, 14% – за независимое государство вне рамок союзов и 10% – за союз стран Центральной Азии. На вопрос «Какой режим будет в начале третьего тысячелетия?» 28% опрошенных в 1998 г. казахстанцев ответили – «хаос», 26% – «демократия», 16% – «режим сильной руки» и 5% – «советская власть»[39].

Это полное отсутствие консенсуса при высоком накале страстей, колоссальном раздражении населения сочетается с крайней атомизированностью общества и эклектичностью и лабильностью политических взглядов. Различные политические позиции легко переходят в противоположные и сочетаются с противоположными. Такие предельно разобщенные, атомизированные и напуганные свалившимися на них неожиданными и радикальными переменами общества боятся сами себя, своих анархических потенций и психологически нуждаются в «твердой руке». Самое главное их стремление – это стремление не важно к какому, но «порядку».

Мы уже видели, что наиболее вероятным в будущем казахстанским режимом казахстанцы называли «хаос», то, чего они больше всего боялись. А на вопрос, какая система способна решить проблемы казахстанского общества, 4,4% ответили – «коммунизм», 7,3% – «социализм», 5,9% – «капитализм», 2,3% – «ислам», 8,8% – «демократия западного типа» и 56,9% – «любая, лишь бы был порядок»[40]. Российские опросы также демонстрируют доминирующую ценность «порядка». Российский опрос 1991 г. показал, что при выборе между различными «главными задачами» страны «сохранение порядка в стране» выбрали как самую первостепенную задачу 57% опрошенных, как задачу вторую по значению –

22%, «предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства» как первостепенную задачу выбрали 24%, как вторую по значению – 23%, «борьбу с ростом цен» – 14 и 36% и «защиту свободы слова» 2 и 11%. Проведенный через 11 лет опрос 2002 г. показал, что ничего принципиально не изменилось. «Сохранение порядка в стране» выбрали как первостепенную задачу 59%, как вторую по значению – 24%, «предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства» – 14 и 22%, «борьбу с ростом цен» – 23 и 42% и «защиту свободы слова» – 2 и 7%[41].

Система ценностей, в которой ценность «порядка» доминирует над всеми другими, – идеальная для построения обеспечивающего этот желанный «порядок» авторитарного режима.

И Ельцин, и Назарбаев имели, таким образом, дело с «человеческим материалом», «вылепить» из которого режимы, обеспечивающие их несменяемость, было задачей, разумеется, трудной, но вполне реализуемой.

7

Став президентами и стремясь укрепить свою власть и сделать ее «безальтернативной», и Ельцин, и Назарбаев сталкиваются со схожими проблемами.

Прежде всего, им надо преодолеть сопротивление парламентов. И российский и казахстанский парламенты – это парламенты, которым Ельцин и Назарбаев были обязаны своим возвышением. Российский парламент избрал Ельцина своим председателем, а казахстанский Назарбаева – сначала председателем, а затем президентом. Тем не менее конфликт президентов и парламентов был неизбежен.

Прежде всего, выборы народных депутатов РСФСР и депутатов Верховного Совета Казахстана в марте 1990 г. проходили в условиях демократического подъема и были самыми свободными (несмотря на то, что в Казахстане было воспроизведено принятое на союзном уровне представительство «общественных организаций») и честными выборами в истории этих двух государств. (Если не говорить о выборах в Учредительное собрание в 1917 г.) Это влияло на психологию депутатов, большинство которых победили в острой борьбе с конкурентами и действительно ощущали себя «народными избранниками». Не сдерживаемые партийными дисциплинами, имеющие такое же эклектичное, неструктурированное и раздраженное сознание и такое же низкое правосознание, как и избравшие их народы, депутаты представляли собой неконтролируемую и эмоциональную массу.

Положение усугублялось тем, что и в России, и в Казахстане действовали старые советские конституции, непригодные для новых условий и постепенно дополняемые различными противоречивыми поправками. Существовала всеобщая убежденность, что принятие новых конституций необходимо, и еще до распада СССР в обеих странах началась рабо-

та по подготовке новых конституций. В Казахстане комиссия по подготовке новой конституции, которую после своего избрания президентом возглавил сам Назарбаев, была создана Верховным Советом в декабре 1990 г. Естественно, что подготовка конституции усугубляла противоречия между ветвями власти.

Борьба президентов и парламентов ожесточается вследствие полного отсутствия в обществе привычек к конституционализму и разделению властей (и даже отсутствия понимания, что это такое) и тотальных претензий как исполнительной, так и законодательной власти. Президенты при этом могли опираться на старые привычки обществ к единовластию, на исторические традиции самодержавия и власти советских вождей, а в Казахстане (в меньшей мере) – на авторитарные аспекты власти ханов[42]. Они могли опираться на народные страхи хаоса и анархии, к которым может привести демократия, особенно в условиях острого социального и экономического кризиса[43], на стремление к «порядку», который в сознании российского и казахстанского народов практически не отделяется от единоначалия[44], на идеи демократов о необходимости сначала заложить «базис» в виде рыночной экономики и «среднего класса», а уже потом думать о демократии[45].

Но и Верховные Советы в своих претензиях опирались на относительно мощную идейную базу. И горбачевские реформы, и борьба радикалов-демократов с союзной властью шли под лозунгом демократизации, возвращения власти от партийного аппарата народу. И не просто народу, а именно Советам, полномочия которых в перестроечную эпоху неуклонно расширялись. Идея возвращения власти Советам позволяла либеральным и демократическим силам устанавливать символическую связь с революцией 1917 г. и с сакральной советской символикой («Вся власть Советам!»)[46]. Поэтому и в российском, и в казахстанском парламентах господствовали очень высокие представления о своей власти и своей миссии.

Конфликт президентов и Советов обострялся и социально-экономическим кризисом. Он происходит на фоне забастовок и стихийных волнений, которые в Казахстане легко принимают межэтнический характер и захватывают даже армию[47].

Существовал еще один аспект данного кризиса. На кризис взаимоотношений «ветвей власти» накладывался и кризис взаимоотношений в правящей верхушке. И Ельцин, и Назарбаев быстро поднялись над своими бывшими соратниками и сослуживцами, которым, как это обычно бывает в подобных ситуациях, было очень трудно перейти от отношения к ним как к более или менее равным себе к отношению к ним как к «боссам».

В России этот аспект кризиса проявился во взаимоотношениях Ельцина и его ближайшего сподвижника, ставшего после него председателем Верховного Совета Р. Хасбулатова. К этому добавились взаимоотношения Ельцина и его вице-президента А. Руцкого.

В Казахстане ситуация развивается строго параллельно российской. Когда Назарбаев становится всенародно избранным президентом, он «забирает с собой» в вице-президенты председателя Верховного Совета Е. Асанбаева. Нужно было избрать нового председателя. 11 декабря 1991 г., несмотря на прямое противодействие Назарбаева, им становится номенклатурный партийный работник, до этого – представитель Казахстана в Москве С. Абдильдин. Избрание Абдильдина, очевидно, было переломным моментом во взаимоотношениях президента и парламента.

Назарбаев понимал, что полностью контролировать парламент ему не удастся. А С. Абдильдин, естественно, был горд одержанной им победой. В своей «тронной» речи он сказал: «Думаю, что Верховный Совет впервые в своей истории выбрал своего лидера без согласования с Центром, без рекомендации партийных и других органов»[48]. О понимании своей роли С. Абдильдиным, впоследствии возглавившим КП Казахстана и ставшим постоянным и упорным противником Назарбаева, говорит текст, помещенный под фотографией, на которой изображены Абдильдин и Назарбаев, в газете «Советы Казахстана» от 9 декабря 1992 г.: «Прошел год, как приступили к исполнению своих обязанностей Президент... Нурсултан Назарбаев и Председатель Верховного Совета... Серикболсын Абдильдин, олицетворяющие *две вершины одной горы...*»[49]. Ясно, что конфликт «двух вершин» был так же неизбежен, как конфликт двух медведей в одной берлоге.

Проект новой конституции был представлен Верховному Совету 1 июня 1992 г. В своем докладе Назарбаев говорит: «... Мы готовим конституцию на длительный срок»[50]. Основное содержание его выступления – доказательства превосходства президентской формы правления над парламентской.

Обсуждение конституции в громадной мере свелось к проблеме – объявлять ли государственным только казахский язык или и казахский, и русский (в конце концов государственным объявили только казахский, но русский был объявлен языком межнационального общения и запрещена дискриминация на основе незнания государственного языка). 28 января 1993 г. Верховный Совет Казахстана принимает конституцию, которая хотя и рассматривалась в то время как предоставляющая президенту исключительные полномочия[51], в значительной мере была компромиссной и Назарбаева удовлетворить не могла.

При принятии конституции было решено, что принявший ее Верховный Совет будет работать до конца своего срока. Но на протяжении 1992 и 1993 гг. в казахстанских демократических и пропрезидентских СМИ идет атака на парламент и областные советы. В этой атаке, совершенно аналогичной кампании против российского парламента, параллельно разворачивавшейся в российских демократических СМИ (и которую Назарбаев публично осуждает[52]), так или иначе приняли участие многие впоследствии ушедшие в оппозицию казахстанские демократы[53].

Верховный Совет изображается главным препятствием на пути к «новой жизни»[54], органом, постоянно мешающим работе исполнительной власти. Президиум ВС обвиняется в «неутолимой жажде полновластия»[55], а С. Абдильдин – в «президентских амбициях»[56] (уже складывается та характерная для Казахстана ситуация, когда «президентские амбиции» воспринимаются как самое страшное обвинение, вроде обвинения в государственной измене[57]). Общество подготавливается к будущему «радикальному решению».

Летом 1993 г. Назарбаев обращается к Верховному Совету с просьбой наделить его дополнительными полномочиями, по образцу Ельцина, но ВС не рассматривает этот вопрос.

Развивавшиеся строго параллельно российский и казахстанский конфликты имели и схожий исход. Но в их форме очень ярко проявилось различие психологий и стилей поведения российского и казахстанского руководителей.

Ельцин – проще, примитивней и импульсивней Назарбаева и идет напролом. Назарбаев же склонен выжидать, предоставляя Ельцину действовать и прокладывать ему дорогу. Так было с разрушением СССР, когда Ельцин взял на себя основную работу, а Назарбаев даже чуть ли не противодействовал ему, но затем также стал главой независимого государства. Так было и на этот раз. Ельцин пошел на резкое обострение конфликта и в конце концов силой разогнал депутатов, устроив в Москве «кровавую баню». Все получилось удачно, народ на защиту парламента не поднялся, а западные страны, больше всего боящиеся возвращения в России к власти коммунистов или наступления здесь полного политического хаоса, фактически государственный переворот санкционировали. В значительной мере это открыло дорогу для Назарбаева[58]. Было ясно, что если переворот легко удался в России, то тем легче будет осуществить его в Казахстане. И если Запад санкционировал кровавый разгон парламента в европейской стране, то разгон бескровный и в азиатской стране встретит еще большее понимание. Однако и в этой ситуации Назарбаев действует, как всегда, осторожно, выставляя вперед других. Разыгрывается спектакль, цель которого – показать, что инициатива роспуска парламента исходит не от президента, а чуть ли не от самих депутатов.

16 ноября 1993 г. Алатауский райсовет г. Алма-Ата принял решение о самороспуске и обратился ко всем депутатам советов всех уровней с призывом последовать его примеру: «Советы... остаются синонимом прежнего режима и старой идеологии. Тесные рамки безнадежно устаревающих законов, регулирующих работу представительной системы, ... усилили оторванность Советов от реальной жизни...»[59] Время было выбрано очень удачно. 2 ноября 1993 г. Казахстан заявил о выходе из рублевой зоны. В стране царит экономический хаос. Ясно, что в такой ситуации «не до парламента».

Далее инициируется волна подобных самороспусков местных советов. А 10 декабря 1993 г. полностью деморализованный Верховный Совет (часть депутатов к этому времени успели стать служащими исполнительной власти и главами местных администраций, назначенными президентом[60], а других поодиночке обрабатывали и заставляли писать заявления о сложении полномочий[61]) принимает противоречащие только что принятой конституции решения о самороспуске и о делегировании президенту полномочий издавать указы, имеющие силу законов.

Большинство казахстанских демократов, как и большинство российских, роспуск парламентов «ради ускорения реформ» поддержали. Позже оказавшийся в тюрьме казахстанский демократический журналист и политик Сергей Дуванов даже опубликовал 25 ноября 1993 г. в «Казахстанской Правде» статью под названием «Я думаю, что историческая целесообразность не повредит демократии», где с восторгом пишет о ельцинском перевороте и говорит, что если парламент стоит на пути реформ, то его нужно заменить. «Причем сделать это срочно»[62].

На март 1994 г. назначаются новые выборы в парламент – по конституции, принятой Верховным Советом 21 января 1993 г., которые, при отсутствии парламента, могли быть проконтролированы президентом и назначенными им главами местных администраций.

Назарбаев, таким образом, добился победы бескровно и вроде бы легче, чем Ельцин. Но это имело оборотную сторону – победа Ельцина была полнее. Она открыла ему дорогу для составления и принятия на референдуме декабря 1993 г. именно той конституции, – с практически неограниченными правами президента и ничтожными правами парламента, – какая ему была нужна. В Казахстане ситуация была иной. Конституция уже была принята, и не совсем такая, какая была нужна президенту. Поэтому если Ельцин произвел переворот кровавый, но один, Назарбаеву пришлось произвести бескровные, но два подряд.

8

7 марта 1994 г. проходят выборы в новый Верховный Совет по конституции 1993 г. Назарбаев, выступая перед выборами по телевидению, призвал голосовать «за тех, кто видит необходимость сильной исполнительной власти при президентском правлении»[63].

Выборы проходят в соответствии с правилами, определенными указом президента. Из 177 депутатов 135 избирались по обычным одномандатным округам (это могли быть и кандидаты, выдвинутые партиями и общественными организациями, и самовыдвиженцы), а 42 – из кандидатур, внесенных президентом в «Государственный список», по 2 человека от области. Список состоял из 64 кандидатур, так что у избирателей была возможность выбрать двоих из трех (а в одной области – даже из четырех) кандидатов[64]. Включенным в него кандидатам не нужно было собирать необходимые для выдвижения подписи. Одной из особенностей

принятого порядка подсчета голосов было то, что голосами «за» считались все не зачеркнутые избирателями фамилии кандидатов, в результате чего количество поданных голосов превышало число избирателей.

Избирательная кампания шла в обстановке произвола избирательных комиссий, назначенных акимами областей, в свою очередь назначенными президентом. Эти комиссии под любыми предлогами отказывались регистрировать неугодных властям кандидатов[65]. Один из сотрудников аппарата президента, пожелавший остаться анонимным, сказал журналисту: «Наша задача – чтобы в новый парламент не попали радикалы всех мастей»[66]. Делегация СБСЕ сделала очень резкое заявление по поводу недемократичности выборов[67].

Тем не менее состав парламента получился не таким, какой был нужен Назарбаеву. Это стало ясно уже при выборах спикера. В отличие от своего предшественника, просто избравшего спикером неугодного Назарбаеву С. Абдильдина, новый Верховный Совет все же избрал поддержанного президентом А. Кекилбаева. Но за его противника, социалиста Г. Алдамжарова, проголосовало около 40% депутатов[68]. Назарбаев использует эту самостоятельность парламента как доказательство того, что претензии СБСЕ к выборам были надуманными и в Казахстане торжествует демократия[69].

Внешне состав парламента выглядел значительно более приемлемым для Назарбаева, чем состав его российского аналога – Думы, избранной в России после октябрьского переворота, в декабре 1993 г., в которой большинство составляли коммунисты и «жириновцы», – для Ельцина. Но более умеренная казахстанская оппозиция была, может быть, даже опаснее для Назарбаева, чем кричавшая на своих митингах «Банду Ельцина – под суд!» и называвшая ельцинский режим «оккупационным» «красно-коричневая» оппозиция в России для Ельцина.

Во-первых, как мы уже говорили, ельцинская конституция была принята уже после разгона старого парламента и предельно ограничивала функции нового. В Казахстане же конституция была принята старым парламентом и сохраняла значительные права законодательной власти. В этой ситуации даже непримиримая и обладающая большинством оппозиция в российском парламенте была менее опасна для президентской власти, чем не составлявшая большинства и более умеренная казахстанская.

Вторая причина – более сложная и, на наш взгляд, более важная. Как это ни парадоксально, «экстремизм» российской и «умеренность» казахстанской оппозиции делали первую слабее и менее опасной для власти, чем вторая.

«Красно-коричневая» оппозиция в России в какой-то мере была на руку Ельцину, ибо альтернатива, которую она являла, была заведомо неприемлемой. Для Запада она была абсолютно неприемлема, и он готов был с пониманием отнестись к любым действиям Ельцина, направленным на ее подавление и укрепление его власти. Для российской элиты

перспектива прихода к власти коммунистов и «патриотов» была настолько страшной, что, несмотря на любые шокирующие ее выходки президента, он все равно оставался для нее «меньшим злом». Возможность объединения основной «коммуно-патриотической» оппозиции и интеллигентской либеральной оппозиции (партия «Яблоко») была исключена. Но «коммуно-патриотическая» оппозиция была пугающей и для большинства россиян. Хотя Ельцин быстро утратил свою популярность и большинство избирателей голосовали на выборах в Думу за оппозиционные партии, они знали, что это – выражение протеста, но не голосование за реальную власть, которая Думе не принадлежит. Перспектива же победы коммунистов на выборах президента избирателей скорее пугала, ибо они понимали, что такая победа могла привести к хаосу и гражданской войне, перспективой которой власть запугивала и без того страшащееся ее население. Поэтому хотя большинство в 1993 г. на думских выборах отвергло политику Ельцина, в 1996 г. (как и на референдуме весной 1993 г.) оно все же голосовало за Ельцина, как за «меньшее зло» по сравнению или с коммунистами, или с дестабилизацией, которую принесла бы победа коммунистов.

В Казахстане ситуация была иной. Здесь не было такого пугала в лице «коммуно-патриотов»[70]. Вообще соединение коммунизма и национализма – явление специфически русское и российское. Соединения казахского национализма и коммунизма не могло быть принципиально – СССР не был потерянной «казахской империей», как он был потерянной «российской империей», и ностальгия по советскому прошлому не окрашивалась в Казахстане в специфически националистические тона. В 1994 г. коммунистическая партия в Казахстане вообще в выборах не участвует – ее зарегистрировали только через неделю после выборов (естественно, что регистрацию затягивали специально). Но и когда компартия восстановится и с приходом к руководству в 1996 г. спикера 1991–1993 гг. С. Абдильдина превратится в крупную политическую силу, это будет партия значительно более умеренная и более готовая к сотрудничеству с другими, в том числе и правыми оппозиционными силами, чем КПРФ.

На выборах 1994 г., кроме пропрезидентского Союза народного единства Казахстана, своих кандидатов выставили Социалистическая партия (СПК), провозгласившая своим идеалом «шведскую модель» и перешедшая в оппозицию[71], партия Народный конгресс Казахстана (НКК) во главе с популярным поэтом и общественным деятелем Олжасом Сулейменовым, стоящая на «рыночных» и одновременно «евразийских» позициях (О. Сулейменов даже призывал к конфедерации с Россией), а также ряд более мелких партий. Из 75 избранных депутатов, выдвинутых партиями и общественными организациями, 33 были от СНЕК, 8, несмотря на противодействие власти, смогла провести СПК и 9 – НКК . Но члены партий были и среди самовыдвиженцев, и в целом

членами СНЕК были 47, НКК – 22, а СПК – 19 депутатов. Несколькими депутатами были представлены и другие оппозиционные силы – русское движение «Лад», профсоюзники и аграрии[72]. Оппозиционно настроенные депутаты были и среди беспартийных самовыдвиженцев, и даже среди прошедших по Государственному списку.

Ни СПК, ни НКК не были партиями «реставрации», как КПРФ, они не были ни националистическими (наоборот, они обвиняли власти в ущемлении прав русского населения), ни антидемократическими, ни антирыночными. Это была достаточно умеренная и «ответственная» оппозиция. Но именно здесь таилась опасность для власти. Такая оппозиция не могла выполнить роль «ужасной альтернативы», для избежания которой все средства хороши. Внутри нее не было тех громадных идейных противоречий, которые разделяли в России основную, «левую» и «не основную», «правую» оппозиции, она легко могла объединить самые разнородные элементы, противодействующие президентскому авторитаризму.

Сразу же после выборов создается оппозиционная коалиция «Республика», Координационный совет которой возглавляет С. Абдильдин. В нее входит самый широкий круг партий и организаций – СПК, КПК, НКК, социал-демократы, русский «Лад» и казахский «Азат». Провозглашенной при создании коалиции целью является подготовка к президентским выборам, которые должны были состояться в 1996 г.[73].

В парламенте создается оппозиционная фракция «Прогресс», в которой более 90 депутатов. Оппозиция организует «теневой кабинет» во главе с карагандинским предпринимателем В. Розе[74] и выдвигает требования, как говорит Розе, «непосредственно затрагивающие интересы правящей олигархии»[75]: парламентского контроля над расходованием иностранных кредитов и условиями их предоставления, прокурорской проверки результатов приватизации, ограничения прав исполнительной власти распоряжаться государственной собственностью, рассмотрения парламентом указов, принятых в его отсутствие. К оппозиции примыкает все больше депутатов, и 27 мая 1994 г. парламент выносит постановление, в котором выражается недоверие курсу правительства С. Терещенко и содержится призыв «добиться компромисса и согласия между разными политическими силами»[76]. На вопрос журналиста, не боится ли он, что новый парламент может повторить судьбу своего предшественника и российского парламента, В. Розе отвечает: «Я думаю, президенты наших государств извлекли уроки из прошлого. По крайней мере глава нашей республики, полагаю, не раз пожалел (и еще не раз пожалеет) о прошлом, куда более покладистом парламенте. Досрочно избранный следующий Верховный Совет наверняка окажется еще более агрессивным и «неудобным». А диктатура – в любой форме – в Казахстане невозможна»[77].

1994 год – самый тяжелый для казахстанской экономики, когда после трех лет неуклонного падения производства ВВП снова сократился

по сравнению с прошлым годом на 25,4%. Никакого конца этому падению, «света в конце тоннеля» видно не было. В стране начинаются забастовки, усиливается русское ирредентистско-автономистское движение[78]. Опросы показывают, что ходом реформ довольны только 6,5% населения[79].

В октябре Назарбаев меняет правительство, ряд министров которого уже были отстранены в результате громких коррупционных дел[80]. Вместо Сергея Терещенко главой кабинета назначается Акежан Кажегельдин. Но это не может радикально разрядить обстановку[81] и даже может быть воспринято как проявление слабости президента и силы оппозиции.

В этой ситуации перспектива приближающихся выборов президента в 1996 г. становится для Назарбаева все более пугающей. Тем более что в 1994 г. на выборах потеряли власть два коллеги Назарбаева – В. Кебич в Белоруссии и Е. Кравчук в Украине. С октября 1994 г. в СМИ начинают открыто обсуждаться президентские кандидатуры на будущих выборах 1996 г. На роль основного оппозиционного кандидата выдвигается Олжас Сулейменов. Популярный поэт, автор книги «Аз и Я», воспринятой в Москве в 70-е гг. как манифест казахского национализма, и чуть не объявленный М.Сусловым диссидентом, но выведенный из-под удара Д.Кунаевым и сделанный им членом ЦК КП Казахстана, человек, боровшийся с Москвой за закрытие семипалатинского полигона, и одновременно сторонник конфедерации с Россией и объявления русского вторым государственным языком[82], он обладал таким «многогранным» имиджем, который мог привлечь самые разные социальные, национальные и идеологические группы. Сулейменов говорит, что 5 лет – нормальный срок для любого правителя, после 5 лет правления он становится тормозом, и именно несменяемость лидеров погубила КПСС и СССР[83]. Как предполагалось, Сулейменов будет идти на выборы в связке с другим депутатом, председателем Контрольной палаты парламента и сопредседателем СПК Г. Алдамжаровым. Такой тандем мог быть очень опасен для президента.

Назарбаев не стал пассивно ждать 1996 г. и наблюдать, как в сознании казахстанского общества исчезает сознание его «безальтернативности», а парламент превращается в штаб-квартиру его будущих соперников. Скорее всего, какие-то планы разгона парламента были в президентском окружении чуть ли не с самого начала его работы[84]. Но когда Назарбаев принял решение, он действует в характерном для него стиле неожиданных опережающих ударов и простых, но эффективных хитростей. Инициатива разгона нового парламента снова внешне исходит не от него.

Мы уже говорили, что выборы в парламент проходили с бесчисленными нарушениями и по утвержденному самим президентом избирательному закону, некоторые пункты которого противоречили и конституции, и даже здравому смыслу. Возникло много судебных исков проигравших кандидатов. Иски эти, естественно, лежали без движения. И

вдруг 6 марта 1995 г. по одному из них, журналистки Т. Квятковской, Конституционный суд принимает решение, по которому выборы в округе, в котором она проиграла, были признаны недействительными. И так как недействительными они были признаны не из-за нарушений правил, установленных ЦИК для выборов, а из-за противоречия конституции самих этих правил, это решение означало признание всего нового парламента нелегитимным.

Назарбаев, как и в 1993 г. – в стороне, говорит, что «принятое судом решение... стало для нас полной неожиданностью», и даже «возражает» против решения суда (официальное возражение президента было подано на следующий же день после решения суда, но аргументация в нем была очевидно слабая)[85]. Суд, однако, не принимает возражений, и президент «вынужден склонить голову перед силой закона»[86]. На последнем заседании парламента 11 марта 1995 г. он говорит: «Вчера Конституционный суд преодолел мое Возражение и Возражение Председателя Верховного Совета. Я скажу вам прямо и открыто, что решение шестого числа было для меня совершенной неожиданностью. Вы можете по-разному говорить и строить домыслы, это ваше дело....»[87]

Парламент распускается, а Конституционный суд в ответ на запрос Назарбаева, действует ли в новой ситуации закон «О временном делегировании депутатских полномочий» от 10 декабря 1993 г., отвечает, что закон действует, президент может принимать указы, имеющие силу закона, а новый парламент должен быть созван, когда решит президент и на основании кодекса о выборах, который издаст президент[88].

Депутаты, естественно, «говорили по разному», «домыслы строили» и приняли обращение к народу Казахстана. Часть депутатов даже объявили голодовку и отказывались покинуть здание Верховного Совета. Тогда в нем отключили телефоны и стали срочно проводить ремонт[89]. Но сопротивление депутатов было не слишком сильным. Их моральные позиции были слабы – ведь выборы действительно проходили с многочисленными и разнообразными нарушениями, и были протесты СБСЕ, которые они игнорировали. И даже непонятно, против кого им протестовать, – ведь президент вроде бы сам на их стороне. Администрация президента стала срочно трудоустраивать оставшихся без работы депутатов[90], одновременно запугивая строптивых обвинениями в разного рода экономических преступлениях[91]. А один из них, наиболее резкий и неподкупный противник президента, прошедший через сталинские лагеря В. Чернышев был сильно избит «неизвестными».

Олжас Сулейменов, которого тут же стали обвинять в неправильном расходовании средств движения «Невада – Семипалатинск», довольно быстро успокаивается и отправляется послом в Италию[92]. Далее он выходит из политической игры, а его НКК погружается в «анабиоз». СПК раскалывается на резко антипрезидентскую группу С. Абдильдина (затем С. Абдильдин переходит в КПК) и перешедшую на пропрезидентские

позиции группу Е. Ертысбаева и через некоторое время самораспускается. Большинство оппозиции «сдается», и фактически остается единственная оппозиционная сила – КПК.

9

1 марта 1995 г. президент издает Указ «Об образовании Ассамблеи народов Казахстана», органа с неопределенными функциями, состав которого утверждается самим президентом. Очевидно, Ассамблея была созвана именно перед «неожиданным» решением Конституционного суда от 6 марта специально для того, чтобы после роспуска Верховного Совета иметь возможность опираться на орган, который очень условно может рассматриваться как «представительный». На первой же своей сессии 24 марта Ассамблея выступает с инициативой проведения референдума по вопросу: «Согласны ли Вы продлить до 1 декабря 2000 года полномочия Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева, всенародно избранного 1 декабря 1991 года?» (Если в 1993 г. Назарбаев следовал за Россией, то теперь его моделью становится Узбекистан. К этому времени решение об аналогичном референдуме уже было принято в Узбекистане, а сам референдум был проведен 26 марта[93].) Самое смешное, что и про эту инициативу Назарбаев сказал, что она была для него неожиданной и он даже был ею поражен[94].

Буквально на следующий день президент издает указ о референдуме (закона о референдуме не было, но в отсутствие законодательной власти Назарбаев мог издавать указы, имеющие силу закона) и другой указ, назначающий референдум уже на 29 апреля 1995 г. «Референдум, – говорит он, – легитимная, самая действенная прямая форма народного волеизявления»[95]. Назарбаев спешит, чтобы не дать оппозиции опомниться. Запад протестует, но довольно слабо[96].

Вот образец официальной агитации перед референдумом: « ... «Да» – политической и экономической стабильности в Казахстане. «Да» – будущему наших детей и внуков. «Да» – политике мира и согласия, политике без войн, без жертв и крови, без сотен тысяч беженцев. «Да» – спокойствию в наших домах и квартирах. «Да» – будущему процветанию Казахстана... «Да» – этим пяти годам, которые просит Президент у нас для того, чтобы заложить основы будущего республики, четко определить пути выхода из экономического кризиса». «Да» – Евразийскому союзу...»[97] В референдуме, по официальным данным, участвует 91,3% избирателей и «да» отвечает 95,4%. Сколько избирателей действительно пришли на участки и как они голосовали – неизвестно.

Вслед за этим наступает очередь конституции. Конституция 1993 г. подготавливалась комиссией во главе с Назарбаевым, и в свое время Назарбаев говорил, что при ее составлении был учтен опыт чуть ли не всех стран мира и что «мы готовим конституцию на длительный срок»[98]. Но принятая в результате компромисса с парламентом конституция его не

устраивала, и хотя он, естественно, говорил о своей верности ей, он периодически ее слегка критиковал («''Демократический угар'', начавшийся в 1985 г., занес нас слишком далеко»[99]), а его вице-президент Е. Асанбаев критиковал значительно резче[100]. Теперь она была объявлена «не соответствующей духу времени» и застрявшей «на полпути между социалистическим прошлым и рыночным будущим». В июне 1995 г. все та же Ассамблея народов Казахстана одобряет инициативу руководства республики по созданию новой конституции[101]. Текст подготавливается быстро и без лишнего шума (очевидно, черновик уже был подготовлен).

Наконец это та конституция, какая нужна Назарбаеву, и даже «лучше» российской. Президент в ней именуется «символом и гарантом единства народа и государственной власти, незыблемости Конституции, прав и свобод человека и гражданина»[102]. Полномочия президента описаны в 22 пунктах, «его честь и достоинство неприкосновенны», а «обеспечение, обслуживание и охрана президента ... и его семьи осуществляются за счет государства»[103]. Он может быть отрешен от должности только по болезни или по обвинению в государственной измене (в российской конституции – «и за иное тяжкое преступление»). Упраздняется, как и в российской конституции 1993 г., должность вице-президента. Рядом с постсоветскими «безальтернативными» президентами не может быть вторых «всенародно избранных», и они хотят иметь полную свободу рук при назначении своих преемников (бывший вице-президент Е. Асанбаев отправляется послом в Германию[104]).

Парламент по новой конституции состоит из двух палат – мажилиса, избираемого по одномандатным округам, и сената, избираемого по два человека от области на собраниях депутатов представительных органов областей, причем 7 сенаторов просто назначаются президентом[105]. Если в парламенте 1990 г. было 360 депутатов, в парламенте 1994 г. – 144, то по конституции 1995 г. – 114 , из них 47 в сенате и 67 в нижней палате, мажилисе (чем меньше депутатов, тем легче ими управлять, тем более если они разбиты на две палаты). Для вотума недоверия правительству отныне нужно набрать две трети голосов в каждой из палат.

Конституционного суда вообще нет (хотя переворот Назарбаев произвел, опираясь на Конституционный суд, он, очевидно, сам испугался его власти), но есть Конституционный совет с ограниченными по сравнению с Конституционным судом полномочиями, состоящий из 7 членов, из которых трех, в том числе председателя с правом решающего голоса, назначает президент, а по два – председатели сената и мажилиса.

Конституция принимается на новом референдуме 30 августа 1995 г. Участвовали – 90% (по утверждениям оппозиции – 34%), против проголосовали только 9,9%.

Наконец в декабре проводятся выборы в новый двухпалатный парламент, который на этот раз вроде бы получается таким, какой нужен. Оппозиция в выборах фактически не участвовала[106].

10

Если в 1993 г. Назарбаев следовал в построении своего режима за Ельциным, то теперь он с гордостью говорит: «Мы обогнали Россию в темпах реформирования вертикали исполнительной власти»[107].

Оппозиционные партии (СПК, НКК), лишенные возможности бороться за власть и даже – за иллюзию власти в форме парламентского представительства в условиях ультра-президентской системы, сходят на нет. Какое-то время в Казахстане оппозиции, кроме коммунистов, практически вообще нет.

Правда, в апреле 1996 г. возникает новое оппозиционное движение (затем партия) «Азамат» («Гражданин)», интеллигентское по социальному составу и имеющее основную базу в Алматы[108]. «Азамат» выдвигает требования демократических реформ (выборности акимов, голосования в парламент по партийным спискам, свободы СМИ)[109] и стремится объединить все разношерстные оппозиционные группы в «Народный фронт». Но реальной угрозой для президента оно не является[110].

Контроль власти над обществом усиливается. Прокуратура требует отказа от практики проведения закрытых заседаний общественных организаций, на которых могут обсуждаться антиправительственные планы[111]. Митинги запрещаются под любыми предлогами, вплоть до угрозы эпидемий. Ужесточается контроль над СМИ, и прежде всего над телевидением, где тендер на право вещания устраняет независимые кампании, причем каналы и частоты получает компания «Хабар», контролируемая дочерью Назарбаева Даригой[112]. Ряд ранее оппозиционных изданий переходят в руки верных людей, прежде всего той же Дариги и ее мужа. (В России аналогичные меры по установлению контроля над СМИ принимаются значительно позже, уже при преемнике Ельцина.)

Власть Назарбаева практически не ограничена ничем и никем. Она неизмеримо больше, чем власть первых секретарей, подчиненных Москве и скованных партийной идеологией, и чем власть казахских ханов далекого прошлого. Она больше, и чем власть его российского «коллеги», которому все-таки приходится в какой-то мере считаться с парламентом, идти на мучительную для него выборную кампанию 1996 г., после которой он слег в больницу (планы пойти «по казахстанскому пути», заменив выборы на референдум о продлении полномочий, в окружении Ельцина были, но реализовать их он не решился) и который не может назначать губернаторов, как Назарбаев акимов.

Проведенный в конце 1997 г. опрос показал, что 77,6% опрошенных считали власть президента неограниченной[113]. И так ее воспринимает не только массовое сознание. В казахстанской юридической науке активно пропагандируется мысль (несомненно, соответствующая как стихийно возникшей идеологии казахстанского президента и его приближенных, так и реальному положению вещей), что власть президента – вне системы разделения властей и над ней. «Думается, что всенародно избранный

Президент олицетворяет единство казахстанского народа как источника государственной власти, сочетая в себе всю полноту власти, независимо от ее последующего разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви»[114].

Естественно, что складывается «культ личности» президента. Ему поют дифирамбы. «Ключевой фигурой, генератором идеи становления Казахстана, как светской и демократической державы, является Президент республики Нурсултан Абишевич Назарбаев... Его интеллект, компетентность, помноженные на рационализм, позволяют ему быть настоящим лидером»[115]. «Феномен Н. Назарбаева до конца не изучен... Он гармонично сочетает качества лидера и восточного, и западного стиля»[116]. «Верю в сегодня, люблю Нурсултана, он оправдал веру народа, связывающего с ним свои надежды»[117]. «Радикальная экономическая реформа в Казахстане – это прежде всего воля Назарбаева»[118]. «Мы должны быть благодарны Всевышнему за то, что у нашего народа есть такой сын»[119]. Глава казахстанских мусульман говорит: «Высокий духовный сан муфтия обязывает меня оказывать всемерное содействие реализации стратегического курса президента...»[120]. Глава Русской православной церкви в Казахстане архиепископ Астанийский и Алмаатинский Алексий идет еще дальше. Он говорит буквально следующее: «Бог благословил казахстанцев особой милостью, когда из недр народа воздвиг такого сына, как Нурсултан Назарбаев»[121].

Как же используется президентом его неограниченная власть?

11

Одним из главных аргументов в пользу установления своего всевластия Назарбаев всегда выдвигал необходимость энергичного движения по пути рыночных реформ. На 3-й сессии Ассамблеи народов Казахстана он говорит: как хорошо, что нет никаких выборов, иначе «нас ожидали бы два года предвыборных баталий. Нам бы всем было не до экономических реформ»[122].

И действительно, как Казахстан значительно дальше, чем Россия, продвигается в этот период по пути создания авторитарной системы, так он дальше нее продвигается и по пути рыночных реформ. На вопрос российского интервьюера, что он думает о причинах задержки реформ в России, Назарбаев отвечает: «Мне представляется, что не последнюю роль здесь сыграли ... политическая борьба, раскол российской политической элиты... а также перманентные избирательные кампании, которые, как известно, отнимают очень много сил и средств»[123]. И, очевидно, Назарбаев в значительной мере прав. Он чувствует себя увереннее, чем Ельцин. После разгона второго парламента и продления полномочий он вообще не испытывает какого-либо «институционального» противодействия и может практически не считаться с общественным мнением. В этот период президент подписывает массу подготовленных его адми-

нистрацией указов, имеющих силу закона и создающих правовую базу рыночной экономики. 29 января 1996 г., в день перед первой сессией нового парламента, «Казахстанская Правда» публикует сразу девять новых указов[124].

Казахстан активнее России открывает свои богатства иностранным инвесторам, которые прочно обосновываются в топливно-энергетическом комплексе. Происходит приватизация электростанций, с 1995 г. начинается жилищно-коммунальная, а с 1997 г. пенсионная реформы. Как пишет уже в 1997 г. российский журналист, вполне вероятно, искренне восхищенный успехами Казахстана, «...в Казахстане (не без оснований) полагают, что на некоторых направлениях уже не Казахстану придется догонять Россию, а России Казахстан»[125]. Постепенно Казахстан превращается для России в пример столь близкой российскому сознанию авторитарной модернизации, едва ли не оттесняя популярное в начале 90-х гг. пиночетовское Чили.

Естественно, что приватизация, проводимая фактически никому не подотчетной властью, не могла не вести к обогащению прежде всего самой этой власти, то есть президента и наиболее близких к нему лиц. Такое обогащение даже не предполагает какого-то особого корыстолюбия – оно происходит естественным путем, «само собой»[126] и, вполне вероятно, даже не воспринимается президентами как нечто незаконное и аморальное[127].

В Казахстане, как и в России (и как практически во всех республиках СНГ), возникает понятие «Семьи» и семейного капитала. Впоследствии у казахстанской «Семьи» возникнут неприятности в связи с расследованиями «отмывания денег» на Западе («Казахгейт»)[128]. Но в середине 90-х гг. до этого еще далеко. О состоянии самого Н. Назарбаева и его жены (как и о состоянии Ельцина и его семьи), естественно, ничего точно неизвестно[129]. Но все три дочери президента – замужем за вполне «официальными» миллионерами и одновременно крупными «чиновниками-политиками». Дарига – сама глава Совета директоров крупнейшего казахстанского медиа-холдинга «Хабар». Ее муж Рахат Алиев – генерал, в то время глава налоговой полиции и заместитель председателя Комитета национальной безопасности, также бизнесмен-миллионер. Муж Динары – один из самых крупных нефтяных «олигархов» Тимур Кулибаев. (Нефтяным «олигархом» является и племянник Назарбаева Кайрат Сатыбалды.) Первый муж Алии – сын киргизского президента Аскара Акаева Айдар, работавший в Алматы в Казкоммерцбанке, а второй муж – тоже крупный предприниматель Данияр Сакенов[130].

Роль семейных и родственных связей в Казахстане больше, чем в России[131], и, очевидно, публичная роль родственников правителя воспринимается казахским сознанием более «спокойно», чем в России, как нечто естественное. Дочки и зятья Ельцина держались в тени и не занимали особо важных постов (период публичной роли Татьяны Дьяченко –

очень недолгий). В Казахстане Дарига и все зятья Назарбаева – крупные властные и публичные фигуры.

Кроме семейных связей в прямом и узком смысле этого слова, большую роль в казахском обществе играют связи земляческие, племенные и жузовые. В элиту власти и собственности входят все даже самые дальние родственники и свойственники президента[132] и просто его односельчане – выходцы из его родной деревни Чемолгана (в Казахстане даже возник шуточный термин «чемолганизация»), через которых президент и его семья контролируют буквально все сферы экономики и общественной жизни [133]. Естественно, что в элите преобладают представители назарбаевского Старшего жуза, доминирование которого в казахстанской элите восходит еще к 60-м гг., когда во главе Казахстана встал выходец из Старшего жуза Д. Кунаев.

Вместе с тем в круге друзей и приближенных, в «Семье» в широком смысле слова, значительную роль играют вообще не казахи, например старый назарбаевский друг и «клиент» С. Терещенко или один из влиятельнейших людей Казахстана «алюминиевый король» еврей А.Машкевич[134]. Как полагает казахстанский исследователь, эти люди стали близки к президенту, потому что «в силу своей этнической нелегитимности будут верно служить патрону»[135], и их приближение и обогащение – явление того же порядка, как и передача наиболее стратегически важных и доходных сырьевых отраслей в руки иностранного, а не казахского капитала. Власть стремится, чтобы самые доходные и самые важные для страны работающие на экспорт отрасли были или под прямым контролем «Семьи», или под ее «косвенным» контролем посредством «этнически нелигитимных» клиентов, полностью зависящих от президента и его семьи, или под контролем иностранных компаний, собственникам которых нет дела до внутренней политики Казахстана. Напротив, доступ не «семейного» национального капитала к приватизации наиболее «лакомых» кусков ограничивается[136].

Тем не менее богатства «Семьи», даже в широком смысле слова, включающем сюда всех дальних родственников и близких друзей-клиентов, конечно, лишь часть приватизированных богатств[137]. Позднее М. Ауэзов скажет об этом времени: «...Было такое беспечное... время, когда во власти правил хватательный инстинкт. И все набирали, набивали карманы. Весело и безмятежно»[138]. Обогащаются все крупные государственные чиновники, приближенные к президенту. Миллионерами становятся премьеры Сергей Терещенко (1991–1994)[139], Акежан Кажегельдин (1994–1997), проходящий по «Казахгейту» Нурлан Балгимбаев (1997–1999). Про премьера И.Тасмагамбетова (2001–2003) известно, что он коллекционер ювелирных изделий из серебра и старинных автомашин[140]. Вообще, создается впечатление, что степень слияния власти и богатства в Казахстане выше, чем в России. Приход из частного бизнеса на государственную службу и возвращение из службы в бизнес, как и фак-

тическое сочетание службы и бизнеса, здесь явление совершенно нормальное, и про многие казахстанские публичные фигуры трудно сказать, кто они – скорее бизнесмены или скорее чиновники.

Вокруг каждого назначенного Назарбаевым министра или акима – свои «семьи», своя система клиентов, и назначение нового акима очень часто влечет за собой передел собственности[141]. Коррупционные скандалы, как правило, связанные с борьбой кланов за приватизируемую собственность, сотрясают Казахстан, но Назарбаев в этот период относится к коррупции достаточно спокойно[142]. Позже борьба с коррупцией объявляется одним из основных приоритетов государства, но специфически казахстанским и гротескным аспектом этой борьбы является то, что руководят антикоррупционными кампаниями ближайшие родственники Назарбаева Рахат Алиев и Кайрат Сатыбалды, в результате чего эти кампании служат прежде всего устранению конкурентов семейного бизнеса и укреплению контроля «Семьи» над экономикой.

Приватизация в Казахстане, как и в России, преследует не только общие социально-экономические цели, а также цели личного обогащения приватизаторов и их ближних, но и цели политические. Еще в 1991 г. Назарбаев говорил на пленуме ЦК КП Казахстана: «сами коммунисты должны показать пример и смелее возглавлять приватизируемые объекты...»[143] . И этот призыв был услышан[144]. Номенклатурная элита (и в лице ее непосредственных представителей – и особенно в лице их детей и близких родственников – в Казахстане возник полушуточный термин «экономика племянников») быстро превратилась в элиту собственников[145]. И поскольку приватизация в громадной мере идет «из рук власти» и при минимальном участии законов, это порождает заинтересованность элиты во власти, ее консолидацию вокруг президента. Вся элита начинает представлять собой громадную и сложную систему, в которой есть группы клиентов разных наиболее влиятельных лиц, которые в свою очередь образуют группу клиентов «клана Назарбаева», и в которой все связаны своего рода круговой порукой. При этом соперничество и борьба за собственность отдельных групп принимает форму борьбы за внимание и милость президента, и сами расколы в элите, таким образом, в какой-то мере служат его власти, укрепляют ее.

Как и в России, рыночные реформы, принесшие обогащение верхушке, одновременно принесли обнищание основной массе населения, в результате чего по сравнению с советской эпохой значительно выросло социальное расслоение, и сопровождались резким падением ВВП. Но это падение рано или поздно должно было прекратиться и начаться посттрансформационный рост. В Казахстане он начинается в 1996 г. (+0,5%) и продолжается в 1997 г. (+1,7%). В 1998 г. Казахстан испытывает последствия азиатского и российского кризисов – ВВП вновь падает на 1,9%, но затем он вступает на путь быстрого роста и с 1999 по 2004 г. ВВП увеличивается на 45%[146].

Общая динамика падения и роста ВВП в России и Казахстане схожи, но Казахстан резко обгоняет Россию по темпам роста и сейчас является «самой динамично развивающейся страной с рыночной экономикой на всем постсоветском пространстве»[147]. Более того, казахстанская экономика – одна из наиболее быстро растущих экономик мира. Очевидно, могут быть самые разные мнения о причинах относительных успехов Казахстана, в значительной мере, несомненно, связанных с благоприятной в высшей степени конъюнктурой цен на нефть (и тем более об их прочности). Но вполне вероятно, что одной из них на самом деле является последовательность реформ, которую обеспечивало жестко авторитарное правление человека, действительно воспринявшего «рыночную идеологию», тем более что она, в ее позднесоветской-постсоветской интерпретации, полностью соответствовала его личным интересам.

12

Наверное, 1998 год начался как самый счастливый год Назарбаева. В этом году он осуществляет свою великую мечту.

В июле происходит пышная презентация новой столицы – Астаны, которая призвана укрепить новое государство (она расположена не на южной окраине, как Алма-Ата, а в центре, перенесение столицы должно способствовать как «казахизации» северных регионов, так и освобождению Назарбаева от давления политически активного и склонного к оппозиционности алмаатинского населения[148]). О том, что значит для него Астана, он позже говорит в одном интервью западным журналистам: «На востоке народ относится к своим руководителям с большим уважением, и ко мне подходили люди и говорили, что им хотелось бы поставить мне памятник, как это сделали в Туркменистане в честь Туркменбаши. Я сказал: зачем? Астана – это и есть памятник... Я лично участвовал в проектировании каждого дома... Я – архитектор.... Мне пришлось строить страну»[149]. На торжествах презентации подвыпившие Назарбаев, Акаев и Кучма танцуют вместе с Ф. Киркоровым на открытой дискотеке, что было заснято и передано российским телевидением.

И в этом же году Назарбаев выдает свою дочку Алию, учившуюся в частной школе в Швейцарии, затем ставшую студенткой-искусствоведом в одном из американских университетов, за студента-экономиста университета штата Мериленд в США Айдара Акаева, сына президента Киргизии Аскара Акаева. Этот первый и пока единственный брак между представителями правящих в СНГ династий оказался неудачным[150], но тогда, естественно, он был большой радостью для президента.

Свадьба президентских детей описана в статье присутствовавшей на ней московской журналистки С. Шерматовой[151], хорошо передавшей ее атмосферу, в которой есть и нечто от традиционного среднеазиатского пира по случаю брака двух ханских детей, и еще больше от празднества

советской номенклатуры, ставшей теперь «новыми казахами». В торжестве участвуют Ф. Киркоров, Э. Григорович и Эдита Пьеха, а сам счастливый отец невесты исполнял песни из кинофильма «Весна на Заречной улице». Это – атмосфера веселья, довольства и радости. И кажется, до 2000 г. можно вообще ни о чем особенно не беспокоиться.

Однако в октябре 1998 г., выступая на заседании обеих палат парламента, Назарбаев неожиданно выдвигает «программу демократизации». Он говорит: «Скажу честно: персонально для меня... нет никаких внешних причин идти на такую демократизацию, ограничивая собственную власть», но «мой народ выстрадал свободу». Демократизация включает введение 10 дополнительных мест в мажилисе для депутатов, избираемых по партийным спискам, предоставление парламенту права изменять конституцию, если за изменения – 80% депутатов в каждой из палат, и т.д. Все это не такие уж большие изменения, но главное – не в них. Главное значение этих «демократических» нововведений – быть в едином «пакете» с действительно важным, но не слишком демократическим.

Назарбаев решает нарушить постановление не так давно проведенного референдума и пойти на досрочные президентские выборы, одновременно удлинив срок президентских полномочий с 5 до 7 лет. (Отмена решением парламента решения референдума, который во время его проведения объявлялся высшей инстанцией, прямым выражением народной воли, выше которой ничего быть не может[152], несомненно, неконституционна. Но для личной власти тесны любые законы, в том числе и те, которые фактически приняла она сама.)

Слухи о таких планах президента ходили еще летом 1998 г. Но тогда Назарбаев категорически их отрицал: «Нет. Если моего короткого нет недостаточно, еще раз повторю – нет. Выборы будут проходить согласно конституции: в 1999 году избирается парламент, в 2000-м – президент»[153]. Теперь выяснилось, что слухи все же были верны.

Все делается в уже знакомом нам специфически назарбаевском стиле несколько наивных и «шитых белыми нитками» хитростей. Опять разыгрывается целый спектакль. Предложение о досрочных выборах и продлении срока исходит, естественно, не от Назарбаева, а от депутатов. Назарбаев же говорит: «...Давайте не развивать эту тему, это моя настоятельная просьба»[154]. Но депутаты «бросают вызов» президенту и почти единогласно 7 октября проваливают президентские предложения по демократизации. Президент говорит: « Я не скрываю, что вы меня поставили в очень тяжелое положение. Я этого не ожидал». Только после того как президент уступил им и с их требованием досрочных выборов согласился, депутаты приняли пакет поправок к конституции в целом[155].

Для чего оказались нужны досрочные выборы?

Дело в том, что на самом пике своего могущества Назарбаев ощутил новую серьезную угрозу своей власти.

13

Эта новая угроза, на наш взгляд, принципиально отличается от всех предшествовавших. Она возникает не из социально-экономического кризиса, а скорее наоборот, в связи с выходом из него, и не из сопротивления «исходного материала», тех социальных сил, которые были в казахстанском обществе в момент становления режима, а от новых социальных сил, порожденных самим режимом, самой постсоветской трансформацией общества.

Развитие Казахстана и развитие России идут относительно параллельно. Но некоторые процессы и явления, имманентные и казахстанской, и российской системам, проявляются в одной из этих стран с большей яркостью и раньше, чем в другой. И хотя для казахстанцев, как и для жителей других постсоветских республик, свойственно унаследованное с «имперских» времен представление о том, что Россия всегда впереди – и в хорошем, и в плохом[156], на самом деле это далеко не всегда так.

Конфликт президентской власти и новой буржуазии, в России проявившийся лишь после прихода к власти второго президента – Путина и особенно ярко – в 2003 г. с арестом М. Ходорковского, в Казахстане проявился значительно раньше. Конфликт этот, очевидно, является закономерным для режимов нашего типа. Пока шла приватизация, новые богачи, получавшие состояние в громадной мере «из рук» президентской власти, консолидируются вокруг нее. Но когда состояния уже созданы, формируются новые интересы. Новая буржуазия начинает понимать, что в условиях авторитарной системы ее собственность защищена очень слабо. Слишком легко приобретенные при помощи власти незаконным и «квазизаконным» путем богатства могут быть так же легко этой же властью отобраны[157]. Возникают противоречия между экономическим значением новой буржуазии, ее богатством и ее бесправием – и стремлением буржуазии к ограничению президентского всевластия. Меняется и мотивация богачей. При определенном уровне достигнутого богатства возникает желание конвертировать его в общественное признание и уважение. С другой стороны, сама власть все больше начинает испытывать опасения перед концентрацией материальных ресурсов в руках людей, все-таки отчасти независимых от нее[158].

И когда вроде бы общество уже приняло удобные для нового режима формы – практически сходит на нет старая «интеллигентская» либеральная оппозиция, фактически перешедшая в новые системы из позднесоветских времен, и несколько успокаивается, в результате выхода из трансформационного кризиса и привыкания к новым условиям, социальный протест народных масс, – неожиданно появляется новая, обладающая громадными материальными ресурсами оппозиция сформировавшейся за эти годы буржуазии.

Объяснить, почему в появлении и развитии новой оппозиции Казахстан оказался впереди России, довольно трудно, и здесь можно высказать лишь некоторые гипотезы и соображения.

Прежде всего, надо указать на отсутствие в Казахстане мощной коммуно-патриотической оппозиции (отсутствие, как мы уже говорили, не случайное, а порожденное отличиями российской и казахской истории и культуры), исходящая от которой угроза заставляла в России новых собственников теснее сплачиваться вокруг президента, как это наиболее ярко и в почти гротескных формах проявилось во время российских президентских выборов 1996 г. Казахстанская буржуазная элита не чувствовала себя под такими постоянными давлением и угрозой, как российская.

Определенную роль в более быстром развитии казахстанской буржуазной оппозиционности могут играть и племенной и жузовый факторы. Люди, которые ощущают племенную и жузовую лояльность и могут рассчитывать на инстинктивную солидарность сокровников, не так одиноки. Казахское общество, сохраняющее племенные и жузовые связи, не столь «атомизировано» и беззащитно перед властью, как русское.

Президент старается опереться на солидарность и лояльность к нему «своих» – родственников, земляков, соплеменников, людей из его Старшего жуза. Он старается заполнить ими все наиболее важные посты в государственной иерархии и через них установить контроль над ключевыми, прежде всего сырьевыми, экспортно-ориентированными отраслями экономики и над СМИ[159]. Но это имеет и оборотную сторону. Поскольку представители других племен и жузов ощущают себя «отлученными» от власти и от наиболее лакомых кусков собственности, это делает их потенциальными оппозиционерами. И они тоже могут рассчитывать на «своих». Авторитаризм наталкивается на сопротивление жузовых и племенных лояльностей[160]. В России перешедшие в оппозицию олигархи – одиночки и «этнические маргиналы», которым крайне трудно найти сочувствие и опору в русском обществе. В Казахстане – это казахи, которые могут рассчитывать хотя бы на сочувствие соплеменников.

В какой-то степени, очевидно, оппозиционность буржуазии подогревает и общенациональный патриотический фактор – недовольство тем, что экономика в значительной мере в руках иностранных компаний.

14

Зарождение новой оппозиции в Казахстане связано с личностью премьера 1994–1997 гг. мультимиллионера Акежана Кажегельдина.

Прямого аналога Кажегельдину в российской истории нет. Это, несомненно, яркий и умный человек, выдвиженец бурной эпохи начала 90-х гг., сочетающий в себе черты и наших пребывавших во власти реформаторов-приватизаторов типа Гайдара и Чубайса (сам он с гордостью называл себя «казахстанским Гайдаром»[161]), и наших олигархов типа Березовского и Гусинского.

Генезис Кажегельдина и его богатств достаточно темен[162]. В его прошлом есть и служба в КГБ, и участие в российском демократическом движении в 1989–1990 гг. Во власть он пришел из бизнеса, с поста председателя Союза промышленников и предпринимателей Казахстана (на этом посту он сменил перебравшегося в Россию Олега Сосковца)[163], но, очевидно, основное состояние сколотил уже во власти. Назарбаев, безусловно, знал, что, управляя экономикой, его премьер не забывает о себе, но до поры до времени его это не волновало. Когда журналисты как-то спросили Назарбаева, уверен ли он, что все вкладывающие в Казахстан на очень выгодных условиях деньги иностранные компании – действительно иностранные, а не подставные, за которыми прячутся казахские деньги, он ответил: «Фунт стерлингов в руках Кажегельдина и Ротшильда имеет одно достоинство»[164].

Как премьер Кажегельдин был радикальным и «безжалостным» приватизатором и монетаристом, внесшим значительный вклад в привлечение иностранного (и легализацию псевдоиностранного) капитала. Оппозиция обвиняла прежде всего непосредственно его в сознательном недопущении национальных компаний в наиболее доходные сырьевые отрасли[165]. Никаких демократических поползновений за годы премьерства, на которые приходятся второй разгон парламента и референдумы о продлении полномочий и по новой конституции, за ним не наблюдалось (кроме, может быть, большей, чем у других высших казахстанских деятелей, открытости для прессы). У казахстанских либералов он вызывал жгучую ненависть[166].

Отставка Кажегельдина (10 октября 1997 г.) была связана с рядом причин. Прежде всего, периодические смены президентом премьеров вообще являются одним из нормальных механизмов президентского управления как в России, так и в Казахстане. Они дают президентам возможность «списать» на них часть трудностей и бед, постигших общество, и «разрядить атмосферу», возбудив надежды на новую, более соответствующую общественным стремлениям политику. Кажегельдин стал премьером в 1994 г., когда Назарбаев почувствовал, что накал недовольства достиг такого градуса, что надо пожертвовать своим старым и верным соратником С. Терещенко. В 1997 г. настала очередь Кажегельдина. При его смещении и назначении нового премьера Н. Балгимбаева Назарбаев, выступая в парламенте, упрекнул правительство Кажегельдина в том, что, увлекшись реформами и макроэкономическими показателями, оно забыло о простом человеке. «Вы не забыты! – обращается он к этим простым людям. – Я вам искренне сочувствую, понимаю ваше тяжелое положение»[167]. Но были, очевидно, и другие причины.

Энергичный и компетентный Кажегельдин забрал в свои руки слишком большую власть[168] и стремился взять под свой контроль и самую прибыльную (и самую «семейную») отрасль экономики – нефтяную. Как пишет российский журналист, «объективным (хотя и весьма условным)

противовесом неограниченной президентской власти в последние годы служил не парламент (третий по счету и потому достаточно лояльный), а, как ни странно, бывший премьер-министр, чья экономическая политика была достаточно независимой»[169]. В начале 1997 г. президент предпринимает шаги по ослаблению позиций премьера – производит сокращение кабинета министров, выведя заодно из подчинения Кажегельдину управление нефтяной отраслью.

Естественно, что отставка Кажегельдина, как и любой важный политический шаг в режимах, подобных казахстанскому, сопровождалась «борьбой бульдогов под ковром». Против Кажегельдина ополчились Рахат Алиев и Дарига. Рахат, как глава налоговой службы и главный «борец с коррупцией», стал «раскручивать» разные пятнающие премьера обвинения в экономических преступлениях, а Дарига, контролирующая СМИ, стала их тиражировать[170].

Но главным обвинением против премьера было обвинение не в коррупции, а в президентских амбициях. И оно имело под собой основания. Кажегельдин не был сервильно преданным Назарбаеву, как его русский предшественник С. Терещенко (последний мог сказать буквально: «Я служу одному человеку..., потому что он – величайшее благо для страны и для народа»[171]). Он явно стремился создать себе благоприятный «имидж» в СМИ, приобрести влиятельных друзей в России и на Западе. Вот как писала о Кажегельдине (до его отставки) российская газета «Сегодня»: «Прошедший западную школу бизнеса и весьма далекий от кланового менталитета, он вполне мог бы стать тем человеком, на которого Россия сможет опереться в будущем. Тем более что, хотя вслух, как и положено на Востоке, Кажегельдин всячески отрицает возможность соперничать с Назарбаевым ... в 2000 году, многие аналитики считают, что он является единственной кандидатурой, которая может быть противопоставлена Назарбаеву. Тем более, что в ставке на эту фигуру может быть заинтересована не только Россия, но и западные партнеры Казахстана»[172]. В конце августа на пресс-конференции Кажегельдина в Алма-Ате журналисты спрашивают его об этих слухах, распространяемых российскими СМИ. Кажегельдин отвечает, что для него выставить свою кандидатуру в 2000 г. означало бы проявить нелояльность к президенту, которому он многим обязан[173]. Такие статьи и такие ответы делали падение премьера абсолютно неизбежным.

В сентябре 1997 г. Кажегельдин заболевает, уезжает лечиться в Швейцарию и затем подает в отставку. После ухода с поста он награждается орденом и становится экономическим советником Назарбаева. Вначале он заявляет о своей полной лояльности и говорит: «Дорога в оппозицию для меня отрезана... У нас есть динамично, активно работающий глава государства, давайте ему помогать»[174]. Но постепенно его ответы журналистам о планах на 2000 г. становятся все более уклончивыми[175].

Вскоре Кажегельдин переходит в открытую конфронтацию с президентом. Он призывает к выборности акимов[176] и вообще широкой демократизации, формируя у населения, как он говорил, «привычку сопротивляться власти»[177] и высмеивая официальные утверждения, что казахстанское общество к демократии не готово. «Это попытка «рака за камень завести», когда говорят, что институты демократии прекрасны, но мы не готовы к ним... А не начнем – никогда не будем готовы. Если вы не сядете в кабину машины, вы никогда не поймете, как ею управлять»[178]. Комментируя высказывание Назарбаева во время его визита в США, что Казахстану для построения демократии нужно время, ведь США шли к ней 200 лет (странное представление об американской демократии, очень распространенное среди постсоветских президентов; то же утверждал и Г. Алиев), Кажегельдин говорит: «Если бы американские президенты позволяли себе фальсифицировать итоги выборов и произвольно продлевать сроки своих полномочий, то США не хватило бы и 500 лет на создание демократического общества»[179]. При этом Кажегельдин старается привлечь к себе русское население, говоря об его угнетении[180], и казахов Младшего и Среднего жузов, говоря о засилье назарбаевского Старшего жуза[181].

Обращение Кажегельдина в «демократическую веру» именно после отставки может вызвать такое же ироническое отношение, как и «обращения» номенклатуры (того же Назарбаева), произошедшие в 1991 г. Тем не менее высказывания Кажегельдина настолько продуманны, что трудно представить себе, что им не предшествовала реальная интеллектуальная работа[182]. И несомненно, что схожие процессы происходили не только в его сознании. Выступление Кажегельдина отражало «брожение» в казахстанской элите, которой постепенно становятся тесны рамки авторитарного правления Назарбаева.

Кажегельдин – казах из Среднего жуза, женатый на русской, богач и бывший премьер, человек, приемлемый для всех – и Запада («крепкий рыночник» и «демократ»), и России, комплименты которой он расточает, и обладающий и на Западе[183], и в России прекрасными связями. Это – не российский Зюганов и даже не «поэт и трибун» О. Сулейменов в 1994 г., это реально опасный конкурент. «Старая» оппозиция – и левая, и правая, преодолев неприязнь к тому, кто еще недавно был воплощением режима, сплачивается вокруг него. Несомненно, что его поддерживали многие новые богачи, и среди акимов и в назарбаевском окружении были люди, готовые «предать» своего шефа и переметнуться к Кажегельдину[184].

Ермухамет Ертысбаев, бывший демократ-оппозиционер, ставший директором Института стратегических исследований и советником президента и обладающий способностью и, очевидно, позволением говорить «циничную правду»[185], очень четко обрисовал создавшееся положение: «В Казахстане могла возникнуть ситуация, когда два реформатора

право-либерального толка начали бы борьбу за власть, и это... могло привести к непредсказуемым последствиям»[186].

И, очевидно, именно появление Кажегельдина в качестве потенциального соперника президента резко меняет политическую ситуацию и заставляет Назарбаева, как это характерно для него, «сыграть на опережение» и пойти на досрочные выборы, пока Кажегельдин еще не успел «раскрутиться» и оппозиция еще не кристаллизовалась вокруг него.

Дополнительными факторами могли быть воздействие российского и азиатского финансового кризиса (в 1998 г. начавшийся рост ВВП в Казахстане временно приостанавливается) и страх перед неопределенной ситуацией в России, где близится конец эры Ельцина, на поддержку которого Назарбаев всегда мог положиться[187], и где в это время нет никакой ясности в вопросе об его преемнике.

15

Пресс-секретаря Кажегельдина избивают неизвестные, его советника, прилетевшего в Астану передать в парламент брошюру с предложениями по демократической реформе конституции, арестовывают в аэропорту за «нецензурные выражения в адрес охранников и сопротивление им». Издание книги Кажегельдина запрещается, на поддерживающую его газету накладывается штраф в 370 000 долларов, происходит даже какое-то непонятное «полупокушение» на него (стреляли, но не попали) и т. д.[188]. Но все это мелочи. Настоящий удар был нанесен в уже знакомом нам неповторимом назарбаевском стиле.

Согласно указу президента, кандидат, который в течение года перед выборами подвергался административному наказанию, с выборов снимается. Цель такого указа совершенно прозрачна, и, очевидно, Кажегельдин тщательно следил, чтобы не совершить ненароком какое-либо правонарушение. Но ему просто не приходило в голову, что он подвергает себя опасности, участвуя в учредительном собрании организации под названием «За честные выборы». Однако, поскольку собрание было учредительным, организация, естественно, была незарегистрированной. Но участие в работе незарегистрированной организации – правонарушение. 15 октября 1998 г. Кажегельдин оштрафован Медеуским районным судом г. Алматы и в связи с этим не зарегистрирован ЦИК как кандидат. Снова разыгрывается фарс, аналогичный тем, которые мы уже несколько раз видели. Пресс-служба президента выступает с заявлением, где говорится, что «данная ситуация носит сугубо процедурный характер», Верховный суд может отменить решение райсуда, а тогда и ЦИК изменит свое решение[189]. Затем сам Назарбаев обращается в Верховный суд с просьбой пересмотреть решение райсуда[190]. Но Верховный суд нажиму президента не поддается[191].

Со снятием Кажегельдина Назарбаев остался без реальных соперников[192]. Кроме него в выборах, на которые, по официальным данным, при-

шло 87,05% избирателей, участвовали: старый противник Назарбаева, лидер коммунистов С. Абдильдин, получивший 11,7%, генерал Г. Касымов, которого называли «казахстанским Жириновским», что связано со специфическим стилем его выступлений[193] и его безудержным популизмом[194], получивший 4,61%, и писатель-эколог Энгельс Габбасов, набравший 0,76%. Назарбаев, агитация за которого заполнила не только все казахстанские, но и все российские СМИ[195] и в поддержку которого по русским областям был пущен агитпоезд Барри Алибасова и группы «На-на», получил 79,78%[196].

На 10 октября 1999 г. объявлены парламентские выборы. В числе партий, претендующих на 10 мест, распределяемых теперь по партийным спискам, есть и республиканская Народная партия Казахстана (РНПК), созданная Кажегельдиным, первым номером в списке которой идет, естественно, он. РНПК должна была блокироваться на выборах с КПК. Но после отстранения Кажегельдина от президентских выборов допустить его в парламент Назарбаев уже никак не может.

Если от президентских выборов Кажегельдин был отстранен за административное правонарушение, то теперь власть применяет орудие, которое затем она будет применять много раз – и в Казахстане, и в России. Приватизация и вообще вся экономическая жизнь проходили при игнорировании законов и при таких законах, которые противоречили друг другу и могли быть истолкованы по-разному. Но это предоставило власти возможность затем поднять любое приватизационное дело или наслать на любого нелояльного бизнесмена налоговую или какую-либо иную инспекцию[197]. Против Кажегельдина возбуждаются уголовные дела о неуплате налогов и об «отмывании денег»[198].

Соучредитель РНПК адвокат Кажегельдина В. Воронов пишет письмо в ЦИК, в котором говорит о своем полном разрыве в Кажегельдиным и партией. Из самой стилистики письма ясно, кем оно составлено: «Абсолютно уверен, что им (Кажегельдиным) в настоящее время руководят неведомые пока силы, крайне заинтересованные в дестабилизации в стране»[199]. Одновременно в ЦИК направляет свое письмо Генеральная прокуратура. А 10 сентября Кажегельдина задерживают в Москве в Шереметьево по прилету из Лондона. Москва все же не выдала его в Казахстан, и его отпустили после допроса. Но из списка РНПК Кажегельдина ЦИК вычеркивает, и его партия в знак протеста отказывается принимать участие в выборах.

Кроме РНПК, ЦИК зарегистрировала еще 8 партий, 7-процентный барьер прошли четыре.

Как и в России, власть, вначале не желавшая как-то сковывать себя партиями, затем начинает экспериментировать с созданием своих «карманных» партий. В Казахстане партий, заявляющих о безоговорочной поддержке курса президента, не способных объяснить, в чем заключается их отличие друг от друга, и не знающих, чем заняться, в 90-е гг. было

создано явно больше, чем нужно (Партия народного единства, Демократическая, Либеральное движение, За Казахстан-2030, «Адилет»). В преддверии выборов было решено навести порядок в партийном хозяйстве. Из этих партий создается единая партия «Отан» («Отечество») во главе со старым соратником – клиентом Назарбаева С. Терещенко[200]. М. Оспанов, спикер мажилиса и заместитель Терещенко, говорит об «Отан» как о «партии единства народа и власти»[201].

Вне «Отан» остаются две пропрезидентские партии – Аграрная и созданная другим назарбаевским «клиентом» А. Машкевичем Гражданская. В системе создаваемой «псевдомногопартийности», напоминающей аналогичные системы в коммунистических Восточной Германии или Польше, «Отан» мыслится как партия «бюджетников», Гражданская – бизнесменов и рабочих приватизированных предприятий, а Аграрная – соответственно аграриев[202].

На выборах «Отан» получила 30,9% и 4 мандата по многомандатному округу, Гражданская – 11,6% и 2 мандата и Аграрная – 12,6% и тоже 2 мандата. Единственная преодолевшая барьер оппозиционная партия – это коммунисты, получившие 17,6% и 2 мандата[203]. Вместе с одномандатниками, как выдвигавшимися партиями, так и позже примкнувшими к партийным фракциям, пропрезидентские фракции стали полностью контролировать 60 парламентских мест из 77. Назарбаев сказал: «Эти выборы стали днем рождения многопартийной демократии»[204].

Определить место событий конца 1998 – начала 1999 г. в эволюции назарбаевского режима очень трудно. Всегда легко находить признаки кризиса, начала конца постфактум, когда цикл жизни режима уже завершен. Тем не менее создается впечатление, что эти события – водораздел, разделяющий два периода: период, когда режим развивался «по восходящей», и период упадка.

Максимум власти у Назарбаева был в период после референдума о продлении полномочий и до новых президентских выборов. Выборы 1999 г. – все-таки первые, хотя бы и формально альтернативные выборы, в которых участвовал Назарбаев, – некоторое «самоограничение», вынужденный шаг, сделанный под давлением. Бои, которые ведет режим, становятся уже не наступательными, а оборонительными. Режим побеждает, но инициатива уже не у него.

Не успел Назарбаев освободиться от угрозы со стороны Кажегельдина, как возник новый, еще более опасный кризис. Это связано с какими-то очень темными событиями в недрах назарбаевской семьи.

16

Борьба кланов и «придворных» группировок всегда шла в Казахстане, как она всегда идет в подобных политических режимах. Но постепенно в ней возникают новые черты. Кланы «пускают корни», обрастают клиентурой, сосредоточивают в своих руках громадные ресурсы. (Как

позже сказал П. Своик, «режим ... вошел в стадию расколов внутри себя самого на конкурирующие и враждующие клановые группировки»[205]. Борьба кланов ожесточается и ведется уже не только закулисно и «за доступ к телу» президента, но в определенной мере и открыто и «помимо» президента, выплескивается наружу. Борьба с Кажегельдиным велась не только закулисно, но и путем расследований и выброса компромата, ставивших президента перед фактами и подталкивавших к определенным решениям. Это ожесточение борьбы группировок, очевидно, в какой-то мере связано и с тем, что она начинает вестись с учетом того, что Назарбаев – не вечен, и уже с более дальним прицелом – за назарбаевское «наследство» и места в постназарбаевском Казахстане.

Чисто случайной особенностью и российского, и казахстанского режимов является то, что ни у Ельцина, ни у Путина, ни у Назарбаева нет детей мужского пола и, соответственно, нет и таких очевидных наследников, каким стал сын Ильхам у азербайджанского Гейдара Алиева. Но один из назарбаевских зятьев, муж его дочери Дариги, глава налоговой полиции и заместитель председателя Комитета национальной безопасности, генерал Рахат Алиев, оказался человеком очень энергичным и честолюбивым. Неизвестно, видел ли Назарбаев в нем преемника, но Рахат несомненно видел себя преемником тестя. При этом он не хотел спокойно сидеть и ждать своего часа и начал какую-то не до конца понятную «свою игру». Как глава налоговой полиции он обладал компроматом на всю казахстанскую элиту. И он, и Дарига – медиа-магнаты, поэтому он имел прекрасную возможность пускать этот компромат в ход, когда ему нужно. Рахат и Дарига сыграли большую роль в падении Кажегельдина, и, освободившись от него, Рахат начинает, шантажируя и запугивая бизнесменов, подчинять себе одну за другой крупнейшие фирмы[206]. И все бы ничего, но по каким-то неясным причинам на контролируемых им сайтах в Интернете начинает выливаться компромат на все ближайшее окружение Назарбаева и чуть ли не на самого президента.

В это время в США и Швейцарии арестовываются назарбаевские счета и медленно разворачивается «Казахгейт», что даже вынуждает парламент в июле 2000 г. принять закон «О первом президенте Республики Казахстан», где говорится, что первый президент, «лидер народа Казахстана, обеспечивающий его единство, защиту Конституции, прав и свобод человека и гражданина... не может нести ответственность за действия, связанные с осуществлением своего статуса»[207]. (Опять-таки схожие ситуации порождают схожие решения. Закон 2000 г. практически тождествен первому указу Путина.) В такой ситуации разоблачения Рахата выглядят очень похоже на критику Назарбаевым Кунаева, на удар в спину стареющего босса.

Бурная деятельность Рахата объединяет против него всех, в том числе, очевидно, и других членов «Семьи». Непосредственный начальник Рахата, глава КНБ М. Тажин запрещает Рахату выступить в парламенте с

подготовленным им докладом о коррупции в высших эшелонах власти[208]. Назарбаеву раскрывают глаза на опасность со стороны зарвавшегося зятя. Но это все-таки зять, и Назарбаеву трудно просто его выгнать. Рахат уходит с поста заместителя председателя КНБ, но тесть делает его заместителем начальника своей охраны, и он продолжает выступать с угрозами разоблачений. Через некоторое время его «ссылают» послом в Австрию, а отношения его с Даригой становятся одним из главных объектов домыслов и гипотез казахстанских политических и околополитических кругов.

Борьба Рахата и его противников – это уже начало борьбы за власть в постназарбаевском Казахстане. Но если часть объединившихся против Рахата вельмож имела чисто клановую и личную мотивацию, стремилась просто устранить опасную для них фигуру, то у некоторых участников этой борьбы возникают идеи и планы, связанные с установлением новых, более правовых отношений, гарантирующих от произвола властителя и его окружения[209].

Для части объединившихся против Рахата «магнатов» и «сановников» борьба с ним перерастает в борьбу против «самодержавия» президента.

17

Наибольшую активность в борьбе с Рахатом проявляют молодые и образованные чиновники – политики – бизнесмены, которых в Казахстане прозвали «младотурками». Во главе них – павлодарский[210] аким Галымжан Жакиянов и бывший министр энергетики, индустрии и торговли, а в это время директор крупного «Темирбанка» Мухтар Аблязов, выдвинувшие идеи, очень близкие к кажегельдиновским[211]. Возникает движение под названием Демократический выбор Казахстана.

Жакиянов и Аблязов – даже не Кажегельдин, который родился в 1952 г., успел побывать на советской работе, был сотрудником КГБ и даже как-то участвовал в российском демократическом движении. Кажегельдин все-таки частично принадлежит позднесоветской эпохе, и его переход к демократической оппозиции происходит уже после его отставки и в связи с ней. А Аблязов и Жакиянов – молодые люди без советского прошлого (оба они – 1963 г. рождения), «плоть от плоти нынешней власти» [212], воплощение нового Казахстана, о которых Назарбаев говорил: «Вы – моя гордость, надежда и опора»[213]. Это силы, которые выросли внутри назарбаевского режима, но которым стали тесны его рамки[214]. В любой политической мотивации всегда есть и своекорыстные, и идеалистические элементы. Но, насколько вообще можно судить о человеческих мотивах, у Аблязова и Жакиянова идеалистическая мотивация играла значительную роль. М. Ауэзов говорит о них: «Впервые на арену вышли люди, которые определились как личности, полные чувства собственного достоинства, гордости, ответственности за все, что происхо-

дит»[215]. М. Ауэзов – либерал, сочувствующий Аблязову и Жакиянову. Но схожим образом говорит и их противник, советник и идеолог Назарбаева Е. Ертысбаев: «Аблязов... – идеалист. А идеалист в политике – это социальная катастрофа»[216].

И масштабы созданного ими движения – больше, чем масштабы движения Кажегельдина, оно быстро приобретает характер бунта новой элиты. Как говорит уже неоднократно цитировавшийся нами Е.Ертысбаев, «в Казахстане появилось много богатых и зажиточных людей, и многие из них отныне хотят честной и свободной конкуренции, прозрачных правил игры»[217].

В ДВК вступает ряд крупных чиновников, включая членов кабинета министров[218], тут же увольняемых с работы премьером К. Токаевым, которого и самого затем Назарбаев отправляет в отставку (несомненно, как не сумевшего ликвидировать бунт в зародыше). Затем они создают свою партию «Ак жол» («Светлый путь»), входящую в ДВК, но более умеренную, чем его лидеры, и ставшую как бы «мостиком» между радикалами и властной элитой. В одной казахстанской газете была помещена фотография, сделанная в начале 90-х гг. На ней – Назарбаев с большой группой молодых политиков и бизнесменов, все радостные. Газета отметила кружочками лица тех, кто ушел в оппозицию. Их – больше половины[219].

Если «бунт» Кажегельдина и его последующую эмигрантскую судьбу в какой-то мере можно сравнить с бунтом и судьбой Березовского и Гусинского в России, то «бунт» Жакиянова и Аблязова может быть сопоставлен с движением, которое попытался организовать Ходорковский. Аналогии с Россией совершенно очевидны. Но в Казахстане аналогичные российским процессы разворачиваются раньше и их масштабы – больше[220]. Опять-таки, как и в России, но раньше и в значительно больших масштабах новые «олигархические» оппозиции становятся центром притяжения всей оппозиции – и находящегося в эмиграции и «плетущего в ней свои интриги» Кажегельдина (несмотря на то, что во время премьерства Кажегельдина Жакиянов был его врагом)[221], и пребывавшей до этого в состоянии «анабиоза» интеллигентской либеральной оппозиции, и коммунистов, лидер которых С. Абдильдин вошел в Политсовет ДВК. Г. Жакиянов гордо заявляет: «Всего несколько месяцев назад ДВК воспринимался обществом как кучка «обиженных» чиновников и бизнесменов. Сегодня под наши знамена встали представители многих известных партий и движений» [222].

Наиболее четкую оценку угрозы для власти нового оппозиционного союза дал, как всегда, Е. Ертысбаев: «Вы не забывайте, что в Казахстане... возник беспрецедентный факт – союз богатых людей и радикальной оппозиции, включая коммунистов. Это несет серьезную угрозу дестабилизации всей ситуации в стране»[223]. В другом интервью он говорит: «Союз радикального крыла ДВК и всей оппозиции, которая до этого не име-

ла финансовой подпитки, представляет собой гремучую смесь и таит угрозу потенциальной дестабилизации всей ситуации»[224].

В январе 2002 г. происходит собрание демократической общественности в алма-атинском цирке, и один из алма-атинских телеканалов, принадлежащий М. Аблязову «Тан», ведет его прямую трансляцию. Воздействие ее на общество казахстанские журналисты сравнивали даже с воздействием трансляции Первого съезда народных депутатов СССР[225]. На собрании – около 900 человек из разных регионов Казахстана, представители всех оппозиционных движений[226]. Председательствует «старейшина», лидер коммунистов С.Абдильдин. Г. Жакиянов говорит на собрании: «... страна живет в атмосфере страха, тотальной лжи и неверия в будущее..., стоит у опасной черты, переступив которую мы рискуем столкнуться с системным кризисом и поставить под угрозу нашу государственность. Реальной альтернативой этому могут быть только решительные демократические реформы...»[227]. Собравшиеся требуют расширения прав парламента, даже перехода к парламентской республике, выборности акимов и судей. Главное непосредственное требование – проведение референдума о выборности глав местной власти, для чего создается инициативная группа. (Как и следовало ожидать, ЦИК позже нашла изъяны в списках ее участников и в регистрации ей отказала[228].)

18

Власть приходит в ужас (надо учитывать, что все это происходит на фоне медленного раскручивания в США «Казахгейта») и действует судорожно и сразу по всем направлениям. Создается ощущение, что с этого времени какая-то единая стратегическая линия власти начинает исчезать, политика становится «реактивной» и в значительной мере непредсказуемой.

Иногда страхи власти раскрывает срочное принятие какого-нибудь закона, которое можно объяснить только паническими настроениями и жуткими образами, возникающими в сознании правителей. Таким, безусловно, является принятый в 2000 г. закон о первом президенте Казахстана, ставший ответом Назарбаева на «Казахгейт» и на страхи возможных в будущем преследований (и подражанием путинскому указу). Ответом на новое наступление оппозиции является принятый в 2002 г. закон о чрезвычайном положении. Если раньше ЧП можно было вводить по всей стране на 3 суток, а в области – на 6, то теперь – на 30 и 60. Вводить его можно, если под угрозой безопасность граждан и «политическая стабильность», в том числе в таких случаях, как сель, эпидемия и т.д. При этом вводится предварительная цензура, запрещаются митинги и даже массовые зрелища[229].

Естественно, разворачивается кампания против поспешной демократизации, которая может привести к хаосу, распаду Казахстана и т.д. Организуется множество всяких писем в прессу, выступлений[230] и даже

митингов[231] против парламентской республики и выборности акимов[232]. Позже появляются «серьезные» статьи, в которых радикалы из ДВК сравниваются с народовольцами, которые в своей необузданной спешке сорвали медленный, но успешно шедший процесс модернизации царской России[233].

Вместе с тем Назарбаев стремится показать, что демократизация – и его цель и что его разногласия с оппозицией – не принципиальные, они связаны скорее со сроками, последовательностью действий, а не с общим направлением. «Не создав... нормальных условий жизни, нет смысла говорить о демократии типа американской или французской»[234]. «Демократия – наш осознанный выбранный путь развития, который я вам предложил и который вы приняли», но «чужие рецепты могут нам навредить»[235]. «Для проведения реформ нет ничего важнее, чем стабильное государство»[236]. «...До парламентской формы правления мы пока не доросли... Мы категорически не принимаем советы, направленные на искусственное ускорение демократических процессов»[237], и т.д. При этом Назарбаев не отметает с ходу даже выборность акимов и в порядке эксперимента готов ввести ее в нескольких сельских округах (первый избранный сельский аким появился еще в мае 1999 г. в родном селе Назарбаева Чемолгане). Создается также постоянно действующее совещание при президенте с представителями политических партий по проблемам демократизации.

Назарбаев стремится расколоть оппозицию. Обращаясь к бизнесменам, он призывает их не лезть в политику («Хочу порекомендовать всем нашим банкирам, бизнесменам... не влезать в политику, делать то, что умеют»), а журналистам он говорит, что государство должно защитить их от олигархов, использующих прессу в своих грязных играх: «... Государство должно защитить журналиста от олигарха[238]», «...журналистика попала под пресс денежных мешков»[239]. (Все это поразительно напоминает Путина. Схожие процессы порождают схожие мысли и приемы.)

Одновременно власть пытается отделить «ответственную» оппозицию, «стремящуюся к тому же, к чему стремится президент, но слишком спешащую», от «безответственной», связавшейся с Кажегельдиным и коммунистами («...вызывает удивление, как реформаторы и демократы оказались вместе с большевиками и явными консерваторами»[240]).

«Ответственную» оппозицию власть стремится привлечь. Два лидера «Ак жола» – У. Джандозов и К. Келимбетов возвращаются на государственную службу, заняв важные посты (Джандозов – советником президента, а затем членом кабинета министров, отвечающим за естественные монополии и подчиняющимся непосредственно президенту, К. Келимбетов – вице-министром финансов) и оставшись в «Ак жол». Позднее министром печати (он уже занимал в начале 90-х гг. этот пост) становится А. Сарсенбаев.

Более того, происходит перерегистрация партий по новому закону, ужесточившему требования к партиям и призванному уничтожить малые оппозиционные партии (что он и сделал). Все были убеждены, что «Ак жол» регистрацию не пройдет[241]. Но он прошел[242]. (Позже регистрируется и возникшая из движения ДВК партия ДВК.)

А на «безответственную оппозицию» обрушивается волна террора.

Против Жакиянова и Аблязова выдвигаются обвинения в экономических преступлениях – как до этого против Кажегельдина и как в России против Гусинского, Березовского и Ходорковского. 27 марта 2002 г. Аблязова арестовывают. 29 марта арестовывают водителя Жакиянова, а сам он скрывается во французском посольстве. Когда 2 апреля к посольству, вокруг которого – пикеты сторонников ДВК, подъехала жена Жакиянова – Карлыгаш, арестовывают ее автомобиль, как якобы находящийся в розыске. Затем 4 апреля Жакиянов выходит из посольства, когда власти обязались не сажать его во время следствия в тюрьму, а держать под домашним арестом[243]. Но и Жакиянова, и французов обманули. «Домашним» арестом становится его помещение под охраной в бараке одной частной павлодарской фирмы (поскольку этот барак – не тюрьма, содержание там рассматривается как «домашний арест», ведь никто не обязывался содержать его именно в его доме). Вскоре Жакиянов оказывается в «нормальной» тюрьме.

Все это очень похоже на российские методы, но для назарбаевского Казахстана особенно характерны эпизоды, когда против оппозиции действуют какие-то лица, остающиеся неизвестными[244]. Мы уже упоминали какие-то таинственные выстрелы по Кажегельдину. Сейчас поднимается целая волна таких актов. Так, 29 марта неизвестные прицельными выстрелами перебили кабель телевизионного передатчика аблязовской компании «ТАН», прекратив ее вещание. Когда кабель был восстановлен, 15 мая его снова повредили. Таинственные неизвестные действуют строго параллельно с властью. Вскоре ТАН лишается права на вещание. 19 мая на окно оппозиционной газеты «Деловое обозрение – Республика» была повешена обезглавленная собака, к которой была прикреплена записка: «Следующего раза не будет». Голова же этой собаки с такой же запиской была подброшена во двор дома, где жила редактор газеты И. Патрушева. До этого она получила по почте похоронный венок. 22 мая в офис редакции была брошена бутылка с зажигательной смесью. Офис выгорел. Было организовано нападение, тоже неизвестных, на газету «СолДАТ», публиковавшую материалы о «Казахгейте». Журналистов избили, технику унесли. Полиция, естественно, ничего не находит, и все это проходит у нее по графе «хулиганство»[245], а представители власти говорят о действиях некоей загадочной «третьей силы»[246].

После того как против журналиста С. Дуванова было возбуждено уголовное дело по обвинению в оскорблении чести и достоинства президента, он был избит неизвестными. Назарбаев сказал по этому поводу,

что это – «специально спланированная и оплаченная недругами нашей страны провокационная акция»[247]. Но через некоторое время С.Дуванов был арестован и приговорен к тюремному заключению по обвинению в изнасиловании несовершеннолетней, практически, несомненно, ложному[248].

Аресты Аблязова и Жакиянова и осуждение Дуванова поднимают бурю во всем мире. В их поддержку выступают и сенат США, и ОБСЕ, и Европарламент, и даже Кофи Аннан. Но ничего не помогает – 18 июля 2002 г. Аблязова приговаривают к 6, а 2 августа 2002 г. Жакиянова – к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Как всегда, нарочито «циничный» комментарий к этому событию дал Е. Ертысбаев: «Мухтар Аблязов уже после суда заявил, цитирую дословно: «Если вдруг правосудие в Казахстане действительно свершилось бы, то рядом с нами на скамье подсудимых оказались бы все без исключения члены правительства и все акимы за все время существования национального государства». Таким образом, Мухтар, к сожалению, ... признал свою вину»[249]. Генпрокурор О. Жумабеков выпускает пресс-релиз, где говорит об осуждении Аблязова и Жакиянова как о громадном успехе в борьбе с коррупцией и заодно заявляет, что защищавшие их депутаты – тоже коррупционеры, связанные с ними своими тайными делишками[250].

Аблязов и Жакиянов (как, несомненно, и Ходорковский в России) понимали, на что идут, и тюрьма была их сознательным выбором. Но Аблязов, хотя и сказал в последнем слове, что готов идти в тюрьму, если это продвинет Казахстан к демократии[251], переоценил свои силы. В апреле 2003 г. он подает прошение о помиловании, которое удовлетворяется. Выйдя из тюрьмы, он заявляет, что отказывается от политической деятельности. Жакиянов продолжает сидеть, а Назарбаев демонстрирует на нем, что ожидает не сломившихся. Политсовет ДВК уговорил Жакиянова тоже подать прошение о помиловании, что он и сделал. Но, в отличие от прошения Аблязова, в прошении Жакиянова не было ни слова о раскаянии и признании вины. Прошение было отклонено, и против уже сидящего в тюрьме Жакиянова было возбуждено сразу несколько новых уголовных дел[252].

Жена Г. Жакиянова Карлыгаш выставила свою кандидатуру на довыборах в мажилис в Павлодаре. По данным опроса она получила 50,57%, по официальным – 33,34%[253].

Волну ДВК постигла судьба волны кажегельдиновской оппозиции. Она разбилась о «твердыню» назарбаевского режима. «Твердыня» устояла. Но серия все более сильных ударов и внутренние процессы делают режим все менее прочным. Трещины в построенном Назарбаевым здании своей «безальтернативной» власти становятся видны невооруженным глазом.

19

Одна за другой возникают оппозиционные «волны». От казахстанской элиты откалываются группы, стремящиеся к смене режима. Последняя волна – движение ДВК – самая сильная, и хотя режим выстоял, но полностью справиться с ней он уже не смог. Картина политической жизни Казахстана радикально изменилась.

Движение ДВК не было зарегистрировано, но породило Народную партию ДВК и Демократическую партию «Ак жол». Обе партии быстро набрали необходимое для регистрации число членов (50 тыс.) и даже значительно превысили его (в «Ак жол» – около 120, а в ДВК – около 90 тысяч). «Ак жол», а затем и ДВК, в противоречии с прогнозами либеральных СМИ, были зарегистрированы. Сидящий в тюрьме Жакиянов избран председателем партии ДВК и превращается для казахстанского общества (или значительной части казахстанского общества) в символ сопротивления, своего рода Нельсона Манделу. На митинге в поддержку Г. Жакиянова Булат Абилов говорит: «Он –свободен, а мы все несвободны. Он смог победить страх. Он смог выдавить из себя раба... Мы не можем выдавить раба... Он настоящий герой нашего времени»[254]. По сообщениям прессы, под организованной ДВК петицией об освобождении Жакиянова поставлено около миллиона подписей[255]. Достаточно вообразить себе российского олигарха, выступающего, как Б. Абилов, на митинге с требованием освободить Ходорковского или миллион российских подписей под петицией об его освобождении (а если учитывать разницу в населении, то это должны быть десять миллионов, как в российских отдаленных аналогах «Ак жол» и ДВК – СПС и «Яблоке» должно быть по миллиону членов), чтобы понять, до какой степени сейчас казахстанское общество живее, свободнее российского.

Если ДВК – просто оппозиционная партия, то «Ак жол» – оппозиционная, но сотрудничающая с властями, представители которой даже входят в правительство[256]. Но похоже, что это сотрудничество связано больше со стремлением способствовать демократизации «изнутри», чем с обычными карьерными мотивами. Во всяком случае А. Сарсенбаев, неожиданно назначенный министром информации, не только радикально изменил политику министерства, но и говорит о Жакиянове: «Я теперь вдвойне чувствую ответственность за его судьбу»[257]. (Опять-таки вообразить российского министра, который мог бы сказать что-то подобное о Ходорковском или даже вошел в правительство при условии проведения определенной политической линии, невозможно.)

ДВК и «Ак жол» очень тесно сотрудничают с коммунистами[258], которые под руководством Абдильдина стали одной из сил демократической оппозиции и даже готовы были в случае отказа партии ДВК в регистрации предоставить ее лидерам места в своем списке. Один из лидеров движения ДВК, депутат и богатый предприниматель Т. Тохтасынов даже вступил в КПК и тут же стал одним из ее секретарей. На сентябрьские

выборы в парламент КПК и ДВК пойдут единым блоком. (Снова – и похоже, и не похоже на Россию. Силы, толкающие левых и правых к сближению, и в России, и в Казахстане – общие. По существующим «правилам игры» ни те ни другие выиграть не способны, а это значит, что все их разногласия отходят в область теории. Главной задачей становится – изменить сами «правила игры»[259]. Но в России левые и правые пока только посылают друг другу невразумительные «сигналы», предвыборный блок коммунистов и правых в России – даже не утопия, а шутка.)

Продолжается и постепенный переход в оппозицию представителей правящей верхушки. Так, с резко антиназарбаевским заявлением и прямым призывом к его отставке выступил его старый товарищ и соратник, бывший «всесильный» мэр Алма-Аты, а последнее время – глава Агентства по чрезвычайным ситуациям З. Нуркадилов: «Если этот человек (Назарбаев) заставит вернуть народное добро всех тех, кто его украл, да и сам вернет в том числе, то я думаю, можно простить его как первого президента... Если в заданных мной вопросах хоть один ответ найдет подтверждение о злоупотреблениях, вы заслуживаете кары не меньше, чем экс-президент Кореи Ро Де У... Чего вы ждете? Почему добровольно не уходите в отставку?»[260] Естественно, он тут же был уволен премьер-министром за то, что «самоустранился от занимаемой должности, проявив инертность и низкую квалификацию»[261]. После разразившегося скандала Назарбаев встречался с Нуркадиловым с глазу на глаз. Нуркадилов попросил сделать его председателем ЦИК, чтобы в стране, наконец, произошли честные выборы. На это Назарбаев не пошел, но пообещал демократизацию, а Нуркадилов обещал пока помолчать. Так как желаемой демократизации не наступило, через некоторое время он снова пустился во все тяжкие и стал поименно призывать своих и президента старых соратников, которые, с его точки зрения, не потеряли совесть, вступать в борьбу за демократию и выставлять свои кандидатуры на президентских выборах 2006 г.[262].

Понять реакцию президента на действия оппозиции совершенно невозможно. Действия власти полностью противоречат друг другу. С одной стороны, происходит регистрация ДВК и «Ак жол», президент не подписывает ограничивающий свободу СМИ Закон о печати, А.Сарсенбаев становится министром информации, что означает резкое увеличение свободы печати, на съезде «Отан» Назарбаев снова говорит о демократизации и даже о переходе к выборности акимов (еще недавно это допускалось только как очень отдаленная перспектива). Более того, С. Дуванов освобождается «условно-досрочно», а Жакиянов переводится на поселение. С другой стороны, под разными предлогами представители оппозиционных партий не допускаются в избиркомы, и практически несомненно, что предстоящие в сентябре 2004 г. выборы в парламент первыми честными выборами не будут. Б. Абилова осуждают («условно») за клевету, происходит в классически постсоветском стиле «наезд» на Казкоммерц-

банк, глава которого Н.Субханбердин симпатизирует и, вероятно, финансирует «Ак жол», закрывается по суду «за клевету» крупнейшая оппозиционная газета Assandi-Times. Все это производит впечатление не сложной и хитроумной политики, а каких-то бестолковых метаний. Более того, некоторые действия власти приобретают просто патологический характер. Таким удивительным событием, говорящим о болезненных процессах, происходящих в сознании правящей верхушки, был выпуск подложного «экстренного» номера газеты Assandi-Times с открытым письмом Г. Жакиянова «Хочу перестать быть символом непонятной борьбы», где он отрекается от своего политического прошлого и говорит, что не хочет быть пешкой в игре рвущихся к власти оппозиционеров. Естественно, что на следующий же день подделка была разоблачена.

Очевидно, эти метания говорят о том, что президент находится под страшным психологическим прессом. Страна изменилась, он столкнулся с действительно мощным сопротивлением, и его обычные «хитрости» на этот раз сработать не могут. Перейти к решительным репрессиям – страшно и, наверное, не хочется, ибо Назарбаев, несомненно, хочет превращения Казахстана в развитую современную страну и в какой-то мере, вероятно, верит в свои речи о демократии, в то, что он ведет к ней Казахстан. Кроме того, страшное психологическое давление не может не оказывать на него совершенно иррациональный для него «Казахгейт». Возраст тоже дает о себе знать, а никакой ясности с преемником пока нет. Сейчас для него – далеко не лучшее время.

Но противоречивость политики, явно видные в ней метания связаны, очевидно, не только с психологической ситуацией президента, но и с тем, что выработка политики все меньше становится делом его одного. Когда у властителя нет ясного политического курса, он мечется, а время его подходит к концу, политика становится децентрализованной. Разные силы на казахстанском «верху» ведут свои разные политики. В «сжимающейся» лояльной президенту части элиты, в правящей верхушке, происходит то, что можно назвать «разрыхлением» или «размягчением» (подобрать подходящее слово очень трудно). Она все более утрачивает монолитность, и президент все более утрачивает контроль над ней.

20

Этот процесс идет и в самой назарбаевской «Семье», контролировать которую президенту особенно трудно. Премьера можно отправить в отставку, оппозиционного олигарха можно посадить, но что делать со своими дочерьми и зятьями, ставшими обладателями колоссальных состояний и влияния, обросшими клиентелой и начинающими соперничать друг с другом с прицелом на наследие стареющего главы семейства? А так как в результате естественного биологического процесса «час X» становится все ближе, проблема наследия и борьба за него обостряются. О ней все больше заставляют думать и события в других странах СНГ, дающие

как хорошие (более чем успешная передача власти в России Ельциным доверенному человеку, но не родственнику, успешная, хотя и с «малой кровью», передача власти Гейдаром Алиевым сыну в Азербайджане), так и грозные примеры (напугавшие всех постсоветских президентов события в Грузии).

Как любая семья, казахстанская «Семья» – сложный организм, ее внутренние отношения могут быть непонятны не только для посторонних, но, очевидно, иногда и для тех, кто к ней принадлежит. Казахстанские оппозиционные газеты и интернетовские сайты полны слухов и сплетен о ее внутренней жизни, интимных отношениях ее членов. И в этом проявляется не только обычная любовь к «подглядыванию в замочную скважину». Как в средневековой монархии, в Казахстане внутренняя жизнь «монаршей» семьи, самые интимные отношения внутри нее имеют непосредственное политическое значение. И иногда – самое важное. Например, от того, какие отношения у Дариги с Рахатом (раньше сообщалось, что они фактически разошлись или даже тайно развелись, потом это опровергалось, и стали говорить, что Дарига добивается от отца «помилования» Рахата и возвращения на родину из «венской ссылки»), может зависеть буквально политическое будущее Казахстана.

После венской ссылки Рахата Алиева главные потенциальные претенденты на роль преемника Назарбаева – дочь Дарига (при этом ее отношения с пребывающим в Вене Рахатом не ясны) и второй зять Назарбаева, муж Динары – менее «конфликтный», чем Рахат Алиев, нефтяной магнат Тимур Кулибаев. Последнее время было много свидетельств того, что вроде бы «официальной» преемницей отца становится энергичная Дарига.

В 2003 г. она создала свою собственную партию «Асар» («Всем миром, сообща»), естественно, полностью поддерживающую курс президента, основные «идеи» которой (опять-таки, естественно) – «центризм, реализм, прагматизм, толерантность и политическая умеренность», но с несколько либеральным идеологическим оттенком. Дарига смогла быстро переманить ряд депутатов и сенаторов и создать фракцию «Асар» в парламенте и заявила о намерении объединить все пропрезидентские партии[263]. Но вскоре возникли подозрения, что все это или делается ею вообще «без отцовского благословения», по собственной инициативе, или же благословение было получено, но другие члены семьи возмутились, и Назарбаев его «полуотозвал». Во всяком случае Назарбаева на учредительном съезде «Асар» не было, а чиновники на местах, поспешившие организовывать кампании по массовому вступлению в новую партию, неожиданно и к полному своему недоумению получили указание из Астаны не вмешиваться[264]. Более того, не посетивший съезд «Асар» Назарбаев был затем на съезде «Отан» и призвал «Отан» в своей речи избавляться от «перебежчиков». Как пишет казахстанский журналист, присутствовавшая как гость съезда Дарига «тщательно следила за своим ли-

цом»[265]. Похоже, что «Асар» становится не объединяющей силой, а просто четвертой крупной (наряду с «Отан», Гражданской и Аграрной партиями) пропрезидентской партией, что будет означать, что система партий, номинально представляющих интересы социальных слоев, превратится в систему партий, реально представляющих кланы. Кулибаев, обладающий колоссальными состоянием и влиянием, как пишут казахстанские газеты, пытается сейчас внедриться на телевидение. Соперничество этих двух фигур начинает приобретать публичный характер, и, таким образом, сама «Семья» становится источником некоторого «плюрализма»[266].

Кроме собственно семейных, возглавляемых ближайшими родственниками Назарбаева группировок, в правящей верхушке есть и другие группировки, возглавляемые «вельможами», не принадлежащими к семье в узком смысле слова. Это – «кланы» ближайшего советника президента и главы его администрации Н. Абыкаева, недавно ставшего председателем сената (он – родственник президента, но дальний), главы Совета безопасности и «олигарха» С. Утемуратова, алюминиевого и хромового короля А. Машкевича, с его хорошо организованной Гражданской партией, и др. Эти люди, являющиеся видными «соратниками» или «клиентами» не кого-либо из членов «Семьи», а непосредственно ее главы, могут сыграть решающую роль в борьбе за «наследство», примкнув к одному из семейных кандидатов или даже выдвинув кого-то не из членов семьи[267]. Их роль может быть аналогична роли русских вельмож XVIII в., когда порядок престолонаследия не был определен и от них зависело, пригласить ли, например, Анну Иоанновну или вспомнить о Елизавете Петровне. И, наконец, есть сплоченная и влиятельная группировка акжоловцев, которые одновременно – и оппозиционная группа, стремящаяся к более демократическому режиму, и часть правящей элиты. В критической ситуации борьбы за престол какие-то из этих группировок вполне могут предпочесть трансформацию режима победе своих противников[268].

Это разделение правящего слоя на кланы и «партии», как и усиление и относительные успехи оппозиции, создают обстановку, в которой постепенно укореняются некоторые «плюралистические» или даже демократические «привычки». Люди привыкают к тому, что есть разные «центры силы», которым нужна их поддержка и между которыми они могут выбирать. Они видят, что хотя прямая атака на президента может привести в тюрьму, но просто критика и отстаивание своих позиций, как у акжоловцев, – это не так уж страшно и даже не так уж безнадежно. Более того, даже и прямая атака на Назарбаева перестает быть такой уж страшной. Как говорит Е. Ертысбаев, «сегодня особым мужеством не надо обладать, чтобы подвергать критике персону президента...»[269].

21

В этой ситуации институты, которые, казалось бы, имеют чисто декоративное значение – пропрезидентские партии и парламент, начинают, как оловянные солдатики у Щедрина, «наливаться кровью». Форма в какой-то мере начинает приобретать содержание.

Так, еще в 1999 г. в парламенте началась атака по бюджетным вопросам на преемника Кажегельдина премьера Н. Балгимбаева, которую вели не какие-то либеральные оппозиционеры, которых в этом парламенте практически и не было, а лоялисты из президентской партии «Отан» во главе со спикером мажилиса М. Оспановым. Поддерживали же премьера тоже лоялисты, но из Гражданской партии. Был поставлен вопрос о доверии, и для вынесения вотума недоверия не хватило только одного голоса[270].

Этот эпизод мог считаться каким-то особым исключением или просто инсценировкой (все-таки вотума недоверия не вынесли, а с другой стороны, Назарбаев и так явно собирался сменять Балгимбаева и вскоре это сделал). Но ту же картину мы видим и в следующем парламенте, который вначале также воспринимался как совершенно «беспроблемный»[271]. Уже в 2002 г. пресса отмечает его резкую активизацию. В нем стали раздаваться голоса, требующие расширения полномочий, включения в бюджет внебюджетных фондов, и из него стали регулярно возвращаться на доработку подготовленные правительством законопроекты. При этом опять-таки активизируются и проявляют строптивость и депутаты от пропрезидентских партий[272]. А в 2003 г. в Казахстане происходит небывалое событие, показавшее, как изменилось общество. Правительство И.Тасмагамбетова передало в мажилис проект Земельного кодекса. Некоторые депутаты оказывали ему сопротивление, считая, что он приведет к возникновению латифундий и обезземеливанию крестьянства. Были внесены относительно значимые поправки (мораторий на покупку земли негосударственными юридическими лицами, ограничение покупок земли этими лицами и иностранцами и др.). Правительство было против этих поправок и неожиданно поставило вопрос о доверии. Это был совершенно очевидный шантаж. Для недоверия нужно две трети голосов обеих палат, что собрать практически невозможно, и при вотуме недоверия президент имеет право распустить парламент и назначить новые выборы. В России за недоверие правительству не голосовали даже оппозиционные первая и вторая Думы. Состав мажилиса и сравнивать нельзя с составом этих первых российских Дум, скорее к нему близок состав теперешней Думы. Однако за недоверие высказались 55 из 77 депутатов мажилиса и 3 из 37 депутатов сената. Тасмагамбетов был явно совершенно не готов к такому повороту и даже заявил, что результаты голосования в парламенте были сфальсифицированы. Тем не менее правительство подало в отставку. И она была принята[273]. Такого в истории Казахстана (и в истории России) еще не было.

Либеральная пресса этого развития событий не прогнозировала и, когда Тасмагамбетов все же ушел в отставку, растерялась и стала писать, что президент сознательно не дал команды, как голосовать, ибо уже сам решил, что Тасмагамбетову пора уходить, и одновременно – хотел продемонстрировать миру казахстанскую демократию. Но даже если это так[274], все равно сам факт, что Назарбаев мог предоставить парламенту решить вопрос о судьбе правительства, а депутаты голосовали, как хотели, не боясь возможного по казахстанской конституции роспуска парламента, говорит о новых отношениях в казахстанской правящей верхушке. И нам нужно только попытаться представить себе, что прошлая или новая, теперешняя российская Дума отправляет в отставку правительство, чтобы понять, что постепенно эти отношения стали так же не похожими на российские, как не похожа на российскую казахстанская оппозиция.

2 декабря 2003 г. председатель мажилиса Ж.Туякбай публикует в «Казахстанской правде» статью «Опыт возмужания»[275]. Туякбай – совсем не либеральный оппозиционер, он человек близкий к Назарбаеву и родственник бывшего премьера Балгимбаева, которому чуть не выразил недоверия предшествующий парламент. Но в этой статье он требует расширения полномочий парламента, говорит о необходимости настоящего разделения властей и принятия закона о выборах, который сделал бы невозможным использование «административного ресурса».

Когда Назарбаев говорит о постепенном переходе к демократии, это выглядит как чисто «инструментальные» (чтобы не сказать – демагогические) заявления человека, который не хочет уступать власть и делиться ею. И несомненно, в значительной мере так и есть. Но иногда бывает, что человек говорит правду, и сам не подозревая, до какой степени это правда. За 12 лет независимости в Казахстане, действительно, произошли изменения, приближающие казахстанское общество к демократии. И назарбаевский режим, который в первую половину 90-х гг. развивался в направлении ко все большему авторитарному контролю над обществом, все более и более теряет этот контроль.

22

Наш очерк «обрывается на этапе августа 2004 г. «на полуслове», поскольку «цикл жизни» казахстанского, как и российского режимов не завершен. Тем не менее мы можем подвести некоторые итоги. И прежде всего – сравнить казахстанское и российское развитие.

То, что режимы Казахстана и России однотипные и в их развитии прослеживаются общие закономерности, – очевидно. Но есть и большие различия.

Казахстанский режим, преемственность которого с советской системой больше, чем у российского, с самого начала был авторитарнее российского. Этот режим значительно больше склонен использовать в борь-

бе с противниками грубые террористические методы, вроде всяких избиений и поджогов, совершаемых «неизвестными». Он быстрее достиг после референдума о продлении президентских полномочий Назарбаева стадии максимальной авторитарности. И казахстанцы, очевидно, вправе были оценивать российский режим как «более демократический», чем их собственный[276]. (Сейчас такие оценки уже невозможны, и Назарбаев во время недавнего визита Путина в Казахстан мог, ободряя Путина, заявить: «По реформам как экономики, так и политики мы примерно на одном уровне... Я не боюсь сказать, что в Казахстане управляемое развитие демократии»[277].)

Вполне возможно, что с большей авторитарностью казахстанского режима был связан и более быстрый процесс экономического, рыночного реформирования Казахстана. У Назарбаева были более развязаны руки, чем у Ельцина, он мог меньше, чем его российский собрат, считаться с общественным мнением. И это более последовательное реформирование, похоже, дает плоды – Казахстан сейчас опережает Россию по темпам экономического развития.

Но другой стороной этого относительно успешного развития является то, что и признаки упадка и кризиса казахстанского режима появились раньше, чем признаки кризиса российского. Российский режим переживает при Путине свой расцвет. Никому не известный ельцинский наследник смог в 2000 г. получить больше голосов, чем Ельцин в 1996 г., и выиграть в первом туре. В 2004 г. он фактически выступал без конкурентов, и его показатели были еще лучше. Дума, избранная в 1999 г., неизмеримо более подконтрольна власти, чем ее предшественницы, а Дума 2003 г., в которой партия власти «Единая Россия» имеет конституционное большинство, а правая либеральная оппозиция вообще не представлена, – близка к «идеальной». Российское политическое развитие идет не к усилению элементов демократии, не к ротации власти, а к дальнейшему усилению контроля власти над обществом, исключающего ротации. В Казахстане же направление развития – иное. Расцвет казахстанского режима «безальтернативной» президентской власти приходится на 1995–1998 гг., и теперешнее почти тождество политических систем Казахстана и России, о котором говорил Назарбаев, это результат «пересечения» разных траекторий движения – ко все большей авторитарности и управляемости в России и ко все меньшей – в Казахстане.

Более того, похоже, что эта «точка пересечения» уже позади и теперешнее казахстанское общество более плюралистическое и «открытое», чем российское. Мы уже неоднократно цитировали назарбаевского советника Е. Ертысбаева. Процитируем еще раз. Он говорит о будущих президентских выборах: «Нам не нужно 98%, как это было в 1991 году. Нам не нужно и 80%, как в 1999 году. Но нам нужен контрольный пакет электората, скажем, 51%»[278]. Россия идет к 80 и 90%, Казахстан «скатывается» к 51%.

Оба режима сталкиваются с новыми вызовами. Вначале они преодолевают «сопротивление материала», сил, которые уже были в обществе к моменту зарождения режима, которые были порождены советским развитием и советской социальной структурой. Это – сопротивление рабочих, крестьян, старой номенклатуры, либеральной интеллигенции, национальных движений. Становление режима и есть преодоление этого сопротивления. Но затем все заметнее становится сопротивление социальных слоев, порожденных самими режимами, прежде всего новой буржуазии, которой все более тесны рамки авторитарных президентских систем. Появление этих новых сил дает новую жизнь старой оппозиции и изменяет общую структуру оппозиции. Это происходит и в России, и в Казахстане. Но в Казахстане это происходит раньше и в более ярких и решительных формах. Ходорковский очутился в тюрьме, едва начав свою политическую деятельность. Аблязов и Жакиянов успели объединить всю разношерстную оппозицию и выдвинуть свою программу. Масштабы их поддержки несравнимы с более чем скромными масштабами поддержки Ходорковского. Сейчас демократическая оппозиция в Казахстане значительно сильнее, чем в России, а правительственный лагерь значительно менее дисциплинирован «властной вертикалью», более плюралистичен.

Более быстрое, чем в России, движение Казахстана к рынку, более быстрое и в больших масштабах, чем в России, возникновение буржуазной оппозиции и разные векторы теперешнего развития наших двух стран – факты. Но есть ли связь между ними, действительно ли в Казахстане из-за более быстрого рыночного развития быстрее формируются буржуазия и ее сознание, мы сказать не можем. Можно, однако, указать на некоторые культурные и ситуативные факторы, способствовавшие, очевидно, развитию оппозиции в казахстанском обществе и «либерализации» казахстанского режима.

Мы говорили раньше, что и в России, и в Казахстане массовое сознание стремилось к порядку любой ценой и это стремление и было основной «социальной базой» сложившихся режимов. Но есть и очень большие отличия российского и казахстанского менталитета.

В Казахстане нет российской традиции великого самодержавного и затем советского тоталитарного, имперского государства. Эта традиция придает в России протесту народных масс против буржуазных реформ специфически антидемократический оттенок, порождает характерный именно для постсоветской России «красно-коричневый» синтез коммунизма и «фашистоидного» национализма, который препятствует объединению постсоветских коммунистов с либералами и демократами и превращает сам российский либерализм в нечто очень странное – в либерализм, на знамени которого был Пиночет. В Казахстане нет этого «красно-коричневого» синтеза. Коммунисты здесь – слабее, чем в России. Но главное, они – иные. Они значительно больше, чем российские, воспри-

няли демократические ценности, и между ними и либеральной оппозицией установились прочные отношения сотрудничества[279]. Соответственно и в «правых» кругах нет того «зоологического антикоммунизма», который приводил к тому, что российские «демократы» приветствовали любые антизаконные действия власти, если они были направлены против «коммунистической угрозы».

Российская самодержавная государственная традиция вначале в какой-то мере работала на коммунистическую оппозицию, но постепенно она все больше начинает работать на президентский авторитарный режим. Российское сознание с облегчением «узнает» в президентской власти «нормальную», традиционную для России самодержавную власть. Уже Ельцин активно использует самодержавные символы, а Путин пользуется и самодержавной, и советской символикой, подчеркивая традиционность и преемственность своей власти. Назарбаев в Казахстане не имеет такой исторической опоры. Можно не принимать всерьез идею «кочевой демократии» или того, что «принцип толерантности заложен в степной цивилизации как фундаментальный принцип»[280], но ясно, что казахское прошлое, казахские традиция и культура не «работают» в такой мере на авторитарную систему, как российские[281].

Какую-то роль могут играть и племенные и жузовые пережитки, которые в процессе демократического развития могут сыграть не только «лежащую на поверхности» негативную роль. Российское общество полностью атомизировано, и при отсутствии «гражданского общества», системы добровольных организаций оно оказывается совершенно беззащитно перед властью. Разобщенные, атомизированные индивиды не могут противопоставить ей какую-то солидарность. В Казахстане гражданское общество развито не больше российского. Но сохраняющиеся «догосударственные» солидарности и лояльности в какой-то мере могут, очевидно, восполнять его слабость и делать индивида чуть менее одиноким и беззащитным перед властью. Создается ощущение, что в Казахстане, в отличие от России, всякие властные вертикали и президентские партийные структуры, достигая определенного уровня управляемости, далее начинают «рассыпаться» – борьба чиновничьи-олигархических кланов начинает выходить за безопасные пределы, прошедшие строгий отбор депутаты вдруг начинают голосовать неожиданно для власти. Племенные и жузовые связи могут и смягчать идеологические и социальные антагонизмы. Играют ли они какую-то роль в несомненно большей, чем в России, способности казахстанской оппозиции к объединению в борьбе с авторитарной властью?

Вряд ли случайно, что большинство лидеров оппозиции (и С. Абдильдин, и О. Сулейменов, и Г. Жакиянов, и А. Кажегельдин, и А. Кожахметов) – из Среднего жуза. Доминирование назарбаевского Старшего жуза, естественно, ведет к недовольству казахов из Среднего и Младшего жузов, и это недовольство принимает форму политической оппозицион-

ности, в основном либеральной окраски. И вряд ли будет правильно сказать, что здесь за либеральной фразеологией «прячутся» архаические племенные интересы. Скорее эти интересы, ущемленность представителей других жузов в условиях назарбаевского режима способствуют принятию либеральной идеологии и смягчают идеологические противоречия.

Все это – вопросы, на которые нет готовых ответов, они требуют больших и трудоемких исследований. Тем не менее гипотеза о «разлагающей» авторитарную дисциплину и в какой-то мере «работающей» на демократизацию роли сохраняющихся племенных и жузовых лояльностей мне представляется правдоподобной.

Очень сложную роль играет и этнический плюрализм Казахстана, прежде всего наличие в нем колоссального русского меньшинства. С одной стороны, его потенциальные сепаратистски-ирредентистские тенденции всегда были одним из аргументов (публично не произносимых, но всем понятных) в пользу «сильной власти» и прежде всего – назначения областных акимов. Таким образом, «русский фактор» скорее работал на авторитаризм. Но есть и другая сторона его влияния. Необходимость «успокаивать» русских породила постоянное подчеркивание Назарбаевым и его идеологами ценностей этнической, культурной и религиозной толерантности. Но совершенно такую же позицию занимает и оппозиция, постоянно, от О. Сулейменова до А. Кажегельдина, С. Абдильдина и ДВК, обвиняющая Назарбаева в дискриминации русских. «Борьба за русских» между властью и оппозициями способствует тому, что идеи толерантности, ценности плюрализма становятся общими для всех реальных политических сил, что благоприятствует укоренению демократических ценностей.

Наконец, важную роль в развитии демократической оппозиции и более демократической «атмосферы» в Казахстане играют и чисто случайные факторы. В истории режимов, подобных казахстанскому и российскому, громадную роль играют факторы «биологические» – возраст и здоровье президентов и разное соотношение циклов их жизни с циклами развития режимов. Старение и болезнь президента для такого рода режимов – всегда кризис. Это кризис во всех авторитарных режимах, даже в таких, как монархии с четким порядком престолонаследия. Тем более это кризис в режимах, где престолонаследие – неопределенно, где стареющие властители могут назначить наследником человека из различных групп и нет стопроцентной гарантии, что власть действительно перейдет к тому, кто назначен. Естественно, что близость передачи власти – это ситуация резкого обострения борьбы придворных партий, когда разные группировки «подсовывают» разные кандидатуры, когда никто из вельмож не может быть уверен в своем будущем. В такой ситуации всегда происходит некоторая «олигархизация» и даже «демократизация» режима, ибо борющиеся группировки апеллируют к более широким слоям элиты и даже к народу. В СССР так было и в период болезни и затем после смерти Ленина, и после смерти Сталина и при всех последующих переходах

власти. В постсоветской истории России схожая ситуация возникла в 1999 г., пока Ельцин не определился с преемником, – внутриэлитарная борьба резко обострилась и часть элиты даже пыталась «самоорганизоваться» и самостоятельно выдвинуть своего кандидата (Примакова).

Для судьбы режима очень важно, очевидно, на какой этап его развития падает неизбежный кризис преемственности, наступление которого никак не связано с циклами, имманентными режиму. Если режим близится к упадку, слабеет, если в нем уже вызрели силы, стремящиеся выйти за его пределы, то биологический упадок и смерть воплощающего его властителя могут оказаться для него роковыми. Если же режим далек от упадка, смена властителей идет ему лишь на пользу – новый правитель вызывает радужные ожидания, он может избавиться от наиболее одиозных черт правления и персонажей, связанных с его предшественником.

В России кризис передачи власти был разрешен в целом почти идеально для режима, вступившего при ельцинском преемнике в период расцвета. В значительной мере это произошло потому, что передача власти совершилась на относительно раннем этапе развития режима – до возникновения серьезного конфликта авторитарной президентской власти и новой буржуазной элиты, когда силы, которые могли бы попытаться в этой кризисной ситуации изменить режим, еще не сложились. Кроме того, Ельцин проявил удивительную мудрость, сам уйдя в отставку и назначив преемником мало известного человека, не слишком связанного с его правлением.

В Казахстане ситуация иная. Назарбаев не настолько устал и болен, как Ельцин в конце своего правления, хотя годы, естественно, начинают брать свое. Совсем недавно было заявлено, что он намеревается идти на президентские выборы в 2006 г.[282]. Кризис передачи власти в Казахстане – впереди. Между тем в казахстанском обществе быстрее, чем в российском, созревают силы, стремящиеся к переходу от режима личной власти к правовому режиму. И есть шансы, что эти силы смогут воспользоваться еще предстоящим в Казахстане кризисом – или вообще не допустив наследственной передачи власти, или допустив, но на определенных «кондициях» (используя термин русских вельмож, пытавшихся ограничить самодержавие при воцарении Анны Иоанновны), так что правление преемника (или преемницы) будет менее персоналистским и авторитарным, с большей ролью права, парламента, самоуправления, подготавливающим окончательный переход к нормальной системе демократической ротации власти.

23

Мы старались по возможности беспристрастно описать казахстанский режим. Очень многое в этом режиме, как и в родственном ему российском, настолько очевидно непривлекательно, что как ни старайся быть объективным, картина все равно получается малоприятная.

Но наша задача – не выносить моральное суждение этим режимам, а определить их место в эволюции наших обществ. А для этого мы должны задать вопрос: какие могли быть альтернативы? Альтернативы, разумеется, были, особенно в период зарождения этих режимов, в 1991 г. Среди них, очевидно, были и более хорошие, и более плохие, с большими и меньшими элементами авторитаризма и большими и меньшими элементами демократии. Но, на наш взгляд, настоящая демократия, правовое общество, в котором оппозиция может стать властью, в число более или менее реальных альтернатив ни в России, ни в Казахстане этого времени не входила. Страны с такой историей и таким сознанием, как Россия и Казахстан, в 1991 г. прийти к демократии, к системе борьбы за власть и ротации власти на выборах, к которой пришли посткоммунистические страны Центральной Европы и Балтии, были не способны. Следовательно, наши режимы для наших стран – «нормальные».

И фигуры наших президентов «нормальные». Ни Ельцин, ни Назарбаев ни в коей мере не мелодраматические злодеи. Это обычные люди, типичные представители своего социального слоя и своих обществ, разделяющие все предрассудки массового сознания[283]. На их месте могли быть другие, чуть лучше и умнее или, наоборот, чуть хуже и глупее. Конечно, это внесло бы какие-то коррективы в постсоветскую историю наших стран. Но практически несомненно, что все равно было бы строительство неправовой системы личной власти, прикрываемой правовыми формами, все равно была бы «семейная экономика» и коррупция. Чтобы в постсоветской ситуации «безальтернативный» президент не обогатился сам в ходе практически бесконтрольно осуществлявшейся им приватизации и не пытался бы правдами и неправдами закрепиться у власти, он должен быть святым. Но святой не мог стать постсоветским президентом. Совершенно разные люди – и не слишком культурный и импульсивный Ельцин, и «прожженный» коммунистический бюрократ и хитрец Назарбаев, и утонченный интеллигент и «почти диссидент» Тер-Петросян, и академик Акаев шли по одной и той же дороге и создавали очень похожие режимы. Назарбаев ничуть не хуже, например, Ельцина, и какие бы грехи ни были на его совести, они значительно меньше, чем «грехи» кровавого переворота 1993 г. и чеченских войн[284]. Назарбаев может предъявить даже больше объективных успехов и достижений, чем другие постсоветские президенты. Почти «немыслимое» казахстанское государство состоялось, кровавых конфликтов не было, а рост ВВП, что ни говори – все же более быстрый, чем в любой постсоветской стране, и один из самых высоких в мире.

Постсоветские «безальтернативные» президенты бесконечно и на все лады повторяют одну мысль – наши народы до демократии не доросли, демократия приведет к анархии, с демократией мы зальемся кровью. Поэтому пусть европейцы и американцы не лезут к нам со своими рецептами и советами. Что им – хорошо, то для нас – гибель. Когда-ни-

будь к демократии мы придем, но это – когда-нибудь. Назарбаев повторял это множество раз. «Нельзя из дня вчерашнего внезапно перепрыгнуть в демократию французскую или американскую. Так не бывает»[285]. «... К ним (к Западу) демократия приходила 150–200 лет. Почему же они хотят от нас демократии сразу?»[286] «Если бы здесь (в Центральной Азии) не было пять авторитарных режимов, здесь было бы десять бен Ладенов»[287]. Своекорыстие этих рассуждений, их продиктованность желанием «навластвоваться всласть» и обезоружить западную критику, очевидны. Но своекорыстный мотив этих высказываний еще не значит, что они неверны и являются, как пишет американская исследовательница М.Олкотт, лишь «голословным оправданием консолидации власти в руках правящей элиты»[288]. «Оправданием» они, безусловно, являются, но «голословным» – нет.

Признание правоты таких рассуждений постсоветских президентов наталкивается на наш моральный протест. Но оно не означает ни отрицания абсолютного морального значения демократии, ни расистского признания вечной иерархии народов. Демократия – достижение человечества, которым раньше или позже должны овладеть все. Но это также не значит, что все народы могут усвоить демократию сразу и что те, кто не может усвоить ее сразу, не усвоит никогда и усвоить не может, как признание нормальности и обязательности грамотности или владения арифметикой не означает, что ребенок может научиться считать и читать за один день или одну неделю. Чтобы прийти к демократии, надо «помучиться». Н. Назарбаеву принадлежит одна загадочная фраза: «Демократию нельзя ввести декретом. Демократию можно только выстрадать. Мы сейчас как раз и находимся в фазе ''страдания''[289]. Совершенно непонятно, какую роль в этих страданиях Назарбаев приписывал себе, – вряд ли все же он подразумевал под ними страдания тех, кто вступил в борьбу с его режимом и оказался в тюрьме. Но вне зависимости от этого, высказывание это, на мой взгляд, не только правильное, но и глубокое.

Более развитые, более подготовленные своей историей и культурой народы СССР, прежде всего балтийские, могли прямо из коммунистического строя шагнуть к демократии. Для народов России и Казахстана, не имевших практически никакого опыта демократии, казахи – и опыта самостоятельного государства, такой прыжок был не по силам. Для них были естественны переходные формы, сочетающие авторитаризм с какими-то элементами демократии.

И казахстанский, и российский режимы – переходные. Это режимы, в течение жизни которых общества усваивают некоторые элементарные демократические и рыночные нормы и привычки, уходят из жизни поколения, сформировавшиеся при тоталитаризме и несущие его отпечатки на своем сознании, и приходят новые, сформировавшиеся если не в демократических, то все же в значительно более свободных условиях. Это режимы, в рамках которых должны вызреть силы, которым они стано-

вятся тесны, и которые в конце концов должны их сломать. Даже из нашего краткого очерка эволюции казахстанского режима видно, как продвинулось вперед за назарбаевские годы казахстанское общество, как укореняются в нем базовые демократические ценности и как растет недовольство Назарбаевым и созданной им системой.

Определение казахстанского и российского режимов как переходных, в рамках которых общества подготавливаются к демократии, не означает, однако, что переход к демократии может произойти просто путем неуклонного и постепенного усиления элементов демократии внутри этих режимов. Развитие обществ и развитие режимов не совпадают. Режим развивается не в соответствии с логикой развития общества, а в соответствии со своей внутренней логикой. Стремящийся к «безальтернативности» президент должен охранять и укреплять эту безальтернативность, распространяя свой контроль и «принцип безальтернативности» на все уровни и сферы общества. Возможно, после движения «по восходящей», ко все большему контролю, может начаться движение в противоположном направлении, контроль начнет ослабевать, режим может идти на какие-то уступки обществу, вводя элементы демократии. Но это всегда уступки, сделанные под давлением и до тех пределов, пока они не затрагивают основного принципа – безальтернативности его власти. Но вполне возможна, очевидно, и обратная зависимость – общество может становиться все более готовым к демократии, а режим, именно поэтому, более репрессивным.

В любом случае между режимами казахстанского и российского типа и демократией – не гладкий, постепенный переход, а разрыв. Переход к демократии, в иное качественное состояние общества, может произойти лишь с падением этих режимов[290]. Он неотделим от ситуации, когда общество впервые выберет не того, кто уже у власти или кто определен в преемники стоящим у власти. Это – еще не победа демократии, но абсолютно необходимый первый шаг к ней. Но ясно, что сопротивление этому шагу со стороны президентских режимов будет ожесточенным, и простое голосование, результаты которого всегда можно подтасовать, к нему привести не может (мы видим это на примерах Азербайджана, Грузии, Украины). Представить себе эту рубежную ситуацию, совершающуюся совершенно плавно, без участия улицы, без опоры оппозиции на массовое движение, парализующее сопротивление власти, очень трудно.

Президенты, говорящие, что их общества не созрели для демократии и нуждаются во времени для перехода к ней, вполне возможно, правы. Но очень маловероятно, что они когда-нибудь скажут: вот сейчас это время настало и теперь я могу выпустить бразды правления и дать народу свободно избрать того, кого он хочет. О наступлении этого времени они узнают, как узнал Шеварднадзе, по толпам на улицах, требующим их отставки и честных выборов.

Примечания

[1] Те локальные, не общесоюзные гражданские войны, которые все же возникли в ряде республик (Таджикистан, Молдова, Грузия), были борьбой не антикоммунистов с коммунистами, а между этносами и субэтносами.

[2] При всей типичности таких быстрых и радикальных перемен мировоззрения представителями советской элиты, в них есть нечто «загадочное». Для описания этого явления нет адекватных терминов.

Разумеется, нелепо представлять себе, что в 1990–1991 гг. у чуть ли не всей советской элиты действительно «открылись глаза» на коммунистическую идеологию и советскую систему и она радикально сменила мировоззрение, став «из Савлов Павлами». (Так, Назарбаев позже объяснял свою идейную «революцию» влиянием, которое оказала на него книга Ф. Хайека «Дорога к рабству». – См.: *Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана: «Елорда», 2001. С. 191.) Ясно, что фактически к этому времени вера в отжившую коммунистическую идеологию в советской элите уже была утрачена. Но не менее смешно представлять позднесоветскую элиту состоящей сплошь из тайных антикоммунистов, изображающих из себя коммунистов, как Штирлиц – фашиста. (Из руководителей СНГ такую модель объяснения своего поведения использовал, насколько нам известно, только Г. Алиев, всерьез утверждавший, что, будучи первым секретарем ЦК КП Азербайджана, он предвидел распад СССР и потихоньку готовил Азербайджан к независимости.)

Очевидно, слова и мысли этих людей вообще не могут адекватно описываться в терминах «правда» и «ложь». Эти термины применимы лишь к узкому кругу очень конкретных ситуаций, в которых они действительно могли лгать или говорить правду, а не к их идеологическому мышлению. Когда, до 1990–1991 гг., для карьеры надо было говорить коммунистические слова, они не только их говорили, но в какой-то степени так и думали, ибо для успешной карьеры нужна определенная степень согласованности слов и мыслей. А когда это перестало быть выгодно, они без особого труда стали и говорить, и думать иначе. Это не столько сознательное приспособление слов и поведения к потребностям карьеры, сколько «инстинктивное» приспособление к ним самого мышления.

[3] В какой-то мере относительная сила антисоветских движений в различных республиках видна из результатов голосования на референдуме о судьбе СССР в марте 1991 г.

В Казахстане в референдуме участвовало 88,2% избирателей, что больше, чем в России (75,4%) , но меньше, чем в других центрально-азиатских республиках, в каждой из которых участвовавших было более 90%. За сохранение СССР проголосовало 94,1% (в России – только 71,3%), против – 5% (в России – 26,4%). Во всех центрально-азиатских странах, кроме Узбекистана, в котором против проголосовало 5,2%, – меньше 5% (Правда, 27.03.1991. С.1). Казахстан, таким образом, по числу голосовавших против сохранения СССР и не участвовавших в голосовании – позади России, но несколько впереди других центрально-азиатских стран.

При этом социальная поддержка антисоветского движения в этот период в России и Казахстане – схожая. По числу голосовавших против СССР в России

впереди – Москва и Ленинград, в Казахстане – Алма-Ата, где против сохранения Союза проголосовало 8,4%.

[4] Известная автобиография президента Казахстана: *Назарбаев Н.* Без правых и левых. М.: Молодая гвардия, 1991. Естественно, апологетическую, но значительно более объективную, чем можно бы было ожидать, и насыщенную фактами биографию Н.Назарбаева написал его помощник Ермухамет Ертысбаев (*Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана: «Елорда», 2001).

[5] Отправленный на пенсию Д. Кунаев никогда не мог простить Назарбаеву этого «удара в спину». Тем не менее Назарбаев затем использовал имя популярного Кунаева для своей «легитимизации». Когда Д. Кунаев в 1993 г. умер, он издал указ об увековечении его памяти, был создан даже дом-музей Кунаева. В 2002 г. было организовано грандиозное собрание по случаю 90-летия Кунаева. – См.: *Шбинтаев Р.* Наш Димаш // Ленинская смена – Экспресс К, 12.01.2002. С.3.

В официальных статьях подчеркивалась близость Назарбаева к Кунаеву и даже утверждалось, что Кунаев не любил людей, ставших затем противниками Назарбаева, например С.Абдильдина, и предупреждал Назарбаева, чтобы он был с ними поосторожней. – См.: *Морозов Н.* Д. Кунаев – 90 лет. Казахстанская Правда, 15.01.2002. С.1–4; *Терещенко С.* Не могу молчать // Ленинская смена – Экспресс К, 24.10.2002.

[6] Удивительная степень незнания руководством СССР обществ входящих в него республик видна в том, что М.С. Горбачев в своих мемуарах говорит о доминировании при Кунаеве «клана жузов» («... раздражение и недовольство в связи с преобладанием одной из местнических общин, «клана жузов», имели место»). Как вспоминает Горбачев, решение назначить в Казахстан именно русского было одобрено (если не подсказано) Кунаевым, стремившимся прежде всего не допустить к власти Назарбаева. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 497–498). Д. Кунаев, естественно, вспоминал совершенно иное – что с ним никто не посоветовался.

[7] Механизм возникновения декабрьского выступления казахской молодежи, направленного против назначения в республику «варяга» Колбина, плохо известен и мало понятен. Впоследствии казахские националисты и официальная пропаганда станут всячески преувеличивать его значение («Казахские декабристы разбудили от сна народы Прибалтики, Кавказа, Средней Азии... Весь мир узнал благодаря декабрьскому выступлению... что настал час расплаты за все злодеяния империи», –это слова видного казахского историка М. Козыбаева. – Казахстанская Правда, 2.02.2002. С.1–2).

Д. Кунаев позже обвинял Назарбаева в тайной организации выступления с целью напугать Москву и вынудить ее назначить его, а не Колбина. С другой стороны, казахстанская оппозиция впоследствии обвиняла Назарбаева в организации подавления выступления и репрессий против его участников (см.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 139–140). Стоит отметить, что эти внешне противоположные обвинения на деле совершенно не исключают друг друга.

[8] Вот образец его «переходной» лексики середины 1991 г.: «...Считаю, что переход к рыночным отношениям находится в полном соответствии с теорией марксизма...» (*Назарбаев Н.* Доклад на пленуме ЦК КП Казахстана // Казахстан-

ская Правда, 23.07.1991. С.1–2). Затем ссылки на теорию марксизма исчезли, и уже в 1992 г. он говорит об ужасах тоталитаризма, утопичности марксизма и полной несостоятельности плановой экономики.

[9] Уже в 1987 г. репрессированные участники декабрьских событий создают комитет, а затем, в 1990 г., на его основе – партию «Желтоксан» («Декабрь»). В 1990 г. создаются национал-демократические партии «Азат» («Свобода») и «Алаш», в идеологии которого были сильные исламистские и пантюркистские элементы. Наряду с этими национал-демократическими и националистическими движениями были и другие, «общедемократического», «перестроечного» толка, тем не менее объективно также направленные против союзного Центра и являющиеся частью общей национально-демократической волны. Так, в феврале 1989 г. известным казахским поэтом и публицистом О. Сулейменовым создается движение «Невада–Семипалатинск», направленное против подземных ядерных испытаний на территории Казахстана. (О партиях Казахстана в первой половине 90-х гг. см.: *Куртов А.* Партии Казахстана и особенности политического процесса в республике. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995.)

[10] Опрос, проведенный в 1994 г., показал, что в Восточно-Казахстанской области 42% опрошенных русских , а в Северо-Казахстанской – 37% были за присоединение к России, а соответственно 11 и 16% – за автономию русских областей. – См.: *Олкотт М.* Казахстан. Непройденный путь. М.; Вашингтон, 2003. С. 97.

[11] Например, их озвучивал такой «западник» и «демократ», как А. Собчак. Н. Назарбаев говорит по поводу высказываний Собчака в одном из своих интервью: «...Давно зная Собчака и глубоко уважая его, я никогда не ожидал от него заявлений по поводу бывших российских губерний...Это может привести к кровопролитию... Кому это выгодно – Собчаку или кому-то другому?» – Любые пограничные претензии сегодня – это неминуемое кровопролитие. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 6.05.1992. С.5.

[12] См.: Казахстанская Правда, 4.10.1991; 15.11.1991 и 16.11.1991. Хотя после страшного 1991 г. угроза русского сепаратизма, естественно, ослабела, она отнюдь не исчезла и в какой-то мере она сохраняется до сих пор. В ноябре 1994 г., например, семиреченские казаки организовали митинг в Алма-Ате с лозунгами, требующими присоединения к России «на основе свободного волеизлияния граждан» (см.: *Козлов В.* Неудавшийся марш к столице Казахстана // Независимая газета, 22.11.1994). В 1999 г. казахстанские спецслужбы арестовали в Усть-Каменогорске участников заговора во главе с неким Владимиром Казимирчуком по прозвищу «Пугачев» с целью провозглашения «Русской республики». См.: *Козлов С.* Русская республика в Восточном Казахстане // Независимая газета, 24.11.1999. С.1; *Козлов С.* Террористам предъявлено обвинение // Независимая газета, 26.11.1999. С. 5; *Петров А.* Пугачев XX века // Московские новости, 30.11.1999. Общеизвестны планы Э.Лимонова и его «национал-большевиков».

[13] Роль «реакционного пугала» в это время выполняет второй секретарь ЦК КП Казахстана В. Ануфриев, который на февральском пленуме ЦК КПСС 1990 г. говорил: «Кто-то должен, товарищи, отвечать за развал единства партии, за идеологические провалы, кто-то должен отвечать, товарищи, за события в

Восточной Европе, о чем никто не хочет говорить». – Цит. по: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 293.

[14] Из выступления Назарбаева на одном из совещаний в 1993 г.: «Мне говорят – я вас сохранил, бывших аппаратчиков, но я отвечаю, что это не так». – Независимая газета, 4.03.1993. С.1.

[15] Так, по данным всесоюзного опроса, проведенного в 1991 г. журналом «Диалог», 40% всех респондентов назвали «политиком года» Назарбаева, 36% – Ельцина, 26% – Жириновского, 19% – Алксниса, 18% – Горбачева, 13% – Кравчука, 12 % – Собчака, 11% – Силаева и 9% – Хазбулатова. Далее, «в хвосте», шли Акаев, Бакатин, Травкин, Шеварднадзе и Яковлев. (См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 162). По данным опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в апреле-мае 1991 г. в 15 городах России, Киеве и Алма-Ате, и среди 100 «умов» (в политическом диапазоне от Боннер до Проханова), на вопрос: «Отметьте республику, руководство которой ведет наиболее продуманную, отвечающую интересам народа политику», более половины «умов» и треть всех опрошенных назвали Казахстан. Россия была на втором месте. – См.: Казахстанская Правда, 17.08.1991. С.1.

[16] Когда осенью 1990 г. Горбачев предлагал Н.Назарбаеву пост председателя Совета министров СССР, тот выдвинул заведомо неприемлемое условие своего утверждения парламентами всех союзных республик. В декабре 1990 г. в интервью «Правде» он следующим образом отвечает на вопрос, как он отнесся бы к предложению стать вице-президентом СССР: «Если ему (вице-президенту) отводится та роль, которая в проекте изменения Конституции, то это – очередной помощник. Я себя в этой роли не вижу». – *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 159–160.

Вот как пишет о роли Назарбаева в этот период помощник Горбачева Г. Шахназаров: «Мне кажется, серьезным упущением Горбачева было то, что он не оценил в должной мере способностей Назарбаева и не привлек его в качестве одного из своих ближайших соратников. Правда, Михаил Сергеевич всегда относился к казахскому лидеру с дружеской симпатией, а перед августовскими событиями вроде бы решил предложить ему пост премьера. Увы, как и многое другое, этот шаг безнадежно запоздал... К Нурсултану Абишевичу прислушивались и Ельцин, и Кравчук, и «автономисты». – *Шахназаров Г.* Цена свободы. М., 1993. С. 233.

[17] Так, именно Назарбаев инициировал осенью 1990 г. установление связей между республиками, минуя союзный Центр. Изменение в Казахстане формулировки вопроса на референдуме о судьбе СССР с горбачевской на более «конфедеративную» («союз суверенных государств») также было шагом, направленным на усиление своих позиций по отношению к Центру и объективно – на ослабление Центра и подрыв значения референдума. – См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С.164–165.

[18] В этом отношении игра, которую ведет Назарбаев с Россией, очень похожа на игру Лукашенко, и они в какой-то мере даже конкурируют друг с другом. Оба выдвигают разные проекты «тесной интеграции», предполагающие, однако, ту степень равноправия, которую Россия в отношениях с бывшими республиками СССР допустить не может. Проекты отвергаются или кладутся под сукно, а Назарбаев и Лукашенко разводят руками. Но у более «простого» и даже наивного

Лукашенко элемент самообмана в этой игре, несомненно, присутствует больше, чем у Назарбаева.

[19] Вот яркий пример блестящей назарбаевской игры на российских великодержавных чувствах, обезоруживающей российских политиков: «По логике всей предыдущей жизни ... центром, стержнем СНГ могла и должна была стать Россия. Но – говорю об этом с большим сожалением – в силу ряда объективных и субъективных причин не стала... Россия имеет самую большую территорию и самые богатые недра в мире, в ней живет талантливый, трудолюбивый народ... Надо сделать так, чтобы она стала центром притяжения всей Евразии в XXI веке». – Россия могла бы стать стержнем содружества, но не стала. (Интервью Н.Назарбаева) // Независимая газета, 16.01. 1997. С. 1–3.

[20] Вряд ли Назарбаева можно упрекать в специальном «выдавливании» русских. Но он не мог не радоваться постепенному превращению казахов в большинство, ибо это способствовало приобретению Казахстаном большей устойчивости. И, очевидно, скрыть эту радость не всегда получалось.

Мурат Ауэзов, либеральный оппозиционер Назарбаеву, говорит в интервью: «До последнего времени русские составляли до 40% нашего населения, сейчас Назарбаев в своих выступлениях *не без ноток победных реляций* называет... цифры... – 39%, 33 и в последнем выступлении 29%». – Независимая газета, 8.08.1997. С.3. По данным переписей 1989 и 1999 гг. удельный вес казахов увеличился с 40, 15 до 53,1%, а удельный вес русских уменьшился с 37,4 до 30%. – См.: *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001. С. 309.

[21] *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 335. Ертысбаев приводит и такую аргументацию русского рабочего депутата Б.Барченко: « Я считаю... что, узаконивая и давая в руки одному человеку, каким бы хорошим он ни был, неограниченную власть, не имея достаточно развитой в нашей республике политической культуры и сильных демократических традиций, мы имеем реальную возможность в ближайшее время или чуть в более отдаленной перспективе получить нового диктатора» (Указ. соч. С. 336). Рабочий депутат явно был прозорливее большинства политиков-интеллигентов.

[22] Даже в заявлении Назарбаева от 20.08. 1991 г., когда судьба ГКЧП была уже решена, содержится двусмысленность, позволявшая совершенно по-разному его истолковать. Назарбаев говорит, что страна подошла к черте, «за которой наступал полный и окончательный развал общества», и что он критиковал за это Горбачева, но тот не сделал никаких выводов. (Здесь он – почти «гэкачепист».) Тут же, однако, он говорит, что чрезвычайное положение можно было объявить, «только опираясь на конституционный, правовой фундамент». (Эта часть заявления дает возможность затем осудить ГКЧП.) – См.: Казахстанская Правда, 21. 08. 1991. С. 1.

[23] Казахстанская Правда, 27.08. 1991. С.1.

[24] Это – выражение Назарбаева, которое он использует в докладе на пленуме ЦК КП Казахстана в июле 1991 г. – См.: Казахстанская Правда, 23.07.1991. С. 1–2.

[25] Очень характерно, что главный «фундаменталист» и сторонник ГКЧП В. Ануфриев был сделан советником президента.

[26] « Я в нее (Соцпартию. – *Д.Ф*) не вступил: считаю, Президент должен быть свободен от всяких политических пристрастий, хотя может иметь поддержку того или иного движения». – *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 221.

[27] См.: *Куртов А.* Партии Казахстана и особенности политического процесса в республике. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. С. 179.

[28] Казахстанская Правда, 7. 12.1991 . С.1.

[29] См.: Союз можно было сохранить. Белая книга. Горбачев-Фонд. М.,1995. С. 307.

[30] *Козлов С.* Назарбаев призвал поддержать его кандидатов // Независимая газета, 4.03.1994. С.3.

[31] Казахстанская Правда, 1.01.1992. С.1.

[32] Впоследствии помощник Н.Назарбаева даст такое откровенное определение назарбаевского режима: «Характерные политические черты назарбаевской модели – это полное доминирование исполнительной власти над представительными органами, наличие косвенного контроля над СМИ, нейтрализация реальных или потенциальных центров оппозиции в регионах, а также патронаж над общественными объединениями в обмен на публичную поддержку ими власти». – Лучше иметь беспокойный парламент, чем беспокойные улицы и площади. (Интервью. Е. Ертысбаева) // Казахстанская Правда, 15.10.1998. С. 4. В целом определение верное, но может быть использовано для характеристики большинства постсоветских режимов.

[33] Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 15.11.1995. С. 3.

[34] См.: *Козлов С.* Назарбаев создает свою партию // Независимая газета, 26.09.1992. С. 1.

[35] О внутренней логике развития российского постсоветского режима см.: *Фурман Д.* Политический режим постсоветской России // Свободная мысль, 2003, №11.

[36] См.: *Фурман Д.* «Перевернутый истмат»? (От идеологии перестройки к идеологии «строительства капитализма» в России) // Свободная мысль, 1995, №3.

[37] В Казахстане хотя бы не было той жесткой связи национального самосознания с деспотическими режимами, создававшими великую Российскую империю, какая была и есть в России. Здесь – «намек» на демократический опыт в виде «кочевой демократии» казахских племен, имеющей внешнее и отдаленное сходство с демократией современного типа, и в эфемерном образовании «Алаш-Орды», возникшем в период Гражданской войны в России.

[38] См.: *Губогло М.Н.* Этнополитическая ситуация в Казахстане в представлениях его граждан. Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М.,1995. С.268.

[39] См.: *Попов Н., Рубцов А.* Скажи мне, кто твой сосед, и я скажу тебе, кто ты... // Независимая газета – Содружество, №5 27.05.1998. С.3.

[40] См.: *Дунаев В.* Конфликтующие структуры казахстанской модели межэтнической интеграции // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №5(6). С. 14–15.

[41] Это – данные опросов, проводившихся в 1991–2002 гг. по исследовательскому проекту Академии наук Финляндии и Российской академии наук «Рели-

гия и ценности после падения коммунизма». Результаты опросов обобщены в большом количестве публикаций. Наиболее полная на русском языке: Старые церкви, новые верующие / Под ред. К. Каариайнена и Д.Е. Фурмана. М.: «Летний сад», 2000.

[42] При обсуждении казахстанской конституции раздавались предложения именовать Назарбаева ханом, глав областей – султанами, а глав районов – беками. – См.: *Козлов С.* Назарбаев создает свою партию // Независимая газета, 26.09.1992. С. 1.

[43] В отличие от Ельцина, над которым тяготело обвинение в разрушении Союза и инициировании реформ, повлекших за собой обнищание народа, и которому в силу этого приходилось рисовать радужные перспективы и обещать быстрый подъем благосостояния, Назарбаев мог более правдиво описывать положение, в котором Казахстан оказался не по его воле. Он даже драматизирует ситуацию, рисуя картину, вызывающую у читателя и слушателя мысль, что без «твердой руки» обойтись невозможно. Летом 1991 г. он говорит: «Нас ждут и имущественное расслоение, и безработица, и снижение жизненного уровня...» (*Назарбаев Н.* Доклад на пленуме ЦК КП Казахстана // Казахстанская Правда, 23.07. 1991. С. 1–2). В новогоднем послании 1992 г. Назарбаева к народу есть такие слова: «...Не скрою, что будущий год будет чрезвычайно трудным для людей в материальном плане» (Казахстанская Правда, 1.01. 1992. С.1). В 1993 г. он говорит: «Наши надежды, что мы поднимем массы и осуществим приватизацию и реформы снизу, не оправдались, – теперь нужно проводить этот процесс сверху» (*Козлов С.* Оппозиция должна иметь позицию // Независимая газета, 20.02. 1993. С. 1). «Первый этап рыночных реформ... – мы его прекрасно провалили. ...Да, материальное расслоение..., безработица, банкротства – мы ко всему этому готовы» (*Козлов С.* Нурсултан Назарбаев: Хватит критиковать, критикам не место в нашей команде // Независимая газета, 4.03. 1993. С. 1).

[44] В одном интервью 1993 г. Назарбаев говорит, что сейчас «каждый делает то, что хочет», и «пока не укрепится исполнительная власть, дела у нас не пойдут». – Миссия, возложенная на нас временем. (Интервью Н.А. Назарбева) // Казахстанская Правда, 28.07.1993. С. 2.

[45]А. Кажегельдин позже вспоминал: «Мне, молодому тогда политику, по сути технократу, казалось, что все приложится само собой... Я и мои коллеги-реформаторы думали, что если будет рынок, то будет и демократия». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2002. С. 247.

[46] Н. Назарбаев говорит в упомянутом выше интервью в июле 1993 г. : «Я не собираюсь выступать против Советов. Это понятие в нашей душе сидит глубоко». – Миссия, возложенная на нас временем. (Интервью Н.А. Назарбева) // Казахстанская Правда, 28.07.1993. С. 2.

[47] В феврале взбунтовались голодные солдаты стройбатов на Байконуре, разгромившие склады с продовольствием и поджегшие казармы. Бунт имел национальный аспект – это был бунт солдат-казахов против офицеров-русских. (См.: Независимая газета, 27.02.1992). На следующий год бунт повторился. – *Ли В.* Не пошел впрок прошлогодний урок? // Казахстанская Правда, 15.06.1993. С. 1–4.

[48] *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 352.

[49] Там же. С. 353–354.

[50] Казахстанская Правда, 2.06.1992. С. 1–2.

[51] «Я перечитал конституции многих стран ... и пришел к убеждению, что ни королева Великобритании..., ни президенты США и Франции не обладают такой полнотой власти, как президент Республики Казахстан в представленном проекте конституции». (*Ирмуханов Б.* Последнее слово принадлежит народу // Казахстанская Правда, 4.07.1992. С. 3). В критике конституции за предоставление чрезмерной власти президенту были едины представители и русских, и казахских спонтанно возникших политических движений. Так, Ю. Старцев, руководитель организации «Единство», говорил: «Мы имеем сегодня ту же самую диктатуру, которая была. Президент является, по сути, первым секретарем ЦК, и это положение хотят узаконить, приняв данный вариант Конституции». Ему вторит председатель «Азата» К. Ормантаев: «Проект... может превратить Казахстан в посмешище». (*Козлов С.* Спешка с Конституцией к добру не приведет // Независимая Газета, 23.01. 1993. С. 3).

[52] «...Нашли все-таки «проблему в отношениях президента и Верховного Совета. Чувствуются потуги перенести дух московских баталий в Алматы». – Миссия, возложенная на нас временем (Интервью Н.А. Назарбаева) // Казахстанская Правда, 28.07. 1993. С. 2.

[53] Так, П. Своик пишет в это время: «Аппарат нынешних Советов – самый мощный тормоз реформ... Парламент... остался во вчерашнем дне». (*Своик П.* Если власть не сможет самореформироваться, за это возьмется разрушительная стихия улицы // Казахстанская Правда, 17. 01. 1992. С. 3). А. Кажегельдин говорит: «Я не верю в так называемых народных избранников. Избраны люди от конкретных групп населения и ... их интересы и защищают». (Сможет ли съезд промышленников предотвратить взрыв бомбы? (Беседа с А.Кажегельдиным) // Казахстанская Правда, 12.09. 1992. С.1). О С. Дуванове, зашедшем в своем «демократическом антипарламентаризме» наиболее далеко, см. далее.

[54] Серик Абдрахманов, в то время руководитель пропрезидентского Союза народного единства Казахстана, говорит: «Думаю, что с этим составом ВС ... мало что можно изменить... Больше... теперь возлагается надежд на представителей исполнительной власти». – Независимая газета, 9.06.1993. С.3.

[55] *Квятковская Т.* Схватка за власть: казахстанский вариант // Казахстанская Правда, 21.01.1993. С. 2.

[56] См.: *Козлов С.* Парламент принимает новую конституцию // Независимая газета, 27.01. 1993. С. 3.

[57] Журналистка К. Есенова пишет: «Сейчас самым тяжким обвинением для любого члена правительства, парламента, словом, человека, обладающего хотя бы намеком на власть, является обвинение в тайном (как правило) или явном желании стать президентом». – *Есенова К.* Стремящиеся к ней безумны, а достигшие ее поражены тоскою // Панорама, №47, дек. 1994.

[58] Е. Ертысбаев пишет, что «ходили упорные слухи», что после разгона парламента в России Ельцин просил Назарбаева разогнать свой парламент, чтобы Ельцину не выглядеть слишком «одиноким». – *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 355.

[59] Казахстанская Правда, 18.11.1993. С. 1.

[60] Совмещение полномочий депутатов с работой в исполнительной власти противоречило конституции, но Верховный Совет не протестовал, согласившись

с выгодным депутатскому корпусу нарушением только что принятой конституции. – См.: *Чеботарев А.* Руководству Казахстана основной закон не писан. – http://www.eurasia.org.ru/20011/free/08_30_Konstitution.htm

61 Главным организатором этой обработки был аким (мэр) Алма-Аты З. Нуркадилов. Депутатов приглашали в мэрию и вынуждали писать заявления (см.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 368). Сейчас З. Нуркадилов перешел в жесткую демократическую оппозицию Назарбаеву и говорит: «... раз я демократию убил в 93-м году, значит, мне ее и надо восстанавливать» (*Дашков Д.* Почему уссурийский тигр рычит два раза в год? // Assandi-Times, 16.07.2004. С. 1).

62 *Дуванов С.* Я думаю, что историческая целесообразность не повредит демократии // Казахстанская Правда, 25.11.1993. С.2. О России автор пишет: «...Россия получила одного хозяина, России тяжело, но она перестала топтаться на месте. Россия пошла вперед». С. Дуванову отвечает Е. Ертысбаев: «Если сейчас без тени смущения утверждают, что «демократия мешает реформам», то через полгода будут говорить, что ''народ мешает реформам''» (*Ертысбаев Е.* Еще раз о демократии, «исторической целесообразности» и выборах // Казахстанская Правда, 1.12.1993. С. 2). С. Дуванов затем стал резким критиком назарбаевского режима и оказался в тюрьме, а Е. Ертысбаев, наоборот, стал советником президента.

63 *Козлов С.* Назарбаев призвал поддержать его кандидатов // Независимая газета, 4.03.1994. С. 3.

64 Казахстанская Правда, 21.01.1994. С. 1.

65 Из 900 кандидатов более 200, естественно, прежде всего оппозиционных, не были допущены к регистрации (см.: *Куртов А.* Партии Казахстана и особенности политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995. С. 169). В их число попали и С.Дуванов и Е. Ертысбаев.

66 *Козлов С.* ЦИК обвиняют в предвзятости // Независимая газета, 11.02. 1994. С. 3.

67 См.: *Козлов С.* Что же состоялось в республике? // Независимая газета, 10.03.1994. С. 1, 3; Наблюдатели СБСЕ были субъективны // Независимая газета, 15.03. 1994. С. 3.

68 См.: *Козлов С.* Новый Верховный Совет собрался на первую сессию // Независимая газета, 21.04. 1994. С. 3.

69 «Когда наш парламент самораспустился, наши избиратели (так!) сказали: Назарбаев карманный парламент себе сделал. Как выяснилось – не карманный все же. Это уже хорошо... Демократически избранный парламент, в котором сегодня фактически представлены ... все политические силы». – Не надо искать того, чего нет. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 11.06. 1994. С. 1, 3.

70 Тем не менее Назарбаев, в значительной мере, очевидно, подражая Ельцину, пытался его использовать. «Страшно... что сегодня старые коммунистические лидеры вновь поднимают голову... И ни наша печать, ни демократические силы не замечают этого». (Выступление Н.А. Назарбаева на семинаре-совещании глав городских и районных администраций // Казахстанская Правда, 11.04.1992. С. 2). Ни печать, ни «демократические силы», ни сам Назарбаев не замечали комизма этой фразы в устах бывшего профессионального партработника и первого секретаря ЦК.

[71] Как полагает Е. Ертысбаев, Назарбаев вначале хотел сделать из СПК партию – преемницу КП Казахстана и свою прочную опору по типу Народной демократической партии Узбекистана. Но то, что получилось в Узбекистане, с его традицией средневековой деспотической государственности, не получилось в Казахстане. СПК с самого начала показала себя неуправляемой, отказавшись на своем первом съезде принять предлагаемое Назарбаевым название «Демократической партии народного единства» и избрав название Социалистической (см.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 220–221). На второй съезд СПК в 1992 г. Назарбаев уже не пришел, сказав: «Что, я должен теперь на съезды всех партий приходить?» (*Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 222). После переворота декабря 1993 г. партия быстро превращается в оппозиционную, и на выборах 1994 г. ее кандидатов под разными предлогами не регистрируют. После второго переворота, весной 1995 г., СПК раскалывается. Часть активных социалистов во главе с Абдильдиным входит в КПК, часть, во главе с Е. Ертысбаевым, переходит на пропрезидентские позиции, другие, как П.Своик, затем входят в разные организации либеральной оппозиции.

Назарбаев все же создает в 1993 г. свою партию Союз народного единства Казахстана, которую оппозиция называла «Союзом номенклатурного единства» (см.: *Сулейменов Олжас*. Монопартизм приводит к бонапартизму // Независимая газета, 12.02.1993. С.1–3). Но строительство президентской партии в Казахстане, как и в России, идет медленно и вяло. Главной причиной этого является, очевидно, нежелание президентов как-то связывать себя партийной программой и партийным аппаратом, с которыми пришлось бы считаться.

[72] О составе нового парламента см.: Казахстанская Правда, 17.03.1993. С.1. См. также: *Куртов А.* Указ. соч. С. 86.

[73] *Черепанов И.* Оппозиция объединяется // Казахстанская Правда, 7.04.1994. С. 1; *Козлов С.* Оппозиция объединилась в «Республику» // Независимая газета, 2.04. 1994. С. 3.

[74] *Козлов С.* Сформирован теневой кабинет // Независимая газета, 27.05.1994. С. 3.

[75] *Козлов С.* Парламент приступил к работе // Независимая газета, 2.09. 1994. С. 3.

[76] *Жданов Л.* Что ответит президент? // Казахстанская Правда, 1.06.1994. С.1.

[77] Мы предлагаем конструктивный диалог с исполнительной властью (Интервью В.Розе) // Независимая газета, 29.06. 1994. С. 3.

[78] В марте Усть-Каменогорский городской маслихат выступает с требованием выборности акимов, признания русского языка вторым государственным и разрешения двойного гражданства (на чем настаивала в это время Россия) (*Козлов С.* Регионы требуют самостоятельности // Независимая газета, 31.03.1994. С. 3). В сентябре в Павлодаре происходит собрание представителей 16 городов, выступающее с аналогичными требованиями (*Козлов С.* Российские казаки могут двинуться в поход // Независимая газета, 3.1.1994. С. 3). В октябре происходит таинственное похищение казацкого атамана Ф. Черепанова (*Козлов С.* Походному атаману удалось бежать // Независимая газета, 4.11.1994. С. 3). В ноябре полиция разгоняет марш казаков в Алма-Ате (*Козлов С.* Неудавшийся казацкий марш к столице Казахстана // Независимая газета, 29.11. 1994. С. 1).

[79] *Козлов С.* Президент одобрил новую концепцию поведения граждан // Независимая газета, 1.11.1994. С. 3.

[80] См.: *Козлов С.* Министр экономики отстранен от должности // Независимая газета, 20.07.1994. С. 3; Сын министра внутренних дел причастен к финансовым махинациям? // Независимая газета, 3.09.1994. С. 3; *Кияница В.* Министры – без портфелей // Московские новости, 28.09.1994.

[81] В. Розе говорит: «Произошла просто формальная перестановка... «людей президента», не более того». – *Козлов С.* Любое правительство, продолжающее нынешний курс, обречено // Независимая газета, 18.10.1994. С. 3.

[82] В интервью агентству «Токио симбун» в 1994 г. он даже сказал, что «...принятая в 1993 году Конституция, текст которой был подготовлен его (Назарбаева. – *Д.Ф.*) аппаратом, нарушает права 58% населения (не казахов. – *Д.Ф.*)». – См.: *Ертысбаев.* Указ. соч. С. 225.

[83] *Сулейменов О.* Все мы дети одних родителей (Интервью) // Казахстанская Правда, 18.06.1994. С.2.

[84] Во всяком случае в самом начале работы парламента в администрации президента дружественным президенту депутатам советовали не торопиться уходить с работы (см.: *Козлов С.* Оппозиция объединилась в «Республику» // Независимая газета, 2.04.2994. С. 3). С.Терещенко, уходя с поста, бросил зловещую фразу: «К сожалению, нынешнее разграничение функций между властями может привести к параличу исполнительной ветви» (*Козлов С.* Мы должны развязать президенту руки // Независимая газета, 14.10.1994. С. 3).

[85] Президент внес возражение на решение Конституционного суда // Казахстанская Правда, 10.03.1995. С. 1; *Козлов С.* Власть в Казахстане захромала на обе ноги // Независимая газета, 14.03.1995. С. 3.

[86] «Президент ... продемонстрировал своему народу... глубокое уважение к закону». –*Панина Ф.* Вокруг парламента, которого нет // Казахстанская Правда, 8.03.1995. С. 1, 3.

[87] См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 373. В книге, обращенной к западному читателю, – "My life, my times and the future", Назарбаев пишет: «Некоторые .. комментаторы расценили парламентский кризис как следствие моих попыток усилить личную власть. Но это было не так – я всего лишь подчинился решению Конституционного суда. Неужели следовало поступить наоборот – оказать давление на судей...? Но вот это, действительно, и было бы попранием демократии в лучших традициях тоталитаризма». – См.: *Ертысбаев Е.* Указ. соч. С. 375–376.

[88] Почему парламент признан нелигитимным? // Казахстанская Правда, 14.03.1995. С. 1.

[89] См.: *Козлов С.* Парламент не хочет уходить // Независимая газета, 16.03.1995. С. 2.

[90] Посол Казахстана в Москве Т. Мансуров на пресс-конференции выразил уверенность, что президент найдет общий язык с парламентской оппозицией, поскольку уже «работает комиссия по трудоустройству ...парламентариев». – *Минасян Л.* Президент следует Конституции // Независимая газета, 15.03. 1995. С. 2.

[91] *И.Л.* Сны Фемиды в покинутом доме // Казахстанская Правда, 8.03.1995. С. 3.

[92] Объяснения самого О. Сулейменова, что побудило его радикально изменить позиции, выглядят комически. Он говорит, что понял, что в 1996 г. власть менять нельзя, ибо в этом году произойдут выборы в США и России, и если еще и в Казахстане сменится власть, возникнет опасность полной дестабилизации и даже гражданской войны, как в Таджикистане. – См.: *Сулейменов О.* Смел тот, кто думает о последствиях. (Открытое письмо членам партии Народный Конгресс Казахстана. И не только) // Казахстанская Правда, 26.04. 1995. С. 1–2.

[93] «Известно, что пример референдума ... подал нам братский Узбекистан. Подхватит ли теперь эстафету Кыргызская республика?» (*Шугабаева Д.* На перекрестке мнений зарубежных дипломатов не обходится без регулировщика? // Казахстанская Правда, 27.04.1995. С.1). Братская Кыргызская республика эстафету подхватила.

[94] «О референдуме, если честно сказать, я не думал, пока сессия АНК об этом не заговорила. 29 выступающих подняли этот вопрос. Я просто поразился...» – Пришло время посоветоваться с народом. Как скажет народ, так и будет (Интервью Н. Назарбаева) // Казахстанская Правда, 14.04.1995. С. 1–2.

[95] *Козлов С.* Назарбаев начал подготовку к референдуму // Независимая газета, 4.04.1995. С. 2.

[96] О протестах руководства США см.: *Кияница В.* Диктат демократии // Московские новости, 12. 04.1995.

[97] Там же.

[98] Доклад Н.А. Назарбаева на сессии Верховного Совета РК о проекте Конституции РК // Казахстанская Правда, 2.06. 1992. С.1–2.

[99] Миссия, возложенная на нас временем. (Интервью Н.А. Назарбева) // Казахстанская Правда, 28.07.1993. С. 2.

[100] См.: Первый шаг к независимости. (Интервью Е. Асанбаева) // Казахстанская Правда, 7.10.1993. С. 2. Е.Асанбаев в этом интервью говорит о том, какую конституцию хорошо было бы иметь. Он мечтает о двухпалатном парламенте с сенатом, избираемым по два депутата от области коллегиями выборщиков, состоящими из депутатов местных советов, причем 10 человек должны назначаться президентом, и говорит о необходимости предоставления «каких-либо возможностей для главы государства по оказанию корректного... влияния на судебную власть». Эта желаемая конституция очень близка к той, которая была принята в 1995 г. Ясно, что основные идеи новой конституции проговаривались в ближайшем кругу Назарбаева задолго до событий конца 1994–1995 г.

[101] Мы считаем излишним в данном контексте останавливаться на таких вопросах, как неправый и антиконституционный характер всех этих действий, и говорить о множестве беззаконий, сопровождавших референдумы. Об этом см.: *Чеботарев А.* Руководству Казахстана основной закон не писан; *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001

[102] Конституции стран СНГ и Балтии. М.: Юрист, 1999. С. 212.

[103] Указ. соч. С. 216.

[104] Обиженный Асанбаев затем начинает выступать с либеральной критикой режима и в одном интервью очень верно объясняет причины ликвидации вице-президентства: «Институт... задуман для облегчения... перехода власти и как од-

но из препятствий на пути рождения режима личной власти». Этот институт – не для стран СНГ. – *Еженова К.* Свидетели. Алматы, 2001. С. 17.

105 В СНГ, где, кроме Молдовы, господствуют однотипные режимы «безальтернативных» президентов, между главами государств все время происходит некое «взаимное обучение». Разгон парламента Ельциным явно повлиял на разгон парламента Назарбаевым. В продлении полномочий на референдуме Назарбаев идет за Исламом Каримовым. Вполне возможно, что, в свою очередь, создание затем Назарбаевым верхней палаты, частично им самим назначаемой, послужило примером для Лукашенко.

106 См.: *Козлов С.* Предвыборная кампания началась // Независимая газета, 18.10.1995. С. 3; Назарбаев удовлетворен результатами выборов // Независимая газета, 8.12.1995. С. 3.

107 Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 15.11.1995. С. 3.

108 Инициативная группа возникает в марте 1996 г. 20 апреля состоялась учредительная конференция, где было избрано трое сопредседателей: Петр Своик, бывший председатель Антимонопольного комитета, изгнанный из правительства А.Кажегельдиным за постоянное оппонирование, и один из лидеров умершей СПК, бывший посол в Китае М. Ауэзов и известный ученый медик Т. Ширманов. – См.: Россия и мусульманский мир, 1997, №2. С. 86–87.

109 Е. Ертысбаев, ставший теперь помощником президента, говорит о программе «Азамата»: «...Демократизировать можно и нужно на базе эффективного экономического развития... В противном случае демократизация превратится в хаос». (Тем, кто сидит наверху, некогда раскачивать лодку. (Интервью Е. Ертысбаева) // Казахстанская Правда, 17.12.1996. С. 4). В 1993 г., будучи еще оппозиционером, Е. Ертысбаев полемизировал именно с этой точкой зрения (см. сноску 93).

110 Это не мешает властям ее потихоньку преследовать. – См.: *Козлов С.* Власти преследуют оппозицию // Независимая газета, 21.08.1996. С. 3; *Аубакиров Б.* Оппозиционное движение Азамат не пришлось ко двору // Сегодня, 12.09.1996. С.3.

111 Генпрокурор С. Шустов говорит: «Нередкими стали случаи проведения закрытых заседаний отдельных общественных организаций, где обсуждаются вопросы явно конституционного характера». – *Козлов С.* Государство устанавливает правовой произвол // Независимая газета, 17.04.1997. С. 3.

112 См.: *Козлов С.* Оппозицию вытесняют с эфира // Независимая газета, 26.1997. С. 3.

113 См.: *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001. С. 175.

114 *Баишев Ж.* Над властью и с народом // Казахстанская Правда, 29.08.1998. – В речах самого Назарбаева проявляется чисто монархическое понимание им своей власти: «Если у оппозиции есть позиция – это может только радовать президента. Моя цель – чтобы у нас были сильные оппозиционные партии и чтобы, споря между собой, они служили своему народу» (Независимая газета, 20.02.1993. С.1). Ясно, что Назарбаев видит в оппозиции не оппозицию се-

бе, а придворные партии, которые спорят не с ним, а друг с другом, и дают ему разные советы.

[115] *Аяганов Б.* Посттоталитаризм в Казахстане: возрождение демократических ценностей // Казахстан и мировое сообщество. Алматы, 1994. С.94.

[116] Казахстан не хотел бы входить в чьи-либо сферы влияния. (Интервью К.Токаева) // Независимая газета. 18.09. 1997. С. 3.

[117] Это – стихи поэта А. Тажибаева. Цит. по: *Оспанова А.* Нурсултан Назарбаев – выпуклое зеркало казахской демократии // Сегодня, 31.08. 1998. С. 2.

[118] *Ертысбаев Е.* Некоторые аспекты президентской избирательной кампании в Казахстане (октябрь–декабрь 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №1. С. 45.

[119] *Турысов К.* Некоторые «мысли вслух» по поводу оппозиции // Казахстанская Правда, 15.06.2002.

[120] Казахстанская Правда, 5.11.2002. С. 3.

[121] Казахстанская Правда, 17.10.2002. С. 1.

[122] *Козлов С.* Сенсационное заявление Нурсултана Назарбаева // Независимая газета, 7.05.1996. С. 3.

[123] Россия могла бы стать стержнем содружества, но не стала. (Интервью Н. Назарбаева) // Независимая газета, 16.01.1997. С. 1–3.

[124] См.: *Аубакиров Б.* Новый парламент начал работу // Сегодня, 1.02. 1996. С. 7.

[125] *Константинов Ю.* Казахстан первый преодолел пик реформ // Независимая газета, 6.05.1997. С. 5.

[126] Впоследствии правительство Казахстана признало наличие тайного миллиардного фонда, возникшего за счет средств, полученных от продажи нефтяных месторождений (все сделки такого рода были окружены тайной), о существовании которого не знали ни парламент, ни общественность, которым распоряжался президент и который расходовался лишь на чрезвычайные нужды. Вполне возможно, что цель такого фонда была именно такая и не связанная с личным обогащением. Но очевидно, что никакой ясной грани между государственными и личными президентскими деньгами в системе, в которой возможны такие фонды, быть не могло.

[127] Одно из обвинений, которые предъявляются Назарбаеву в ходе теперешних расследований «отмывания денег» на Западе, – то, что за обучение его дочерей в престижных западных учебных заведениях платили нефтяные компании. Но Назарбаев – представитель советской элиты, для которой нормальны бесплатное обучение детей и прием в престижные заведения по блату, когда даже никаких звонков не требовалось, все делалось само собой. То, что о его детях позаботились, могло восприниматься им не как взятка и подкуп, а как что-то естественное, само собой разумеющееся. Не из своей же зарплаты платить за обучение детей!

[128] «Казахгейт» возник в 1999 г. и, возможно, его случайно спровоцировали сами казахстанские спецслужбы. Ища заграничные счета бывшего премьера А. Кажегельдина, они обратились к помощи швейцарских властей. Выполняя поручение, швейцарцы натолкнулись на счета самого Назарбаева и его дочерей.

Счета были «заморожены». (См.: *Гуляев А.* Новый скандал со «швейцарскими счетами» // Известия, 26.10. 1999. С. 4). Далее маховик начал раскручиваться.

В апреле 2003 г. по обвинению в подкупе высших должностных лиц Казахстана в США при попытке вылететь в Казахстан был арестован ближайший советник Назарбаева американец Джеймс Гиффен, обвиняемый в посредничестве при получении руководителями Казахстана взяток от американских компаний (Assandi-Times, 4.04. 2003. С. 1). Текст показаний в суде спецагента ФБР, на основании которых был получен ордер на арест Гиффена, был опубликован на сайте Eurasia.org.ru и перепечатан в кыргызских газетах (Соучастники Гиффена – Нурсултан Назарбаев и Нурлан Балгимбаев // Моя столица, 15.04.2003. С. 6; Общественный рейтинг, 10.04.2003. С. 20–21). Арестованный Гиффен позже требовал своего освобождения от ответственности за дачу взяток, поскольку в Казахстане это – не преступление, а «манера, в которой привыкли действовать Н. Назарбаев, Н.Балгимбаев и другие высокопоставленные казахстанские чиновники» (Assandi-Times, 9.07. 2004. С. 3).

Появились и другие, «параллельные» разоблачения. В 2001 г. южнокорейский магнат Чой Сун Ян показал, что передал Назарбаеву 10 млн. долларов для облегчения условий своего бизнеса в Казахстане. – Московские новости, 13.11. 2001.

Когда разные слухи о тайных счетах Назарбаева, несмотря на все попытки властей пресечь их, достигли громадного распространения, премьер-министр И. Тасмагамбетов сделал в парламенте заявление, что ни собственности, ни счетов Назарбаев за границей не имеет. Но кто-то специально, чтобы опорочить его, сделал такие счета на его имя (см.: Деловая неделя, 5.04.2002. С. 1). По другим сообщениям, был найден и этот «кто-то» – тогдашний премьер Н.Балгимбаев, который должен будет показать, что взятки через Гиффена брал только он, а Гиффену говорил, что передает их далее Назарбаеву, и что это он открыл счета на имя Назарбаева и его дочерей без их ведома (см.: *Абилов М.* Дело Гиффена – внутреннее дело США // Assandi-Times, 6.06.2003. С. 1–3). Процесс по делу Гиффена должен начаться в октябре 2004 г.

[129] Противники Назарбаева утверждают, что он входит в десятку самых богатых людей мира, но это вполне может быть преувеличением. – См.: *Олкотт М.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 110.

[130] О семье Назарбаева см.: Казахи с киргизами развелись // Эхо (Азербайджан), 2.07.2002. С. 5.

[131] Как ответ на вопрос «Какую роль играют кровно-родственные связи в формировании структур исполнительной власти?» определение – «первостепенную» выбрали 58,4% опрошенных казахстанцев, «незначительную» – 12,6%, «никакой роли» – 7,3%. –*Дунаев В.* Конфликтующие структуры казахстанской модели межэтнической интеграции // ЦАИК, 1999, №5(6). С. 16.

В позднесоветскую эпоху занятие высоких постов близкими родственниками руководителей страны было характерно и для России. Но все же в России вряд ли было возможно, чтобы брат генсека был президентом Академии наук. В Казахстане президентом АН был брат Д. Кунаева А. Кунаев.

[132] Важнейшие посты в кабинетах министров и администрации президента занимали его родственники и тоже выходцы из Чемолгана – А. Есимов (его

функцией было, очевидно, «приглядывание» за премьерами) и Н. Абыкаев, одно время председатель Комитета национальной безопасности, затем – глава президентской администрации, а сейчас – председатель сената, и тоже родственник президента С. Турсунов. Родственник жены президента Сары Назарбаевой С. Абишев был первым министром экономических связей Казахстана. – См.: *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 217.

[133] О роли жузов см.: *Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество; *Амрекулов Н.* Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 2000, №3. С. 141.

Вопрос о роли племенных и жузовых связей и лояльностей – очень сложный. Приближение начальником «своих» – нормальная черта любой властной бюрократической структуры. В России сейчас, например, Путин окружил себя выходцами из Петербурга. Возникает вопрос: чем это принципиально отличается от «чемолганизации»? Наверное, отличия все же есть. В карьерах «питерских» главную роль, очевидно, играет знакомство с президентом, выходцем из Петербурга, и зависимость от него в карьере, но не факт принадлежности к «племени», который сам по себе создавал бы солидарность и лояльность. Но все это требует дальнейшего изучения.

[134] А. Машкевич играет для Назарбаева очень большую роль в создании благоприятного имиджа на Западе. Он – видный еврейский деятель, глава Евро-Азиатского еврейского конгресса. А. Машкевич и Назарбаев организовывали встречи раввинов и мусульманского духовенства Казахстана, о чем американская газета «Форвертс» писала: «Благополучная жизнь евреев Казахстана вызвала широкий резонанс среди их соплеменников за рубежом... Далеко не в каждой стране исламского мира верховный муфтий встречается с главным раввином Израиля...». – Ислам – иудаизм: прорыв на главном направлении // Ленинская смена – Экспресс К, 5.11.2002. С. 3.

[135] *Амрекулов Н.* Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 2000, №3. С. 141.

Идея Амрекулова об «этнической нелигитимности» как факторе, способствующем приближению Назарбаевым неказахских бизнесменов, очень интересна. Возможно, схожие причины объясняют и покровительство Ельцина еврейским олигархам. Черномырдин мог внушать Ельцину тревогу, вроде той, которую внушал Назарбаеву Кажегельдин.

[136] Так, под разными предлогами власть не позволила известной казахстанской компании «Бутя» (название – от детского прозвища ее владельца Булата Абилова) завладеть Карагандинским металлургическим комбинатом, переданным западной компании. – См.: *Кияница В.* Битва гигантов на поле чудес. МН-бизнес // Московские новости, 5.07.1995; *Козлов С.* Правительство просчиталось // Независимая газета, 21.10.1995. С. 3.

[137] Петр Своик, известный казахстанский оппозиционер, следующим образом характеризует социальную пирамиду Казахстана. Наверху – 50 семей, которые владеют Казахстаном. Под ними – 5000 клиентов (депутаты, министры и т. д.). Под ними – 25000 клиентов этих клиентов. Еще 500000 человек с прилич-

ной зарплатой, остальные – бедняки. (*Своик П.* Мы – конструктивная оппозиция // Время, 31.01.2002. С.11). Если в конце советской эпохи доходы 10% самых богатых превышали доходы 10% самых бедных казахстанцев в 4 раза, то в 1998 г. 10% самых богатых получали 27% национального дохода, а 10% самых бедных – 2,3%, то есть разрыв был более чем в 11 раз (см.: *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 257).

138 *Ауэзов Мурат.* За все придется отвечать (интервью) // Время, 11.07.2002. С. 12–13.

139 С. Терещенко так объясняет происхождение своих богатств: «...за счет связей, за счет друзей. Был у президента такой советник – Александр Александрович Москович. Он дал кредит – миллион долларов.. и мы начали раскручиваться по продаже зерна. Да, да, то самое – купи-продай...». – Время, 22.08.2002. С. 10–11.

140 См.: *Варфоломеев М.* «Хороший, плохой, злой» (нужное подчеркнуть) // Караван,13.06.2003. С. 3.

141 См.: *Козлов С.* Переприватизация в Караганде // Независимая газета, 18.11.1997.

142 Вот замечательное место из выступления Назарбаева на объединенном заседании обеих палат парламента в сентябре 1996 г.: «Ну, вы понимаете. Такие вот хаосные периоды... проходили все. Все понимают, что семья Кеннеди первичные деньги заработала на спекуляции винно-водочными изделиями, когда в США был сухой закон». Конечно, бороться с экономическими преступлениями надо. «Вот, например, на Западе есть право спецслужбам задерживать и не выпускать любого во имя высших интересов нации». – *Козлов С.* Назарбаев предостерегает депутатов // Независимая газета, 3.09.1996.

143 Казахстанская Правда, 23.07.1991. С. 1–2.

144 Опрос в феврале 1996 г. 1000 респондентов в городах Казахстана дал следующие результаты. На вопрос «Кем, по вашему мнению, был раньше наиболее типичный представитель крупного казахстанского бизнеса?» 47,6% ответили – высокопоставленным чиновником или партработником, 15,3% – директором предприятия, 12,5 % – представителем теневой экономики, 7,3% – вором в законе, 2,9% – комсомольским работником, 2 – ученым... На вопрос «Какие средства легли в основу стартового капитала постсоветских «крезов»?» 42,4% ответили – банковские кредиты, 18,6% – деньги родителей, 5,2% – личные сбережения. – Караван, 23.02.1996. С. 2.

145 В этом отношении очень интересна судьба В. Ануфриева, бывшего второго секретаря ЦК КП Казахстана, коммунистического «реакционера», поддержавшего ГКЧП. Теоретически этот человек должен был бы стать противником нового режима. Но вместо этого он становится одним из директоров крупнейшего КРАМДС-банка. – См.: *Ардаев В.* Осколки лопнувшего банка долетели из Алма-Аты до Москвы и других столиц // Известия, 17.10.1996. С. 5.

146 См.: *Жуков Станислав.* Центральная Азия – развитие, детерминированное глобализацией // Центральная Азия и Кавказ. Насущные проблемы / Под ред. Бориса Румера. Алматы, 2002. С. 128.

147 *Есентугелов А.* Дуализм в развитии экономики Казахстана: структурно-

инвестиционные аспекты ее модернизации // Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы / Под ред. Бориса Румера. Алматы, 2003. С. 168.

[148] «...Старая столица «зажата» не только горами. Она зажата старыми мировоззренческими путами». – С новой столицей – в новое тысячелетие. (Интервью Н.Назарбаева) // Независимая газета, 9.06.1998. С. 1–5.

[149] См.: *Кенжеев Н.* С такими друзьями и врагов не надо // Assandi-Times, 16.01.2004. С. 1.

[150] Впоследствии возникли слухи, что Алия во время своей учебы в США пристрастилась к наркотикам – трагедия многих подобных семей новых «аристократов» (см.: Эхо (Азербайджан), 2. 07. 2002. С. 5). Казахи с киргизами развелись.

[151] *Шерматова С.* Центральная Азия допустила брак // Московские новости, 21.07.1998. Хотя в этой статье нет ничего, кроме описания события, и нет даже намека на какие-то негативные чувства или мысли, за ее перепечатку была по решению суда закрыта на два месяца актюбинская газета «Диапазон». Очевидно, власть испугало само описание «ханского счастья», способного вызвать зависть у простых людей. – См.: *Успенский С.* Запрет на два месяца // Независимая газета, 9.06. 1999. С. 5.

[152] Пришло время вновь посоветоваться с народом. Как скажет народ, так и будет. (Интервью Н. Назарбаева) // Казахстанская Правда, 6, 14.04.1995. С. 1.

[153] *Назарбаев Н.* Казахстан неизбежно станет процветающей страной // Известия, 4. 06.1998. С. 1.

[154] *Коваленко О.* К новой экономической политике на основе демократизации политической реформы // Казахстанская Правда, 1. 10.1998. С. 1, 3; *Козлов С.* Мой народ выстрадал свободу // Независимая газета, 2.10.1998. С. 1–5. Некоторые наиболее «ретивые» депутаты требовали даже введения прямого президентского правления. Но президент сказал: «Авторитаризм – это путь в никуда».

[155] *Коваленко О.* Н.Назарбаев: «Парламент посадил «дерево» либеральной реформы» // Казахстанская Правда, 13.10.1998. С. 2.

[156] Так, известный казахстанский журналист С. Матаев говорит в интервью: «У нас все повторяется после России с опозданием в 1–2 года» (*Есенова К.* Свидетели. Алматы, 2001. С. 224). Реально, наоборот, казахстанские конфликты второй половины 90-х гг. повторялись в России через несколько лет.

[157] Механизм отбора у «олигархов» богатств с помощью законов, о которых власть ранее «забывала» и нарушения которых «не замечала», а затем, при проявлении олигархами оппозиционности, «вспомнила» и «заметила», потом будет многократно применяться и в Казахстане, и в России. Сергей Терещенко, человек, очевидно, простодушный, так описывает эту ситуацию: «...Меня тысячу раз проверяли... Ничего нет, но если б хотели найти, нашли бы». – См.: *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 96.

[158] Известный казахстанский оппозиционный историк и социолог Н. Масанов писал в 1998 г.: «Власти откровенно переменили свое отношение к нарождающейся национальной буржуазии, увидев в ней серьезную силу и амбициозные претензии... В итоге национальная буржуазия ... умерла, не успев народиться» (*Масанов Н.* Политическая и экономическая элита Казахстана // Центральная

Азия и Кавказ, 1998, №1. С. 88). Последнее утверждение Н. Масанова, как показали дальнейшие события, все же было преувеличением.

159 Совершенно невозможно сказать, насколько такая политика сознательна и насколько бессознательна. Человек может совершенно искренне думать, что покровительствует своим родственникам не потому, что они родственники, а потому, что «так уж получилось», что родственники у него – очень умные и толковые.

160 Н. Масанов рассказывает об очень показательном эпизоде – как в 1994 г. академики, в основном представители Среднего жуза, не дали Назарбаеву сделать президентом Академии наук его выдвиженца из Старшего жуза (*Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество. С. 55). Вот другой пример. В казахстанские газеты попал список кандидатов в Казахскую академию образования, сделанный ее президентом для своего пользования. В этом списке – графа о жузе. Из 19 кандидатов представителей Среднего жуза – 9, Младшего – 7, Старшего – 3. Журналист, сообщающий об этом списке, пишет: «Догадайтесь, из какого жуза президент» (*Козлов С.* Казахстан – клановое государство // Независимая газета, 1. 07.1999. С. 5).

161 См.: *Козлов С.* Алма-Ата получила валюты гораздо меньше, чем ей было обещано // Независимая газета, 8.02.1994. С. 3.

162 Деятельности А. Кажегельдина посвящена книга: *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. Книга очень информативная, хотя, несомненно, написана по заказу президентской администрации с целью разоблачить Кажегельдина как коррупционера.

163 Представляя его парламенту, Назарбаев сказал, что Кажегельдин «показал себя человеком рыночным». – *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 48.

164 *Выжутович В.* Салям, инвесторы // Известия, 3.07.1997. С. 4.

165 «Он свернул ваучерную приватизацию, которая должна была стать «трамплином в космос» для национальной буржуазии, и перевел стрелки приватизации в сферу привлечения иностранных инвестиций». – *Масанов Н.* Политическая и экономическая элита Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 1998, №1. С. 86.

166 За несколько дней до отставки премьера, когда было очевидно, что дни его правительства сочтены, сопредседатели оппозиционного движения «Азамат» П. Своик, М. Ауэзов и Г. Абильсиитов обратились к Назарбаеву с открытым письмом, в котором Кажегельдина ругали на чем свет стоит («На высоком посту руководителя правительства у господина Кажегельдина в полной мере проявились присущие ему качества мелкого вороватого лавочника» и т.д.). Письмо заканчивалось словами: «Мы обращаемся к Вам... с общественным ходатайством об освобождении господина Кажегельдина от обязанностей премьер-министра ... и проведении объективного расследования его деятельности, включая возможные злоупотребления, личную корысть и превышение власти». (*Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: привати-

зация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 197–198). Очень скоро подписавшие письмо окажутся в одном политическом блоке с Кажегельдиным.

[167] *Ардаев В.* Казахстан может стать «центральноазиатским барсом» // Известия, 16.10.1997. С. 3.

[168] Г. Жакиянов, позже ставший лидером и символом демократической оппозиции, а тогда – любимец Н.Назарбаева, говорит в интервью про правительство Кажегельдина (после его отставки) : «Оно сосредоточило в своих руках всю власть, подавляло инициативу на местах, подбирало кадры по принципу личной преданности». – *Жакиянов Г.* Для меня дороги понятия «долг, честь, совесть». (Интервью) // Казахстанская Правда, 28.07.1998. С. 5.

[169] *Ардаев В.* Нурсултан Назарбаев одним решением достиг двух целей // Известия, 11. 10.1997.

Назарбаев извлек из опыта с Кажегельдиным урок. После отставки Кажегельдина он стал быстро менять премьеров, не допуская, чтобы они слишком окрепли и «пустили корни». Если с 1991 по 1997 г. в Казахстане сменилось только два премьера – Терещенко и Кажегельдин, то с 1997 по 2003 – четыре (Балгимбаев, Токаев, Тасмагамбетов и Ахметов).

[170] См.: *Ардаев В.* Казахстанский премьер «пропал» // Известия, 1.10.1997. С.1–2.

[171] *Терещенко С.* Не могу молчать // Ленинская смена – Экспресс К, 24.10.2002. С. 1–3.

[172] *Шпак В.* Остров стабильности // Сегодня, 23.07. 1997. С. 3. Статья явно провокационная. Может быть, она инспирирована пустившимся «во все тяжкие» Кажегельдиным, а может быть, даже и его врагами.

[173] *Рамазанова Б.* А. Кажегельдин: «Я не лягу на дно, как подводная лодка» // Казахстанская Правда, 2.07.1997. С. 2.

[174] *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 457–458.

[175] «Только если возникнет угроза либеральной модернизации общества – вот тогда я обязательно буду участвовать... Но вообще-то я профессиональный экономист, и большая политика меня мало влечет». – *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 191.

[176] «Если мэра выбирают, то он будет смотреть на предпринимателя как на любимую свеклу в любимом огороде» (*Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва; 2001. С. 103). Как пример прекрасных результатов, к которым приводит выборность мэров, Кажегельдин постоянно приводит Лужкова.

[177] См.: *Ертысбаев Е.* Некоторые аспекты президентской избирательной кампании в Казахстане (октябрь – декабрь 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №1(2). С. 48.

[178] *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 104–105.

[179] Там же. С. 251.

[180] «Предавая русских, мы предаем своих предков, их выбор и их память. Мы

предаем свое прошлое и вредим будущему наших детей». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 137.

[181] Кажегельдин говорит полушутя-полусерьезно, что когда расправятся с русскими, примутся за Средний и Младший жузы, и вспоминает анекдот о старом армянине, который, умирая, завещал: «Берегите евреев». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 138–140.

[182] Петр Своик говорит: «... вся та демократическая риторика, которой он сейчас в совершенстве владеет, я думаю, не только от его ума и прагматизма, но еще немножко от души» (*Есенова К.* Свидетели. Алматы, 2001. С. 99). Моральные проблемы, возникшие у «интеллигентского» оппозиционера Своика, вдобавок выгнанного Кажегельдиным с министерского поста, при переходе Кажегельдина в демократическую оппозицию совершенно аналогичны проблемам, возникшим у российских оппозиционеров-демократов в связи с переходом в оппозицию Березовского и Ходорковского. Далее Своик говорит, что Кажегельдин – «...один из тех, кто показал, что надо воровать, можно воровать, чем быстрее и наглее, тем лучше.... Но то, что он сейчас делает, это, безусловно, положительно для Казахстана» (Указ. соч. С. 101).

[183] Между прочим, дочь Кажегельдина Диана замужем за итальянским графом, которого зовут Карло Баталья.

[184] А. Кажегельдин говорит в своем интервью российской газете «Сегодня»: «По понятным причинам я прямо не назову тех, кто поддерживает меня финансово. Могу сказать, что часть тех, кто помогает действующему президенту, на всякий случай готова помочь и мне. Кроме того, есть и другие, кто стоит за ними. У одних политический интерес. У других – чисто экономический». – *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 431.

[185] Если стараться найти российские аналоги разным казахстанским фигурам, то Е. Ертысбаева можно сопоставить с Г. Павловским. Но Ертысбаев интеллектуально значительно интереснее своего российского аналога, и за ним не тянется шлейф скандалов, связанных с изготовлением всяких фальшивок.

[186] *Ертысбаев Е.* Некоторые аспекты президентской избирательной кампании в Казахстане (октябрь – декабрь 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №1(2). С. 49.

[187] Президенты стран СНГ, сталкивающиеся со схожими вызовами со стороны оппозиций и боящиеся воздействия на их страны «дурных примеров», естественно, стремятся поддерживать друг друга. Отношения Ельцина, «разрушителя» СССР, и Назарбаева никогда не были идеальными. Тем не менее Назарбаев перед российскими выборами 1996 г. специально выразил пожелание победы Ельцину. – *Константинова Н.* Восточные визиты президента // Независимая газета, 30.04. 1996. С. 1, 2.

[188] *Козлов С.* Исчезают политические противники президента // Независимая газета, 23.09.1998; *Рубцов А.* Оглушительная победа с потерей лица // Московские новости, 24.11.1998.

[189] Заявление пресс-секретаря Президента Республики Казахстан // Казахстанская Правда, 7.11. 1998. С. 1.

[190] Там же.

[191] См.: Верховный суд Казахстана не прислушался к президенту // Известия,

26.11.1998. С. 3; *Пригода В.* Нурсултан Назарбаев может не волноваться // Известия, 1.12.1998. С. 2.

[192] Другой потенциальный кандидат либеральной оппозиции, посол в Турции Б. Турсамбаев был срочно назначен Назарбаевым вице-премьером и на время об оппозиционности забыл. – См.: *Сулейменов Н., Ашимбаев Д., Андреев В.* Казахстан 90-х. Правительство Кажегельдина: приватизация, коррупция, коррупция и борьба за власть. Алматы, 2003. С. 253.

[193] Во время одного телевыступления он кинул вазой в оскорбившего его журналиста В другой раз, также в передаче по телевидению, демонстрируя свои силу и мужество, он раздавил рукой стеклянный стакан, так что осколки впились в руку.

[194] Г. Касымов выдвинул программу на 7 лет: в 1999 г. – покончить с нищетой, болезнями, преступностью, в 2000 – поднять сельское хозяйство, 2001 – достичь экономической стабилизации, 2002 – дать социальные гарантии, 2003 – обеспечить радикальный подъем экономики, 2004 – покончить с безработицей, 2005 – выйти на мировой уровень и 2006 – войти в число развитых стран. – См.: *Касымов Г.* Власть необходимо подчинить народу // Независимая газета, 26.12.1998.

Как полагают казахстанские политологи, Г. Касымов, действительно, был «раскручен» организовывавшими выборы помощниками Назарбаева для того, чтобы он выполнил роль Жириновского – оттянул на себя какую-то часть протестного электората, которая в противном случае могла бы перейти к более опасным соперникам. «Накануне ... выборов политическая элита республики предприняла попытку перенести на местную почву институт шута, использовав предвыборный образ Г. Касымова, который и критикует, и поддерживает правящую элиту» (*Майлыбаев Б.* Право народа на сопротивление угнетению и оппозиционную деятельность в свете традиций русских и казахов // Центральная Азия и Кавказ, 2001, №4(16). С. 46). Но, в отличие от Жириновского, Касымова использовали «без его ведома», он быстро вышел из-под контроля и в дальнейшем примкнул к общедемократической оппозиции.

[195] См. образец такой агитации: *Третьяков Виталий.* Какой президент нужен Казахстану и какой президент Казахстана нужен России // Независимая газета, 18.12.1998. Статья кончается словами: «... Именно с назарбаевским Казахстаном у нас есть реальные перспективы на создание прочного, прочнейшего, по сути безграничного Союза».

[196] См.: *Григорян М.* Альтернативные, но не демократические выборы // Центральная Азия и Кавказ, 1999, №2(3); *Абазов Р.* Президентские выборы в Казахстане: до и после // Полис, 1999, №3.

[197] Один из публицистов, служащих режиму Назарбаева, позже так обобщит общий и для Казахстана, и для России опыт борьбы власти с олигархами : «История приватизации тем и примечательна, что у каждого есть... «скелет в шкафу» – и неотъемлемое право государства ... по мере необходимости эти «скелеты» оттуда извлекать». – *Ашимбаев Данияр.* Олигархия и демократия // Казахстанская Правда, 14.11. 2003. С. 3.

[198] «Окно в Европу» А. Кажегельдина обошлось родному государству в миллионы кровных. – См.: Казахстанская Правда, 23.04.1999. С. 1.

[199] *Нурпеисова Г.* Очередной скандал в РНПК // Казахстанская Правда 9.09.1999. С. 1, 2.

[200] На первом съезде «Отан» партбилет №1 был вручен Назарбаеву, который был единогласно избран председателем партии. Но поскольку по конституции президент не может состоять в партии, он тут же написал заявление о приостановке своего членства и передаче полномочий С. Терещенко. – Партия Отан будет поддерживать проводимые в стране реформы // Казахстанская Правда, 2.03.1999. С. 1–2.

[201] *Махин В.* «Отан»: экзамен на зрелость // Казахстанская Правда, 19.08.1999. С. 2.

[202] В России примерно в это же время также идет работа над созданием пропрезидентской партии. Но здесь все проще и грубее. Если в Казахстане создается пропрезидентская псевдомногопартийность, в которой есть и некоторые элементы многопартийности реальной – за тремя казахстанскими пропрезидентскими партиями стоят разные «кланы» элиты, они все-таки имеют какое-то социальное лицо и между ними затем возникали разногласия, то в России создаются чисто чиновнические и абсолютно лишенные лица «Единство» и затем «Единая Россия».

[203] См.: *Воркунова О.* Парламентские выборы в Казахстане // Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья. М.: ИМЭМО, ноябрь 1999.

[204] Казахстанская Правда, 12.10.1999. С. 1.

[205] *Кузьменко Б.* На краю политической арены // Время МН, 21.09.2002. С. 4.

[206] См.: Описание встречи с Рахатом, требовавшим для себя доли в «Туран Алем» банке в мемуарах: *Аблязов М.* Холодная весна 2000 года // Assandi-Times, 29.11.2002. С. 5.

[207] См.: *Адилов М.* Что не учитывает американское правосудие // Экономика.Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 27.09. 2002. С. 1.

[208] Вряд ли имеет смысл пытаться на основании слухов распутывать сложнейший клубок казахстанских придворных интриг, «тайны алмаатинско-астанийского двора». Но для характеристики стиля казахстанской политики стоит указать, что Марат Тажин считается близким другом другого зятя Назарбаева – Тимура Кулибаева. – См.: *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашингтон, 2003. С. 261.

[209] Е.Ертысбаев говорит: «Они подумали, что, свалив Рахата Алиева, надо еще поднажать, профинансировать левую оппозицию, связаться с американскими конгрессменами, Кажегельдиным и компанией, осуществить прямые эфиры «съездов демократической общественности» и т.д. и т.п. – и если не устранить президента, то, изменив Конституцию, превратить его в английскую королеву». – Прямой путь – не всегда самый короткий. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 8.08.2002. С. 12–13.

[210] Павлодарским акимом он стал в конце 1997 г. До этого недолгое время он был председателем Агентства по контролю за стратегическими ресурсами, а до этого – семипалатинским акимом. Назарбаев часто перемещал акимов из области в область, чтобы они не слишком «укоренялись».

[211] См.: *Козлов С.* Младотурки рвутся к власти // Независимая газета, 21.11.2001. С. 5. Различные материалы СМИ, посвященные ДВК и возникшему с

его созданием политическому кризису, собраны в книге: Казахстан 2001–2002. Политический кризис. Факты и документы / Сост. С. Маркелов и О. Петровский. Новосибирск, 2002.

[212] «... Это толковые, совестливые ребята, но они же в целом ... – плоть от плоти нынешней власти и тех же самых олигархов». – Беседа с Б. Турсунбаевым // Деловая неделя, 25.01.2002. С. 1–2.

[213] Е. Ертысбаев вспоминает: «Я помню сцену на одном из банкетов ... в середине 90-х годов. Президент подошел к столу, где сидели бизнесмены (Булат Абилов, Еркин Калиев, Мухтар Аблязов и др.). Все встали. Глава государства проникновенно и доверительно сказал им: «Вы – моя гордость, надежда и опора». – Прямой путь – не всегда самый короткий. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 8.08.2002. С. 12–13.

Назарбаев гордился тем, что дает дорогу молодым, часто говорил об этом и упоминал Жакиянова: «Самый молодой глава администрации у нас – в Семипалатинской области, ему 31». (Назарбаев – человек, решивший снять с Евразии пояс невинности. (Интервью Н.Назарбаева) // Россия, 18–24.10.1995). Жена Назарбаева Сара гордилась тем, что увлекла жену Жакиянова – Карлыгаш в учение Порфирия Иванова, и в интервью восхищалась ее фигурой. – Дышите спокойствием и любовью. (Интервью С.Назарбаевой) // Жума (Пятница). 20.10.1995. С. 2.

В какой-то мере отношение Назарбаева к Жакиянову можно даже сравнить с отношением Ельцина к Б. Немцову, а затем к С. Кириенко.

[214] Г. Касымов так характеризует этих людей: «... Они тешили себя мыслью, что дипломы престижных европейских университетов, «английский в совершенстве» и свободное цитирование столпов западной теории рынка позволят им добиться успеха во власти, как еще недавно – в бизнесе... Очень скоро они осознали: все это бесполезно, если не владеешь в совершенстве приемами аппаратной борьбы под ковром». – Даже у правой руки бывают левые дела. (Интервью Г.Касымова) // Время, 25.04. 2002. С. 12–13.

[215] Ход перемен уже не остановить (Интервью М. Ауэзова) // Экономика. Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 19.07.2002. С.1 и 5. А. Кожахметов так характеризует Кажегельдина, Жакиянова и Аблязова: «Думаю, что по уровню образования, по уровню компетенции ...Кажегельдин посильнее. Но по уровню нравственности, по силе духа сильнее Мухтар и Галымжан. (Мухтар Аблязов и Галымжан Жакиянов. – *Д.Ф.*)». – Стыдно быть богатым. (Интервью с А. Кожахметовым) // Assandi-Times, 4.04. 2003. С. 5.

[216] Пора менять всю систему. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 18.04.2002. С. 12–13.

[217] Там же.

[218] Заявление о создании ДВК подписали, наряду с М. Аблязовым и Г. Жакияновым, У. Джандозов, заместитель премьер-министра, Н. Субхарбердин, председатель правления крупнейшего Казкоммерцбанка, артист А. Ашимов, Т. Тохтасынов, председатель совета директоров горнорудной компании АЛЕЛ и депутат, Б. Абилов, молодой мультимиллионер и депутат мажилиса от президентской партии «Отан» (после вступления в ДВК он был лишен своей фракцией мандата), Ж. Ертлесова, заместитель министра обороны, А. Байменов, министр труда и социальной защиты населения, Г. Амрин, заместитель секретаря Совета безопас-

ности, К. Келимбетов, первый заместитель министра финансов, Т. Альжанов, председатель комитета по инвестициям МИД, З. Батталова, сенатор, Н. Смагулов, президент Казпродкорпорации, Е. Татишев, председатель правления ОАО «Банк Туран Алем».

Среди поддержавших ДВК – министр государственных доходов и руководитель таможенной службы З. Какимжанов (о нем см.: *Степанова К.* Астана продолжает «священную борьбу с коррупцией» // Независимая газета, 16.04.2003. С. 6), бывший главой антимонопольного ведомства Б. Имашев, посол Казахстана в Москве, бывший министр печати А. Сарсенбаев, который заявляет: «Я поддерживаю «Ак жол» и не скрываю, что ее создали мои коллеги, друзья и единомышленники... Более того, от вступления в эту партию меня удерживает лишь дипломатическая миссия. Но ребята знают, что я с ними» (*Сарсенбаев А.* Астана – Москва. (Интервью) // Время, 7.02.2002. С. 13). Позже он ушел со своего поста и стал активным деятелем партии «Ак жол».

219 Как молоды мы были, как верили в себя... // Экономика. Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 5.07.2002. С. 1.

220 Дарига Назарбаева в своем интервью «Московским новостям» говорит об аналогиях: «Ситуация повторяет ту, что была в России 3–4 года назад. Олигархи, группы по интересам – они группируются вокруг банков – Казкоммерцбанк, Народный банк, Туран Алем-банк... В этой политической возне разменной картой стала наша оппозиция, которую используют для шантажа власти» (Восток и Запад глазами женщины. (Интервью с Д. Назарбаевой) // Московские новости, 26.02.2002). Но Д. Назарбаева забывает о Кажегельдине и не могла в это время предвидеть «бунт» Ходорковского.

221 Оживившийся с созданием ДВК Кажегельдин в это время излучает оптимизм совершенно в духе Березовского: «Свой пятидесятый день рождения мне еще придется встречать за границей. Но уже следующий день рождения встречу на родине». – Он вернется? // Время, 27.03. 2002. С. 2).

222 Защита Жакиянова. (Интервью) // Время, 14.03. 2002. С. 12.

223 *Ертысбаев Е.* Прямой путь – не всегда самый короткий // Время, 8.08.2002. С. 12–13.

224 Пора менять всю систему. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 18.04.2002. С. 12–13.

225 *Ергалиева Гульжан.* Сказать – и умереть // Assandi-Times, 17.01.2003. С. 7.

226 *Ким М.* Демократический взрыв // Деловая неделя, 25.01.2002. С. 1–2; *Карнаухов А.* Демократия рождается под куполом цирка? // Московские новости, 29.01.2002.

227 Там же.

228 См.: *Ержанова Л.* Движение в сторону // Ленинская смена – Экспресс К, 14.02.2002. С. 1.

229 Вредители напали на поля, враги народа голову подняли // Караван, 24.04.2002. С. 4–5.

230 Ученые Казахстанского гуманитарно-юридического университета выступили даже с целым научным заключением, в котором говорилось, что идея выборности акимов посягает на конституционные прерогативы президента и что «демократия – не самоцель, а постоянный всеобъемлющий социальный про-

цесс, который имеет свои законы и правила». – Не стоит верить псевдодемократам // Казахстанская Правда, 5.02.2002. С. 1–4.

[231] Так, пропрезидентские партии организуют митинг в Алматы под лозунгами «Не дадим шельмовать президента!» и «Казахстан – един и неделим на отдельные княжества акимов». – Кто раскачивает лодку? // Казахстанская Правда, 5.02. 2002. С. 1–4.

[232] Некоторые аргументы по своей «курьезности» заслуживают упоминания. Так, лидеры казаков проводят пресс-конференцию против ДВК, где говорят, что в России именно выборность акимов привела к войне в Чечне (Панорама, 25.01.2002. С.4). Депутат М. Трошинин говорит: «Именно идея всеобщей выборности, а значит – коллективной безответственности и стала, пожалуй, одной из главных причин развала некогда могучего и незыблемого СССР» (*Трошинин М.* Обойдемся без митинговщины // Казахстанская Правда, 29.01. 2002. С. 1–3).

[233] Характерны сами названия этих статей: «Эволюционный держите шаг» и «Торопись, не спеша». – См.: *Адилов М.* Гниет с головы, а чистят с хвоста // Assandi-Times,14.02. 2003. С. 1–5.

[234] *Назарбаев Н.* Демократия – не набор данных Богом заповедей // Независимая газета, 28.12. 2001.

[235] *Назарбаев Н.* Об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2003 год // Казахстанская Правда, 30.04. 2002. С.1–2.

[236] *Назарбаев Н.* Наша Конституция – это осознанный выбор народа Казахстана // Казахстанская Правда, 30.08.2002. С. 1–2.

[237] *Назарбаев Н.* Власть больше не одинокая // Время МН, 19.12. 2002. С. 6.

[238] Моя цель – построить нормальное демократическое общество. (Беседа Н.А. Назарбаева с руководителями СМИ) // Казахстанская Правда, 7. 02. 2002. С. 1–3.

[239] *Назарбаев Н.* Прислушиваться к пульсу перемен, нести людям правду // Казахстанская Правда, 13.03. 2002. С.1–2.

[240] *Назарбаев Н.* Никто не вправе отменить демократию // Казахстанская Правда, 26.01. 2002. С. 1.

[241] См.: *Абилов Б.* Чем хуже варит голова – тем лучше в ней каша // Время, 27.06.2002. С. 12–13.

[242] Перерегистрацию прошли 7 партий: «Ак жол», Гражданская партия, «Отан», Аграрная, Коммунистическая, партия патриотов (Г. Касымова) и Социал-демократическая партия «Ауыл». – См.: Деловая неделя, 18.04 2003. С. 2.

[243] Хроника пикирующей демократии // Караван, 5.04.2002. С. 2–3.

[244] Так, резко выступавший против президента депутат разогнанного в 1994 г. парламента В. Чернышев в 1995 г. очень жестоко избивался неизвестными дважды. Избивалась неизвестными и лидер русской организации «Лад» А. Докучаева. – См.: *Козлов С., Константинова Н.* Продолжаются репрессии против активистов оппозиции // Независимая газета, 3.11.1995. С. 3.

[245] Все, кроме политики // Ленинская смена – Экспресс К, 24.05.2002. С. 5.

[246] См.: *Байсеитова Л.* Кто есть «третья сила»? // Assandi-Times, 12.12. 2002. С. 4.

[247] Панорама, 30.08.2002. С.5.

[248] Assandi-Times, 8.11. 2002. С. 1.

[249] Прямой путь – не всегда самый короткий. (Интервью Е. Ертысбаева) // Время, 8.08.2002. С.12–13.

[250] Закон о борьбе с коррупцией действует // Ленинская смена – Экспресс К, 23.08.2002. С. 3–4.

[251] Жакиянов в последнем слове сказал: «Сегодня меня хотят лишить свободы. Но я родился, живу и, когда придет время, буду умирать свободным человеком». – *Танаев К.* Теорема Жакиянова // Assandi-Times, 16.04. 2004. С.1, 6–7.

[252] *Фоменко Ю.* Ходатайство о помиловании отложено // Казахстанская Правда, 27.09. 2003. С.1.

[253] См.: Довыборы – разведка боем... А. Жанабаев. Победил административный ресурс // Assandi-Times, 10.01.2003.

[254] См.: *Павлов К.* Жакиянов сидит за нашу и вашу свободу! // Assandi-Times, 16.04.2004. С. 4.

[255] *Салимов С.* Предвыборные подарки для казахстанской оппозиции // Независимая газета, 18.08.2004. С. 5.

[256] Это почему-то страшно возмущает Е.Ертысбаева, который постоянно выражает свое возмущение в печати. – См.: *Ертысбаев Е.* Еще раз о демократии // Казахстанская правда, 20.11.2003. С.2; Ак жол – это единственная партия, которая сидит на двух стульях // Assandi-Times, 4.06.2004. С. 3.

[257] *Сарсенбайулы А.* Отказаться от предложения было бы глупо // Assandi-Times, 16.07.2004. С. 4.

[258] Сейчас в КПК возник раскол, несомненно, имеющий внутренние причины, – союз с буржуазной оппозицией не мог не вызвать протеста, но, также несомненно, спровоцированный властями. О расколе в КПК см.: *Адилов М.* Бойся НАНайцев, дары приносящих // Assandi-Times, 16.01.2004. С. 2; Серикболсын Абдильдин выдвинут в президенты. (Интервью первого секретаря ЦК КПК Василия Шамина) // Assandi-Times, 16.04.2004. С. 1; *Кашкеева Ж.* Обновленцы или ... раскольники? // Assandi-Times, 30.04.2004. С. 4.

[259] Отнюдь не отождествляя ельцинско-путинский и назарбаевский режимы с фашистскими, мы можем сказать, что логика таких союзов – та же, что и разных антифашистских фронтов в Европе, куда могли входить все в диапазоне от монархистов до коммунистов, ибо все разногласия девальвировались перед лицом системы, в которой никому, кроме одной политической силы, места нет.

[260] *Альжанов М.* Политическая «бомба» Заманбека Нуркадилова // Assandi-Times, 12.03.2004. С. 1; Я просто хочу, чтобы Назарбаев извинился перед народом. (Интервью З. Нуркадилова) // Assandi-Times, 14.03.2004. С. 1, 3.

[261] *Танаев С.* В Казахстане ждут диктатуры // Независимая газета, 22.03.2004. С. 11.

[262] Я прерываю обет молчания. (Заявление З. Нуркадилова) // Assandi-Times, 16.07.2004. С. 3.

[263] Асар – значит вместе // Казахстанская Правда, 29.10.2003. С. 2. Некоторый либеральный оттенок в позиции Дариги можно усмотреть в том, что на вопрос об отношении к оппозиции она ответила, что относится к ней очень хорошо, ибо оппозиция – это «санитары леса». Дарига вовлекла в «Асар» Мурата Ауэзова, занимавшего до последнего времени либерально-оппозиционную пози-

цию. – См.: *Ауэзов М.* Одолеть семь хребтов. (Интервью) // Казахстанская Правда, 25.10.2003. С. 1–4.

[264] См.: *Адилов М.* В семье не без «Асара»? // Assandi-Times, 31.10.2003. С. 1.

[265] *Смаргулов К.* Многопартийность по-казахстански // Assandi-Times, 19.03.2003. С. 2.

[266] О том, что происходит в недрах «Семьи», дает представление такая достаточно грязная история. На сайте «compromat. ru» появились две статьи. В первой сообщается, что Назарбаев имеет вторую тайную семью. При этом рассказываются подробности, говорящие, что автор или заказчик статьи очень хорошо осведомлен и что, скорее всего, статья имеет «внутрисемейное» происхождение. В другой статье это подтверждалось, но одновременно говорилось, что источником первой являются жена Назарбаева Сара и Дарига. Номер газеты Assandi-Times, в котором сообщалось об этой информации, скупался «людьми в штатском» и затем уничтожался. – См.: *Адилов М.* Все могут короли!.. А президенты? // Assandi-Times, 12.12.2003. С. 1.

[267] См. обсуждающие разные варианты преемственности статьи: *Адилов М.* Куда уходят президенты // Assandi-Times, 17.01.2003. С. 3; *Мусатаев Д.* Акела еще не промахнулся // Assandi-Times, 7.02.2003. С. 1.

[268] Казахстанский журналист говорит, что для некоторых властных фигур «Рахат Алиев более опасен, чем вся оппозиция, вместе взятая». – *Кенжеев Н.* На Отан пойдут всем миром // Assandi-Times, 20.02.2004. С. 1.

[269] Президентская гвардия умирает, но не сдается. (Выдержки из интервью Е. Ертысбаева на сайте «Навигатор») // Assandi-Times, 30.04.2004. С. 1.

[270] См.: *Козлов С.* Премьер-министр стал мишенью // Независимая газета, 11.06.1999. С. 5; *Он же.* Правительство удержалось у власти // Независимая газета, 25.06.1999. С. 5.

[271] Так охарактеризовал этот избранный в 1999 г. парламент журналист «Известий» : «Власти... хотели получить «беспроблемный» парламент – и они его получили. Правительству не надо будет ломать голову, как убедить народных избранников проголосовать за тот или иной законопроект, за бюджет, за поправки к Конституции». – *Гуляев А.* Свои люди в мажилисе // Известия, 9.11. 1299. С. 4.

[272] См.: Власть и оппозиция: анализ и прогнозы. (Доклад службы политического анализа Центрально-Азиатского агентства политических исследований APR) // Экономика. Финансы. Рынки. Деловое обозрение республики, 26.07.2002. С. 4.

[273] Новым премьером стал Д. Ахметов. Мы не можем удержаться и не процитировать его ответ на вопрос кого-то из депутатов мажилиса, как он будет относиться к инакомыслящим: «Мы строим правовое государство, и каждый человек имеет свободу слова, свободу мысли и свободу своих прав. Поэтому я просто остаюсь убежденным сторонником того, что мы должны работать в рамках и в поле своего правового государства. У нас не должно быть инакомыслящих, мы должны строить конструктивный диалог, и только в атмосфере взаимопонимания, конструктивных решений, в духе того, что мы строим единое государство, в духе того, что государство Казахстан должно быть богатым, и для этого есть программа президента, и мы должны заниматься ее реализацией, находя и понимая друг друга». – Новая метла: первые испытания // Караван, 20.06.2003. С. 5.

[274] О том, что И. Тасмагамбетов отнюдь не потерял доверия президента, говорит его последующее назначение главой президентской администрации.

[275] *Туякбай Ж.* Опыт возмужания // Казахстанская Правда, 2.12.2003. С.2–3.

[276] Опрос 1998 г. показал, что 28% казахстанцев считают, что Россия – более демократическая страна, чем Казахстан, и только 6% – что менее демократическая. – *Попов Н., Рубцов А.* Скажи мне, кто твой сосед, и я скажу тебе, кто ты... // НГ Содружество, №5. С. 3 (Независимая газета, 27.05.1998).

[277] *Гликин М.* Президентский марафон снова начался в степи // Независимая газета, 12.01.2004. С. 1.

[278] *Ертысбаев Е.* Пора менять всю систему // Время, 18.04.2002. С.12–13.

[279] В последнее время в России также стала проявляться подобная тенденция, но в значительно более слабой форме и явно связанная с тем, что обе – и правая, и левая – оппозиции находятся «при последнем издыхании».

[280] *Ауэзов М.* Одолевая семь хребтов // Казахстанская правда, 25.10.2003. С. 1–4.

[281] Важна не столько реальная политическая система средневековья, сколько ее образ, то, как она воспринимается современным сознанием. В Казахстане Кажегельдин может сказать, что казахи – демократический народ: «У нас ханов всегда выбирали». (*Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон; Москва, 2001. С. 165). В России такая фраза невозможна.

[282] См.: *Танаев К.* Нурсултан Назарбаев на царстве // Независимая газета, 3.02.2004. С. 5.

[283] И сторонники, и противники Ельцина и Назарбаева естественным образом склонны романтизировать их фигуры, приписывая им какие-то особые качества, что как-то поднимает и их самих в их собственных и чужих глазах. На наш взгляд, ничего «особенного» в них нет. Не может быть никаких сомнений, что Ельцин – человек предельной «интеллектуальной простоты», говоривший, что ему приходило в голову, и веривший в то, что говорит. Назарбаев – значительно тоньше, хитрее, «коварнее» и выше интеллектуально. Но все его хитрости, многочисленные примеры которых мы видели, – не слишком сложны и иногда даже «наивны». Они могли обмануть только тех, кому ничего иного не оставалось, как обманываться.

[284] В казахстанской официальной мифологии фигурирует некая русская старушка, которая на встрече президента с народом сказала ему: «На тебе крови нет, сынок» (*Жатканбаев Е.* Мы за президента, создающего будущее // Казахстанская Правда, 8.01. 199. С. 3). Старушка, даже если она – «мифологическая», в целом права. Посадить в тюрьмы нескольких противников, разгонять, но без убийств, парламенты, нарушать все конституции, которые он клялся соблюдать, и пользоваться услугами Гиффена, – это все же не бойня 1993 г. и не чеченские войны.

[285] См.: *Козлов С.* Новый Верховный Совет собрался на первую сессию // Независимая газета, 21.04.1994. С. 3.

[286] Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью Н.Назарбаева) // Независимая газета, 15.11. 1995. С. 3.

[287] См.: *Кара-Мурза В.* Казахская оппозиция пожаловалась британскому парламенту // Коммерсант, 12.05.2003. С. 11.

[288] *Олкотт Марта Брилл.* Казахстан. Непройденный путь. Москва; Вашинг-

тон, 2003. С.23. Книга М. Олкотт начинается словами нигерийского писателя Ч. Ачебе, который пишет, что его родина – прекрасная страна, в которой есть все, и «в характере нигерийцев нет никакого изъяна», а «беда Нигерии заключается только в несостоятельности ее руководства». М. Олкотт считает, что это высказывание полностью применимо к Казахстану. Вряд ли стоит полемизировать с этой точкой зрения, естественной для нигерийского писателя, но выглядящей удивительной наивностью в книге американского автора. Для России подобная логика («Почему у нас, такого талантливого и великого народа, все так плохо?») также очень характерна. Я полностью согласен с критикой этой точки зрения, представленной в статье: *Румер Борис*. Введение. Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы / Под ред. Бориса Румера. Алматы, 2003.

[289] *Назарбаев Н.* Вырисовывается новый треугольник: Россия, Белоруссия, Казахстан. (Интервью) // Независимая газета, 15.11.1995. С. 3.

[290] Постсоветские режимы, несомненно, близки к подобным режимам во многих странах «третьего мира», где авторитарная власть президентов также в какой-то мере камуфлируется демократическим фасадом и где власть также передается фактически по наследству (часто просто от отца к сыну, как в Сирии, в Гаити при Дювалье, в Никарагуа при Сомосе). Для того чтобы лучше понять судьбу постсоветских режимов и возможности мирного и «плавного» перехода от них к демократии, нужны сложные сравнительные исследования.

ОБ АВТОРАХ

Ардаев Владимир, журналист, в 1987—1998 гг. корреспондент газеты «Известия» в Казахстане, Москва.

Бектурганова Бажытжамал, доктор философских наук, президент Ассоциации социологов и политологов Казахстана, Алматы, Казахстан.

Борисова Екатерина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Докучаева Александра Викторовна, кандидат физико-математических наук, депутат Верховного Совета Казахской ССР XI созыва, одна из основателей и председателей (1994—1995 гг.) Республиканского движения «Лад» в Казахстане, в настоящее время заведующая отделом диаспоры и миграции Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ), Москва.

Жуков Станислав, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва.

Косач Григорий, доктор исторических наук, профессор, Институт Стран Азии и Африки, Москва.

Куртов Аждар, президент Московского центра публичного права, Москва.

Либман Александр, научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований, Москва.

Ока Нацуко, научный сотрудник Института развивающихся экономик, Токио, Япония.

Пьянчола Никколо, докторант Университета Суор Орсола Бенинказа, Неаполь, Италия.

Своик Петр, директор учреждения «Демократическая экспертиза. Аналитическая служба Петра Своика», Алматы, Казахстан.

Фурман Дмитрий, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва.

Шац Эдвард, доцент кафедры политических наук Университета Южного Иллинойса, США.

СОДЕРЖАНИЕ